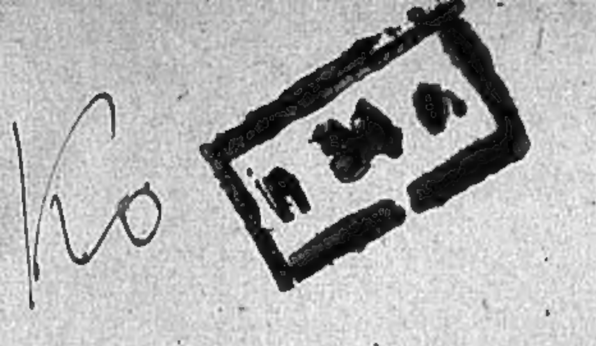


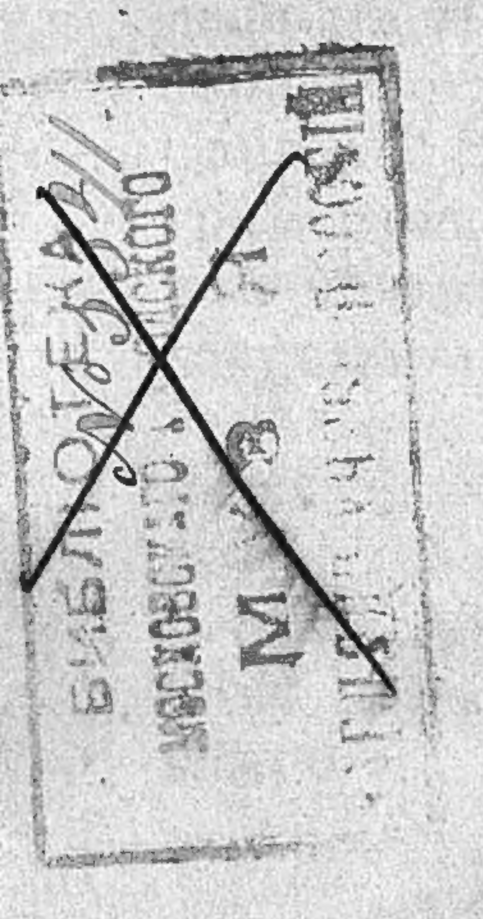
Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

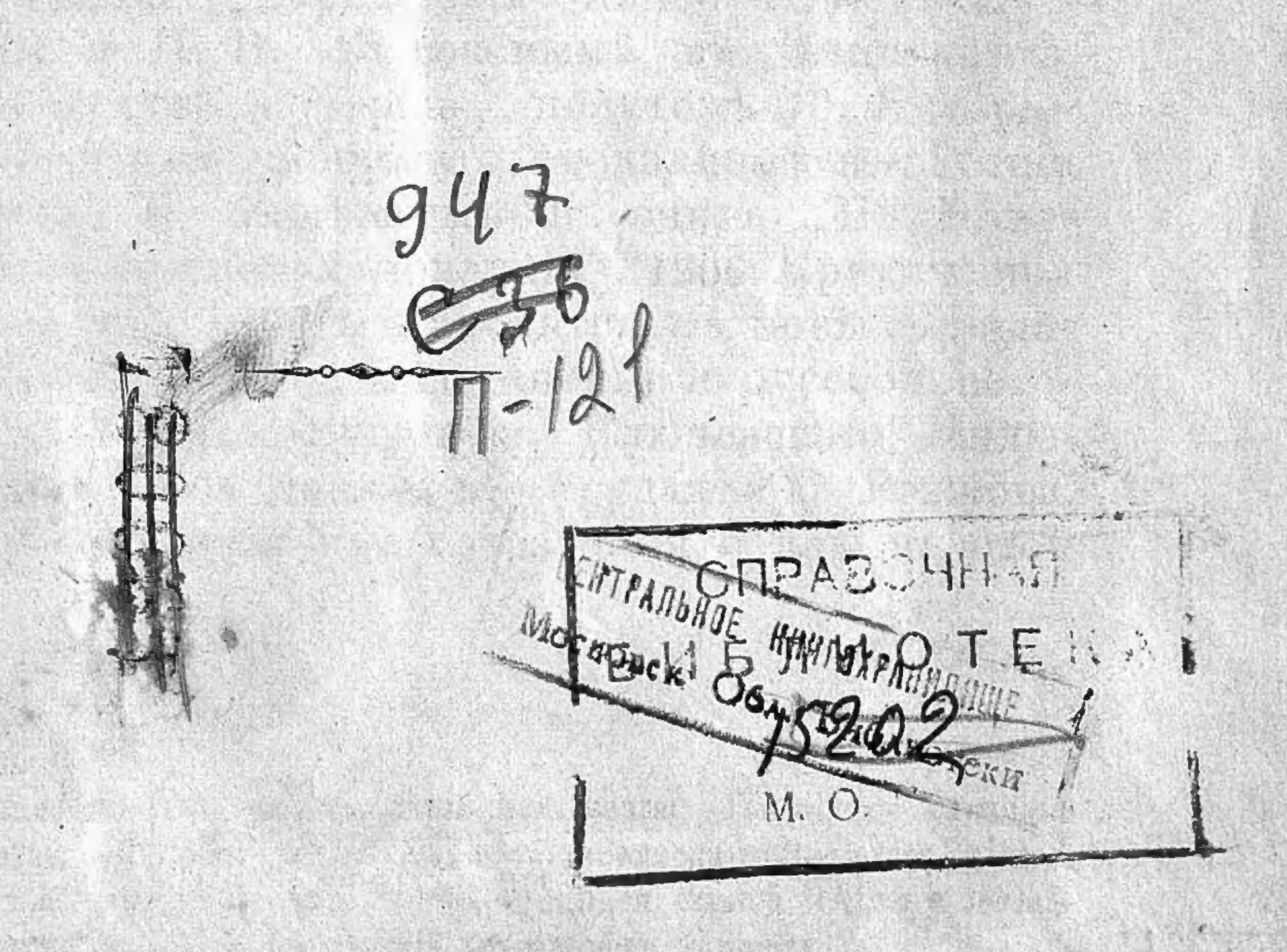
Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

Н. П. Сильванскій.

ФЕОДАЛИЗМЪ

ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.





С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ".

1907.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ. Прачешный пер., д. № 6.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этой книгѣ я излагаю общіе выводы моихъ изслѣдованій. Глава о „феодальныхъ основахъ удѣльнаго порядка", въ большей ея части, основана на моихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ 1897—1902 годахъ. Въ главѣ о „сеньеріальныхъ основахъ удѣльнаго порядка" кратко излагаются выводы недавно законченнаго мною изслѣдованія объ общинѣ и крупномъ землевладѣніи. Книга, въ которую войдутъ эти работы, будетъ издана въ скоромъ времени.

Упомянутыя мои статьи—слѣдующія: „Закладничество-патронатъ" („Записки Импер. русск. археологич. общ.", т. IX, вып. I и II, 1897); „Иммунитетъ въ Удѣльной Руси" („Журн. минист. народ. просвѣщ.", 1900, № 12); „Феодальныя отношенія въ Удѣльной Руси" (тамъ же, 1901, № 6, 1902, № 1); „Новое объясненіе закладничества" (тамъ же, 1901, № 10); „Символизмъ въ древнемъ русскомъ правѣ" (тамъ же, 1905, № 6) *).

Обзоръ этихъ статей, съ критическими замѣчаніями, сдѣланъ Ѳ. В. Тарановскимъ въ статьѣ: „Феодализмъ въ Россіи" („Варшавскія Университ. Извѣстія", 1902, и отд.) и П. Н. Милюковымъ въ „Энциклопед. Словарѣ" Брокгауза и Ефрона, полутомъ 70. Исторіографическій очеркъ вопроса о феодализмѣ въ Россіи напечатанъ Н. И. Карѣевымъ въ книгѣ „Помѣстье-государство и сословная монархія", 1906. Критическія замѣчанія на мои работы находятся въ новыхъ изданіяхъ извѣстныхъ общихъ сочиненій по русской исторіи г.г. Владимірскаго-Буданова, Ключевскаго, Милюкова, Сергѣевича, а также въ трудахъ г. Рожкова. Отвѣтъ на важнѣйшія ихъ возраженія я даю въ этой книгѣ.

Н. П.-С.

---

*) Съ этими статьями имѣетъ связь моя книга: «Государевы служилые люди», 1908, статья: «Мѣстная грамота XIV вѣка» («Записки отдѣл. русск. и слав. археологіи р. арх. общ.», т. VII, вып. 2, 1907 и отд.), и изданіе «Акты о закладчикахъ» (печатается въ «Лѣтописи занятій археографич. комиссіи»).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этой книгѣ я излагаю общіе выводы моихъ изслѣдованій. Глава о „феодальныхъ основахъ удѣльнаго порядка“, въ большей ея части, основана на моихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ 1897—1902 годахъ. Въ главѣ о „общинныхъ основахъ удѣльнаго порядка“ кратко излагаются выводы недавно законченнаго мною изслѣдованія объ общинѣ и крупномъ землевладѣніи. Книга, въ которую войдутъ эти работы, будетъ издана въ скоромъ времени.

Упомянутыя мои статьи слѣдующія: „Закладничество-патронатъ“ („Записки Импер. русск. археологич. общ.“, т. IX, вып. I и II, 1897); „Иммунитетъ въ Удѣльной Руси“ („Журн. министерства народ. просвѣщ.“ 1900, № 12); „Феодальныя отношенія въ Удѣльной Руси“ (тамъ же, 1901, № 6, 1902, № 1); „Новое объясненіе закладничества“ (тамъ же, 1901, № 10); „Символизмъ въ древнемъ русскомъ правѣ“ (тамъ же, 1905, № 6) *).

Обзоръ этихъ статей, съ критическими замѣчаніями, сдѣланъ Ө. В. Тарановскимъ въ статьѣ: „Феодализмъ въ Россіи“ („Варшавскія Университ. Извѣстія“, 1902, и отд.) и П. Н. Милюковымъ въ „Энциклопед. Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона, полутомъ 70, Историческій очеркъ вопроса о феодализмѣ въ Россіи напечатанъ Н. И. Каревымъ въ книгѣ „Поместное государство и сословная монархія“, 1906. Критическія замѣчанія на мои работы находятся въ новыхъ изданіяхъ извѣстныхъ общихъ сочиненій по русской исторіи г.г. Владимірскаго-Буданова, Ключевскаго, Милюкова, Сергѣевича, а также въ трудахъ г. Рожкова. Отвѣтъ на важнѣйшія ихъ возраженія я даю въ этой книгѣ.

Н. П-С.

*) Съ этими статьями вмѣстѣ слѣд. мои книги: «Государевы служилые люди», 1903, статья: «Мѣстная грамота XIV вѣка» («Записки отдѣл. русск. и слав. археологіи р. арх. общ.», т. VII, вып. 2, 1907 и отд.), и изданіе «Акты о закладникахъ» (появится въ «Лѣтописи занятій археографич. комиссіи»).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Теоріи русской исторіи.

I. Славянофильская теорія самобытности и западническая теорія родового быта.

§ 1. *Коренное отличіе и самобытность.*

Глубокое различіе между историческимъ развитіемъ Россіи и запада для большинства русскихъ историковъ—положеніе, не требующее доказательства. Освященное вѣковою уже давностью и авторитетомъ именъ лучшихъ знатоковъ русской древности, положеніе это, какъ-будто бы, твердо обосновано общими и спеціальными изслѣдованіями и подтверждено неудачами тѣхъ изслѣдователей, которые пытались поколебать этотъ, по виду столь непоколебимый, устой науки русской исторіи. Мысль о глубокомъ различіи между Россіей и западомъ объединяетъ лучшихъ историковъ, выясняющихъ одни—„совершенную самобытность" русской исторіи, другіе—ея „крайнее своеобразіе", третьи—ея „полную противоположность" исторіи западной, до рѣзкаго „контраста". Мысль эта, ставшая мыслью предвзятой, внушаетъ довѣріе ко всякому, хотя бы и очень неосторожно выясненному, „коренному отличію" русской древности и заставляетъ нѣкоторыя, бросающіяся въ глаза, самоочевидныя сходства ея съ древними учрежденіями другихъ народовъ объяснять исключительно заимствованіемъ отъ всѣхъ нашихъ сосѣдей: варяговъ, монголовъ, финновъ, византійцевъ.

Въ самомъ началѣ научной разработки русской исторіи изслѣдователи встрѣтили въ древнѣйшемъ ея періодѣ немало учрежденій, поразительно сходныхъ съ германскими. Признавъ это сходство, они объяснили его заимствованіемъ отъ варяговъ, и вслѣдъ за ними Карамзинъ утверждалъ, что „варяги принесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россію,... во всемъ согласные съ древними законами скандинавскими", что варяги, „законодатели нашихъ предковъ, были ихъ наставниками и въ дѣлѣ войны". Варягъ же Рюрикъ, „отдавъ въ управленіе знаменитымъ единоземцамъ своимъ" завоеванныя имъ и его братьями области, создалъ у насъ „подобіе системѣ феодальной", которую Карамзинъ называлъ „общей язвой тогдашняго времени", сообщенной Европѣ народами германскими. Очень далекій отъ мысли выяснить сходство или различіе между

русскимъ и западнымъ историческимъ развитіемъ, Карамзинъ по-своему тоже выяснялъ сходство между древностью русской и другихъ народовъ, ставя себѣ задачей показать, что у насъ тоже, какъ у другихъ народовъ, была вообще исторія, что „исторія Россійская имѣетъ право на вниманіе". Его элементарная „философія исторіи" выражается въ слѣдующемъ положеніи: судьбу народовъ рѣшаетъ „таинственная рука Провидѣнія" чрезъ избранныхъ государей-героевъ. Столь же элементарна его теорія русской исторіи, давно уже ставшая наивной: „Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновластія, а спаслась мудрымъ самодержавіемъ".

Распространенное среди нашихъ историковъ до послѣдняго времени мнѣніе о глубокомъ различіи между исторіей русской и западной наиболѣе рѣзко выражено было славянофилами въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, т.-е. въ самомъ началѣ изученія нашей древности съ новой философской точки зрѣнія на историческій процессъ какъ на органическое развитіе.

Не довольствуясь внѣшнимъ отличіемъ русской исторіи отъ западной, славянофилы начали искать различія внутренняго въ глубинахъ народной жизни, выясняя русскую „самобытность". Исходя изъ философіи исторіи Гегеля, они задались цѣлью доказать, что русскій народъ принадлежитъ къ числу народовъ всемірно-историческихъ, народовъ избранныхъ, которые развиваютъ, каждый свое особое начало, какъ новую ступень историческаго развитія человѣчества или какъ новую ступень развитія мірового духа. Сообразно этому славянофилы искали въ русской древности „задатковъ для развитія новыхъ началъ, чуждыхъ другимъ народамъ", задатковъ самобытнаго духовнаго типа, который могъ бы явиться шагомъ впередъ въ развитіи общечеловѣческомъ. „Разумное развитіе народа—писалъ Хомяковъ—есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго бытія".

Начало русскаго самобытнаго развитія И. Кирѣевскій нашелъ, главнымъ образомъ, въ русскомъ православіи, возвысивъ его отличія отъ католицизма на степень глубочайшаго отличія между Россіей и западомъ. „Христіанство проникло въ умы западныхъ народовъ чрезъ ученіе одной римской церкви,—въ Россіи оно зажигалось на свѣтильникахъ всей церкви православной; богословіе на западѣ приняло характеръ разсудочной отвлеченности,—въ православномъ мірѣ оно сохранило внутреннюю цѣльность духа; тамъ раздвоеніе силъ разума, здѣсь стремленіе къ ихъ живой совокупности". Отсюда у насъ вообще разумность, какъ соединеніе вѣры и разума или сердца и ума, а на западѣ разсудочность, выражающаяся какъ въ силлогизмахъ средневѣковой схоластики, такъ и въ логической односторонности германской философіи. Отсюда—вмѣстѣ съ разумностью у насъ цѣльность, а на западѣ—вмѣстѣ съ разсудочностью раздвоенность, какъ крайнія выраженія русской и западно-европейской образованности.

Въ области государственнаго и общественнаго развитія Кирѣевскій находилъ у насъ также цѣльность, въ противоположность западной раздвоенности. Придавая особенное значеніе исходному началу этого развитія,—такъ какъ-де „свойство плода зависитъ отъ свойства сѣмени“,—онъ выдвигалъ призваніе или пришествіе варяговъ, какъ противоположность завоеванію, съ котораго начинается исторія запада. „Тамъ—государственность изъ насилій завоеванія; здѣсь—(при отсутствіи завоеванія) изъ естественнаго развитія народнаго быта“. И, какъ слѣдствіе завоеванія, на западѣ—„враждебная разграниченность сословій“, а въ древней Россіи—„ихъ единодушная совокупность при естественной разновидности“.

Кромѣ православія и мирнаго пришествія князей, Кирѣевскій видѣлъ третье коренное отличіе Россіи отъ запада въ общинномъ землевладѣніи, противоположномъ западной частной собственности на землю. „Все зданіе западной общественности—писалъ онъ—стоитъ на развитіи этого личнаго права собственности“; у насъ же въ древности „земля принадлежитъ общинѣ“, хотя „право общины надъ землею ограничивается правомъ помѣщика“. „Община постоянно была—доказывалъ согласно съ этимъ К. Аксаковъ—основою русскаго общественнаго устройства“. Противополагая общинный бытъ западному феодализму, Кирѣевскій писалъ: „Воображая себѣ русское общество древнихъ временъ, не видишь ни замковъ, ни окружающей ихъ подлой черни, ни благородныхъ рыцарей, ни борющагося съ ними короля. Видишь безчисленное множество маленькихъ общинъ, по всему лицу земли русской разсѣянныхъ и имѣющихъ, каждая на извѣстныхъ правахъ, своего распорядителя и составляющихъ каждая свое особое согласіе или свой маленькій міръ; эти маленькіе міры или согласія сливаются въ другія, бóльшія согласія... областныя и, наконецъ, племенныя, изъ которыхъ уже слагается одно общее, огромное согласіе всей русской земли“ *).

§ 2. *Теоріи Кавелина и Соловьева.*

Въ признаніи коренного различія между развитіемъ русскимъ и западнымъ вполнѣ сошелся съ славянофилами западникъ Кавелинъ. Ставя себя задачу понять русскую исторію, какъ „развивающійся организмъ“, какъ „рядъ явленій, необходимо связанныхъ между собою, необходимо вытекающихъ одно изъ другого“, Кавелинъ признавалъ, что въ основѣ органическаго развитія, русскаго и германскаго, лежатъ различныя противоположныя начала. Германскія племена „рано развили начало личности“, и дальнѣйшее развитіе этого начала было основою ихъ исторіи. У рус-

*) И. В. Кирѣевскій, Полн. собр. сочин., т. II, стр. 261 266, 275 и 276 («О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи», Моск. сборникъ, 1852 г.). А. Хомяковъ, Сочин., т. II, стр. 279, 284. К. Аксаковъ, Сочин., т. I, стр. 123.

ско-славянскихъ племенъ „начало личности не существовало“; у нихъ въ основѣ развитія было начало родственныхъ связей, родъ и семья. Самыя „задачи исторіи“ были различны: германцамъ „предстояло развить историческую личность, которую они принесли съ собою, въ личность человѣческую; намъ—создать личность. У насъ и у нихъ вопросъ поставленъ такъ неодинаково, что и сравненіе невозможно“.

Въ своей полемикѣ съ Погодинымъ, соратникомъ славянофиловъ, Кавелинъ соглашался съ нимъ, что „русская исторія представляетъ совершенную противоположность исторіи западныхъ государствъ“, и отрицалъ даже какую бы то ни было возможность сравненія ея съ исторіей западной: „Это не та противоположность, которая коренится въ одной почвѣ и можетъ быть въ двухъ величинахъ, равныхъ между собою. Это—противоположность предметовъ разнородныхъ, которые потому только и совершенно различны, что рѣшительно не имѣютъ ничего общаго между собою, ни одной точки одинаковой“.

Такое признаніе рѣзкой противоположности между исторіей русской и западной, признаніе совершенно различныхъ началъ развитія той и другой, дѣлало очень шаткой позицію Кавелина въ его политической борьбѣ съ Погодинымъ и славянофилами на этой исторической почвѣ. Ихъ столь удаленный по виду отъ современной имъ дѣйствительности, столь академическій споръ объ основныхъ началахъ развитія древней Россіи, о родовомъ бытѣ и о призваніи князей, былъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ вопросомъ о будущемъ развитіи Россіи и имѣлъ въ то время острое политическое значеніе. Позиція Кавелина въ этомъ спорѣ была шаткой потому, что славянофилы очень послѣдовательно отъ самобытности русскаго прошлаго дѣлали выводъ къ самобытности будущаго; Кавелинъ же, доказывая одинаково съ ними органичность развитія, долженъ былъ допустить скачекъ въ развитіи, чтобы обосновать переходъ отъ своеобразнаго прошлаго къ лучшему будущему, единообразному съ западомъ. Раскрывая „затаенную“ мысль Погодина, что „мы не должны любить то, что европейскіе народы любятъ, не должны стремиться къ одному съ ними“, Кавелинъ отвѣчалъ, что, несмотря на все „многоразличіе путей, всѣ народы стремятся къ одному идеалу“, и что русскій народъ уже вышелъ на одну дорогу съ германскимъ въ эпоху Петра Великаго. Съ петровской реформой—утверждалъ Кавелинъ—мы усвоили уже чуждое намъ дотолѣ германское начало личности.

Это была старая мысль о Петрѣ Великомъ, какъ творцѣ новой Россіи, о петровской реформѣ, какъ залогѣ дальнѣйшей европеизаціи Россіи. Но она не подходила къ новой теоріи, такъ какъ разрывала органическое развитіе Россіи на двѣ половины, несмотря на всѣ усилія Кавелина замаскировать этотъ разрывъ. Онъ утверждалъ, что уже древняя Русь въ результатѣ органическаго развитія ея родового начала выработала первые зачатки личности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ настаивалъ на томъ, что эти зачатки были только „формой, лишенной содержанія“; что „содер-

жаніе" было у насъ „привито" личности „извнѣ" въ петровскую эпоху; что у насъ „лицо должно было начать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ" *).

Общій ходъ русскаго историческаго развитія Соловьевъ такъ же какъ Кавелинъ, тѣсно связывалъ съ господствомъ въ древности родового быта. Признавая, что родовой бытъ очень рано, уже въ IX вѣкѣ, теряетъ „полное свое господство", Соловьевъ выдвигалъ долго сохраняющіяся родовыя отношенія между князьями, утверждая, что такія отношенія въ родѣ правителей, родовой порядокъ преемства княжескихъ столовъ, постоянные переходы князей изъ одного княжества въ другое, „могущественно дѣйствуютъ на весь общественный бытъ древней Руси", на отношенія князей къ дружинѣ и къ остальному населенію, „однимъ словомъ, находятся на первомъ планѣ, характеризуютъ время".

Соловьевъ ставилъ себѣ ту же задачу, что и Кавелинъ: выяснить органическое развитіе русской исторіи, опредѣляя ее въ слѣдующихъ словахъ: „слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ,.. объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ". Соотвѣтственно этому, онъ рѣшительно отвергалъ важность внѣшнихъ вліяній, норманскаго и монгольскаго, оспаривая Карамзина и Погодина, придававшихъ имъ преувеличенное значеніе, закрывавшихъ этими внѣшними вліяніями внутреннія главныя условія развитія.

По мѣрѣ ослабленія родовыхъ связей, родовыя княжескія отношенія въ сѣверо-восточной Руси, независимо отъ внѣшнихъ вліяній, постепенно переходятъ въ государственныя. Этотъ „переходъ родовыхъ отношеній между князьями въ государственныя" составляетъ, по теоріи Соловьева, „главное, основное явленіе", которое такъ же, какъ раньше родовыя междукняжескія отношенія, „условливаетъ рядъ другихъ явленій, сильно отзывается въ отношеніяхъ правительственнаго начала къ дружинѣ и остальному народонаселенію". Въ эту схему Соловьева Кавелинъ внесъ дополняющую ее и очень важную съ точки зрѣнія органическаго развитія поправку. Онъ заполнилъ слишкомъ рѣзкій у Соловьева переходъ отъ родовыхъ отношеній къ государственнымъ, точнѣе формулировавъ переходный періодъ господства семейныхъ, вотчинныхъ отношеній, которыя фактически были выяснены Соловьевымъ въ его диссертаціи, но не были имъ выдвинуты въ качествѣ важнаго момента общей схемы развитія. „Родовой бытъ—писалъ Кавелинъ въ рецензіи на вторую диссертацію Соловьева—послѣ XIII вѣка началъ переходить въ гражданскій, а не государственный, какъ думаетъ г. Соловьевъ. Органическая связь скрывается въ вотчинномъ семейственномъ началѣ, тоже основанномъ на кровномъ родствѣ, слѣдовательно, тоже патріархальномъ... Семья разла-

---

*) Сочиненія К. Д. Кавелина, изд. 1897, т. I, стр. 16—18, 57, 201, 220 и др. (статья «Взглядъ на юридическій бытъ древней Руси», 1847 г., и статьи объ изслѣдованіяхъ Погодина, 1847 г.).

гаетъ родъ на части, и, когда она беретъ верхъ, послѣдній необходимо падаетъ“...

Общая схема русскаго развитія, формулированная Кавелинымъ съ этой поправкой, приняла слѣдующій видъ: 1. Родъ и община (общее владѣніе). 2. Семья и вотчина (частное владѣніе). 3. Государство и зачатки личности. 4. Петровская реформа и начало личности.

Петровская реформа, прерывавшая въ теоріи Кавелина органическое развитіе заимствованіемъ чуждаго германскаго начала личности, то же значеніе перерыва имѣла и въ схемѣ Соловьева, хотя и въ другой формулировкѣ. Тщательно устраняя для древнихъ періодовъ внѣшнія вліянія норманновъ и монголовъ, придавая главное значеніе внутреннему развитію основныхъ началъ строя, Соловьевъ для исторіи XVIII вѣка, съ Петра Великаго на первый планъ выдвигалъ внѣшнее вліяніе: „заимствованіе плодовъ европейской цивилизаціи“. И подобно тому какъ Кавелинъ старался замаскировать разрывъ между древней и Петровской Русью указаніемъ на то, что древняя Русь прежде, чѣмъ она „исчерпала себя вполнѣ и прекратилась“, выработала „зачатки личности“ (какъ форму, лишенную содержанія), такъ Соловьевъ, стараясь связать Петровскую Россію съ Московской, указывалъ особенно на то, что „приготовленіе къ новому порядку вещей“ началось уже при первыхъ Романовыхъ, что тогда уже „мы видимъ начало важнѣйшихъ преобразованій“. Но какъ бы рано ни началась подготовка петровской реформы, эта реформа, въ теоріи Соловьева и Кавелина, прерываетъ органическое развитіе внутреннихъ древнихъ началъ внѣшнимъ заимствованіемъ.

§ 3. *Первый шагъ къ сближенію русскаго и западнаго развитія.*

Въ своихъ теоріяхъ русскаго историческаго развитія и Соловьевъ и Кавелинъ одинаково исходили изъ родового быта, но существенно разошлись въ историко-философской оцѣнкѣ его значенія. Близко подходя къ славянофиламъ, Кавелинъ подчеркивалъ полную противоположность русской и западной исторіи и въ родовомъ и семейномъ началѣ видѣлъ особое начало русскаго развитія, противоположное западному началу личности. Въ противность Кавелину, Соловьевъ, поддержанный Грановскимъ, настаивалъ на сходствѣ русскаго родового быта съ начальнымъ патріархальнымъ бытомъ другихъ народовъ и, такимъ образомъ, сближалъ русское историческое развитіе съ западнымъ въ ихъ исходныхъ пунктахъ, столь важныхъ съ точки зрѣнія органическаго развитія. Это сближеніе наносило сильный ударъ теоріи исключительной самобытности русскаго развитія, выдвинутой славянофилами, и заставило Константина Аксакова съ особеннымъ рвеніемъ отрицать существованіе у насъ какихъ бы то ни было признаковъ патріархальнаго родового быта.

Уже Эверсъ, первый теоретикъ родового быта, видѣлъ въ немъ не особое начало русской исторіи, а порядокъ, свойственный всѣмъ на-

родамъ на начальной ступени развитія, „основанный на самой природѣ человѣческой". Древнее русское право, въ отношеніи родового быта и другихъ учрежденій, „можетъ—писалъ Эверсъ—содѣйствовать къ раскрытію древняго права вообще".

Ту же мысль отстаивалъ въ 50-хъ годахъ Грановскій въ своей статьѣ „О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ", посвященной имъ Соловьеву и Кавелину. Въ этой статьѣ онъ съ большой похвалой отозвался о „превосходной" книгѣ Эверса, въ которой „непревзойденнымъ до сихъ поръ образомъ сближены для взаимнаго уясненія древности славянскаго и германскаго права". Согласно съ Эверсомъ Грановскій утверждалъ, что исторія всякаго народа начинается съ родового быта, и доказывалъ, что „древне-германская община есть не что иное, какъ родъ", что „родовыя формы" преобладали у германцевъ „долгое время послѣ вступленія въ исторію", наконецъ, что „сближеніе германскаго родового быта съ тѣмъ же порядкомъ у славянъ и кельтовъ можетъ повести къ самымъ плодотворнымъ для науки выводамъ". Идя по этому пути сближенія русскихъ и германскихъ порядковъ древнѣйшаго періода, Грановскій, между прочимъ, утверждалъ, что и „наша древняя вервь представляетъ нѣчто, соотвѣтствующее германской маркѣ".

Соловьевъ былъ вполнѣ согласенъ съ Грановскимъ въ такомъ сближеніи русскаго и германскаго быта. Въ одной изъ позднѣйшихъ своихъ статей онъ говорилъ, одинаково съ Грановскимъ, что всякое „общество начинается кровнымъ или родовымъ союзомъ", и, имѣя въ виду болѣе долгое господство родовыхъ началъ въ Россіи, чѣмъ въ Германіи, писалъ, что „родовой бытъ исчезаетъ скорѣе въ странахъ, обильныхъ народонаселеніемъ и большими городами,.. и держится долѣе въ странахъ, носящихъ преимущественно земледѣльческій характеръ, въ странахъ, медленно развивающихся, обширныхъ и мало населенныхъ".

Въ первомъ томѣ „Исторіи Россіи", изданномъ въ 1851 году за 4 года до статьи Грановскаго, онъ доказывалъ сходство разныхъ сторонъ древняго славянскаго быта съ германскимъ, и утверждалъ, что „норманы быстро сливались съ русскими, особенно потому, что въ своемъ народномъ бытѣ не находили препятствій къ этому слиянію". Признавая „рѣзкое различіе нашей исторіи отъ исторіи западныхъ государствъ, различіе, ощутительное въ самомъ началѣ,... объясняемое многими различными причинами", Соловьевъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, исторію—с о б ы т і я, и настаивалъ на сходствѣ древняго русскаго б ы т а съ германскимъ. Такъ, онъ указывалъ, что „въ древнемъ языческомъ бытѣ скандинаво-германскихъ племенъ мы замѣчаемъ близкое сходство съ древнимъ языческимъ бытомъ славянъ"; о „Русской Правдѣ" говорилъ, что „послѣ того, какъ она сличена была съ законодательными памятниками другихъ славянскихъ народовъ, не можетъ быть и рѣчи не только о томъ, что „Русская Правда" есть скандинавскій законъ, но даже о сильномъ вліяніи въ ней скандинавскаго элемента"; такъ, онъ

утверждалъ, что «дружинная жизнь не есть исключительная принадлежность германскаго племени: Болеславъ Польскій живетъ съ своею дружиною такъ же, какъ Владиміръ съ своею".

Согласно съ Грановскимъ и Соловьевымъ, и третій западникъ, Чичеринъ, доказывалъ въ 50-хъ годахъ, что „у насъ, какъ и вездѣ, существовалъ союзъ кровный"; что „преобладающею его формою была особность родового быта", и что вообще „славянскій міръ и западный, при поверхностномъ различіи явленій, представляютъ глубокое тожество основныхъ началъ быта" *).

Грановскій и Соловьевъ, такимъ образомъ, рѣзко расходились съ славянофилами, а также и съ Кавелинымъ, тѣсно сближая древнѣйшія основы русскаго развитія съ германскими. Сближеніе этихъ древнѣйшихъ началъ родового быта получало особую важность въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, потому что славянофилы, основываясь на германской философіи, придавали начаткамъ развитія чрезвычайное значеніе, полагая, что они опредѣляютъ всю дальнѣйшую его судьбу, какъ „свойство сѣмени" опредѣляетъ „свойство плода". „Начало государства—писалъ Погодинъ согласно съ славянофилами—есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень его исторіи, и рѣшаетъ судьбу его навѣки вѣковъ;... исторія такъ происходитъ изъ начала, какъ изъ крошечнаго сѣмени вырастаетъ то или другое дерево".

Соловьевъ и Грановскій въ корнѣ разрушали такое и подобныя ему противоположенія „началъ", доказывая, что русское развитіе началось одинаково съ германскимъ съ родового быта, и дѣлали первый шагъ къ научному сближенію русской и западной исторіи.

II. Соціологическая теорія Соловьева.

§ 4. *Соловьевъ и Бокль.*

Позднѣйшая соціологическая теорія, развитая Соловьевымъ въ XIII томѣ его „Исторіи Россіи", 1864 года, и въ его статьяхъ 70-хъ годовъ, существенно отличается отъ первоначальной родовой теоріи, изложенной въ его диссертаціяхъ (1845—1847 г.) и особенно во введеніи къ I-му тому „Исторіи", 1851 года.

Прежде, согласно требованіямъ историко-философской теоріи органическаго развитія, Соловьевъ искалъ въ нашей исторіи основного движущаго начала, характеризующаго все остальное, и нашелъ органичность развитія въ переходѣ родовыхъ отношеній въ государственныя. Позднѣй-

---

*) І Ф. Эверсъ, «Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи» (1826), перев. Платонова, 1835 г., стр. 1—2, 12. Т. Грановскій, «О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ», 1855 г. Сочин., т. I, стр. 138—167. С. Соловьевъ «Исторія Россіи», т. I, предисловіе, гл. 8, стр. 271—274. Сочиненія, стр. 512 Б. Чичеринъ. «Опыты по исторіи р. права», 1858, стр. 367. «Областныя учрежденія», 1856, стр. 28.

шую свою теорію онъ строитъ соціологически: онъ исходитъ изъ общихъ законовъ развитія разныхъ народовъ, изучаетъ русское развитіе сравнительно съ западнымъ, выясняя сходство и условія различія, и, согласно съ Боклемъ, выдвигаетъ на первый планъ „условія природныя"—географическій факторъ, какъ говорятъ въ наше время, и „интеллектуальное развитіе", или факторъ интеллектуальный.

Свой общій обзоръ русской исторіи въ XIII томѣ Соловьевъ начинаетъ съ общаго взгляда на „исторію распространенія европейской цивилизаціи" въ ея „постепенномъ движеніи отъ запада къ востоку". Съ точки зрѣнія „цивилизаціи" или „умственнаго развитія" онъ рѣзко дѣлитъ жизнь каждаго народа на два „возраста", приравнивая „органическую" жизнь народа къ жизни отдѣльнаго человѣка. Въ „первомъ возрастѣ" „народъ живетъ преимущественно подъ вліяніемъ чувства"; во второмъ—„чувство уступаетъ мало-по-малу свое господство мысли"; этотъ второй возрастъ „красится процвѣтаніемъ науки, просвѣщеніемъ". Разсматривая весь историческій процессъ съ точки зрѣнія успѣховъ „цивилизаціи", Соловьевъ находитъ въ жизни всѣхъ народовъ одинъ и тотъ же основной моментъ, какъ всеобщій историческій законъ,—моментъ „перехода изъ возраста чувства въ возрастъ мысли". Переходъ этотъ совершается подъ чужимъ вліяніемъ, „когда народъ встрѣчается съ другимъ народомъ, болѣе развитымъ, образованнымъ". Такъ, римляне перешли во второй возрастъ своего историческаго бытія, встрѣтившись съ греками, чрезъ греческую науку. Такъ, народы Западной Европы „совершили свой переходъ изъ одного возраста въ другой въ XV и VI вѣкахъ также посредствомъ науки, чужой науки, черезъ открытіе и изученіе памятниковъ древней греко-римской мысли".

Вмѣстѣ съ идеей объ интеллектуальномъ развитіи какъ основѣ историческаго процесса во второй періодъ жизни народовъ Соловьевъ принимаетъ и другое основное положеніе Бокля, о вліяніи природы на историческое развитіе. Признавая безспорнымъ выясненное Боклемъ „вліяніе мѣстности", вліяніе „природныхъ условій на жизнь народа", „могущество географическаго вліянія",—принимая всѣ его положенія въ этой области, до вліянія климата и до вліянія „поражающихъ размѣровъ" природы, Соловьевъ исправляетъ „односторонность" Бокля, указывая, что народъ особенно подчиняется природнымъ условіямъ обитаемой имъ мѣстности только во время своего младенчества; „съ постепеннымъ же развитіемъ его духовныхъ силъ замѣчается обратное дѣйствіе: измѣненіе природныхъ условій подъ вліяніемъ народной дѣятельности".

Согласно съ Боклемъ признавая основное значеніе за двумя факторами, интеллектуальнымъ и географическимъ, Соловьевъ дополняетъ его теорію признаніемъ также важнаго значенія за третьимъ факторомъ, этнографическимъ. Онъ признаетъ существованіе въ народѣ особыхъ „внутреннихъ условій", „вслѣдствіе которыхъ онъ подчиняется или не подчиняется вліянію природы, и подчиняется въ той или иной мѣрѣ, ранѣе или позднѣе вы-

ходитъ изъ своего подчиненія и начинаетъ бороться или преодолѣвать условія обитаемой имъ страны". Разсматривая русскую исторію съ этой точки зрѣнія, онъ — совершенно гипотетически — придаетъ большое значеніе тому, что русское племя принадлежало къ арійскому племени — любимцу исторіи. „Три условія имѣютъ особенное вліяніе на жизнь народа — такъ резюмируетъ Соловьевъ всѣ эти положенія: природа страны, гдѣ онъ живетъ; природа племени, къ которому онъ принадлежитъ; ходъ внѣшнихъ событій, вліянія, идущія отъ народовъ, которые его окружаютъ".

Теоретическіе взгляды Соловьева на исторію сложились въ 60-хъ годахъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ основныхъ идей Бокля. Тотъ независимый тонъ, съ которымъ Соловьевъ критикуетъ Бокля въ одной изъ своихъ статей 1868 г., упрекая его во многихъ противорѣчіяхъ и въ поразительной односторонности, не можетъ служить доказательствомъ его дѣйствительной независимости отъ Бокля.

Подчеркивая свою самостоятельность, Соловьевъ пишетъ по поводу сѣтованій Бокля на недостаточное вниманіе историковъ къ исторіи интеллектуальнаго развитія: „Іереміады автора написаны заднимъ числомъ; исторія интеллектуальнаго развитія въ народѣ уже давно занимаетъ достойное ея мѣсто въ историческихъ сочиненіяхъ. Замѣтимъ кстати: Бокль не зналъ, что дѣлалось въ этомъ отношеніи у насъ въ Россіи. Здѣсь очень долго утверждали, что русская исторія начинается только съ Петра Великаго, потому что съ этихъ поръ только начинается исторія русскаго просвѣщенія, исторія интеллектуальнаго развитія... Очень задолго до Бокля въ одной странѣ громко проповѣдывались его положенія". Но при всемъ этомъ вліяніе Бокля все же ясно отразилось на историкахъ этой „одной страны". Раньше Соловьевъ говорилъ объ интеллектуальномъ развитіи въ узкомъ приложеніи къ одной Россіи, къ одной реформѣ Петра; теперь, послѣ Бокля, онъ объясняетъ интеллектуальный переломъ въ петровскую эпоху съ широкой соціологической точки зрѣнія, какъ явленіе, общее многимъ народамъ.

Точно также вліяніе Бокля отразилось и на мнѣніяхъ Соловьева о зависимости историческаго развитія отъ природы страны. Правда, уже въ 1851 году, за 6 лѣтъ до появленія перваго тома „Исторіи цивилизаціи въ Англіи", Соловьевъ свой первый томъ „Исторіи Россіи" началъ словами Геродота: „племена ведутъ образъ жизни, какой указала имъ природа страны", и утверждалъ, что „ходъ событій постоянно подчиняется природнымъ условіямъ". Еще раньше, въ 1843 году, Соловьевъ слушалъ въ Берлинѣ Карла Риттера, автора „Землевѣдѣнія въ отношеніи къ природѣ и исторіи человѣка", и въ московскомъ университетѣ увлекался лекціями ученика Риттера, Чивилева, особенно тѣми, въ которыхъ „говорилось о природѣ страны и ея значеніи въ жизни народовъ". Идея Бокля, вообще не новая, была не нова и для Соловьева. Но какъ въ книгѣ Бокля эта идея получила новую силу и особое теоретическое значеніе, такъ точно и въ XIII томѣ Соловьева,

написанномъ послѣ Бокля, вліяніе природы впервые вошло, какъ главный устой, въ его новую схему русскаго историческаго развитія. Въ предисловіи къ I-му тому, излагая главныя основанія развитія, Соловьевъ разсуждаетъ о родовыхъ и государственныхъ отношеніяхъ и ни слова не говоритъ о вліяніи природы. Совсѣмъ иначе ставится этотъ вопросъ въ XIII томѣ, который начинается уже не словами Геродота, а краткимъ пересказомъ основныхъ положеній Бокля *).

§ 5. Основныя положенія новой теоріи Соловьева.

Центральной эпохой русской исторіи въ новой теоріи Соловьева, также какъ въ болѣе раннихъ теоріяхъ другихъ западниковъ, является реформа Петра Великаго; но соціологія Бокля дала ему возможность объяснить эту эпоху по-новому, какъ одинъ изъ этаповъ развитія цивилизаціи, совершившійся „по общимъ законамъ народной жизни".

„Петровское преобразованіе — говоритъ Соловьевъ — есть не иное что, какъ естественное и необходимое явленіе въ народной жизни, въ жизни историческаго развивающагося народа, именно переходъ изъ одного возраста въ другой, изъ возраста, въ которомъ преобладаетъ чувство, въ возрастъ, въ которомъ господствуетъ мысль . Въ исторіи Западной Европы такой же центральной эпохой является эпоха возрожденія, когда западные народы также перешли изъ возраста чувства въ возрастъ мысли. Эпоха возрожденія въ этомъ отношеніи представляетъ собою „тожественное явленіе" съ петровской реформой. Усиленное умственное движеніе, составляющее сущность эпохи возрожденія, какъ и петровской реформы, сопровождается и обусловливается и тамъ, и здѣсь развитіемъ промышленнымъ и торговымъ. „У насъ въ Россіи — говоритъ Соловьевъ — переходъ изъ древней исторіи въ новую совершился по общимъ законамъ народной жизни". Но въ обусловливающемъ умственное развитіе экономическомъ развитіи Соловьевъ находитъ „извѣстныя особенности вслѣдствіе различія условій, въ которыхъ проходила жизнь нашего и западно-европейскихъ народовъ". На западѣ экономическое движеніе началось давно; у насъ же оно было задержано, и поэтому „въ эпоху преобразованія, то-есть при переходѣ народа изъ своей древней исторіи въ новую, экономическое движеніе оставалось на первомъ планѣ"; „основное движеніе преобразовательной эпохи" при Петрѣ, какъ во Франціи при Кольберѣ, заключалось въ „стремленіи привить къ земледѣльческому бѣдному государству промышленную и торговую дѣятельность, дать ему море, пріобщить его къ мореплавательной дѣятельности богатыхъ государствъ".

---

*) «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. XIII, гл. I, въ изд. «Общ. Пользы», кн. III, стр. 626 «Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ». 1872: Собраніе сочиненій, стр. 975. «Наблюд. надъ историч. жизнью народовъ», 1868—1876, тамъ же, стр. 1117—1121 и слѣд. (старое изданіе Сочиненій, стр. 340—343). «Начала русской земли», 1877 г., тамъ же, стр. 761. Воспоминанія С. М. Соловьева: «Вѣстн Евр.», 1907, № 4, стр. 447.

Западные народы перешли изъ одного возраста въ другой въ XV—XVI вѣкахъ, Россія—при Петрѣ, въ началѣ XVIII вѣка, „двумя вѣками позже“—замѣчаетъ Соловьевъ. Чѣмъ объясняется это различіе въ исторіи русской и западно-европейской, это позднее вступленіе Россіи на путь цивилизаціи? Единственно условіями внѣшними, невыгодными географическими условіями—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Соловьевъ, пользуясь основною идеею Бокля. Въ переходѣ Россіи изъ одного возраста въ другой на два столѣтія позже—говоритъ онъ—нельзя видѣть ея отсталости,—понятіе, которое обыкновенно связываютъ съ слабостью „внутреннихъ силъ“ народа. Это не отсталость, а задержка въ развитіи, объясняемая единственно географическими условіями. Возражая старымъ своимъ противникамъ 40-хъ годовъ, славянофиламъ, Соловьевъ настаиваетъ на томъ, что этотъ поздній переходъ Россіи въ старшій возрастъ никакъ нельзя объяснять различіемъ въ характерѣ племенъ германскаго и славянскаго: „О первоначальномъ различіи въ характерахъ ихъ, о преимуществѣ въ этомъ отношеніи одного предъ другимъ и о вліяніи этого различія на исторію мы не имѣемъ никакого права заключать, по недостатку извѣстій“. Мы знаемъ только о германцахъ и славянахъ, что это родственныя племена—„племена-братья одного индо-европейскаго происхожденія“, что „народъ славянскій принадлежитъ къ тому же великому арійскому племени, племени-любимцу исторіи, какъ и другіе европейскіе народы, древніе и новые, и подобно имъ имѣетъ наслѣдственную способность къ сильному историческому развитію“.

Различіе—задержку въ развитіи этихъ двухъ родственныхъ племенъ съ одинаковыми задатками развитія Соловьевъ объясняетъ единственно различіемъ географическихъ условій: „Одно племя изначала дѣйствуетъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, другое—при самыхъ неблагопріятныхъ“. Всѣ благопріятныя географическія уловія „сосредоточены въ западной части Европы, и нѣтъ ихъ у насъ, на восточной, представляющей громадную равнину, страдающую отсутствіемъ моря и близостью степей“. „Природа для Западной Европы, для ея народовъ была мать; для восточной, для народовъ, которымъ суждено было здѣсь дѣйствовать,—мачеха“.

„Законы развитія—настойчиво повторяетъ Соловьевъ—одни и тѣ же и здѣсь и тамъ“. Русское историческое развитіе начинается одинаково съ западно-европейскимъ. У славянъ на великой восточной равнинѣ Европы долгое время господствовалъ патріархальный родовой бытъ въ тѣхъ же формахъ, какъ и у германцевъ, и этотъ періодъ такъ же, какъ у германцевъ, смѣняется у насъ періодомъ дружиннымъ, или богатырскимъ, какъ его называетъ Соловьевъ. „Исторія Россіи“ подобно исторіи другихъ государствъ „начинается богатырскимъ или героическимъ періодомъ“—говоритъ онъ, имѣя въ виду появленіе варяго-русскихъ князей и ихъ дружинъ и связанное съ этимъ раздѣленіе населенія на три сословія—дружинниковъ, горожанъ и сельчанъ.

Дальше вслѣдствіе особыхъ географическихъ условій восточной равнины русское развитіе, по мнѣнію Соловьева, рѣзко отличается отъ западнаго: „Въ Западной Европѣ при началѣ ея государствъ мы видимъ движеніе германскихъ дружинъ съ ихъ вождями въ области Римской имперіи и вооруженное занятіе ими этихъ областей. Пришельцы овладѣваютъ землею: усаживаются на ней главные вожди; изъ своихъ обширныхъ земельныхъ участковъ выдѣляютъ другимъ въ пользованіе съ извѣстными обязанностями; волости, розданныя во временное владѣніе, по разнымъ причинамъ становятся наслѣдственными... Здѣсь, на западѣ, на основаніи поземельныхъ отношеній образуется та связь между землевладѣльцами, которую мы называемъ феодализмомъ... Земля, отношенія по землѣ составляютъ сущность феодальной системы. Эта система, по счастливому выраженію одного историка, есть какъ бы религія земли... Но у насъ, на восточной равнинѣ, мы не замѣчаемъ подобнаго явленія. Какъ ни вчитываемся въ лѣтопись, чтобы подмѣтить въ ней указанія на земельныя отношенія дружины,—не находимъ ничего... Дружинники не усаживаются на выдѣленныхъ имъ участкахъ въ самостоятельномъ положеніи землевладѣльцевъ, обезпеченныхъ доходомъ съ этихъ земель; они остаются съ прежнимъ характеромъ союзниковъ, товарищей князя... Въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ русскіе дружинники привыкли жить въ этой первоначальной формѣ военнаго братства, привольно двигаясь изъ волости въ волость на неизмѣримомъ пространствѣ, сохраняя первоначальную волю, свободу перехода и привыкли, руководиться интересами личными, а не сословными“.

Это коренное отличіе русскаго развитія отъ западнаго Соловьевъ объясняетъ географическими условіями: „Если обратимъ вниманіе на главное условіе, при которомъ началась и продолжалась русская исторія, именно на обширность страны и малочисленность населенія, то дѣло объяснится легко: земли было слишкомъ много; она не имѣла цѣнности безъ обрабатывающаго ее населенія“. Кромѣ обширности страны, вліяла также ея орографія. На западѣ горы—к а м е н ь, по древне-русскому выраженію; на востокѣ —лѣсъ и поле. „Въ камнѣ свили свои гнѣзда западные м у ж и и оттуда владѣли м у ж и к а м и; камень давалъ имъ независимость; но скоро и мужики огораживаются камнемъ и пріобрѣтаютъ свободу и независимость“. У насъ нѣтъ камня, на восточной равнинѣ все равно. „Здѣсь мужамъ негдѣ вить себѣ каменныхъ гнѣздъ; не живутъ они особо и самостоятельно, живутъ дружинами около князя и вѣчно движутся по широкому, безпредѣльному пространству“. Движется дружина, движется и все населеніе. „Нѣтъ прочныхъ жилищъ, съ которыми бы тяжело было разставаться, въ которыхъ бы обжились цѣлымъ поколѣніемъ; города состоятъ изъ кучи деревянныхъ избъ, первая искра—и вмѣсто нихъ куча пепла... Построить новый домъ ничего не стоитъ по дешевизнѣ матеріала; отсюда съ такой легкостью русскій человѣкъ покидалъ свой домъ свой родной городъ или село; уходилъ отъ татарина,

отъ литвы; уходилъ отъ тяжкой подати, отъ дурного воеводы или подъячаго; брести розно было ни по чемъ" *). У насъ все непрочно, все текуче, благодаря дереву, благодаря лѣсу и степи, все похоже на степную траву „перекати-поле"; тамъ, на западѣ, „все прочно, все опредѣленно, благодаря камню".

Это рѣзкое отличіе отъ запада обнаружилось въ нашемъ развитіи очень рано, въ X вѣкѣ, и сохранялось, по мнѣнію Соловьева, очень долго, въ теченіе семи столѣтій. На западѣ дружина очень рано, съ X вѣка пріобрѣтаетъ осѣдлость и сословную самостоятельность; у насъ же она все бродитъ и кружится, и бояре и въ позднѣйшее время живутъ по старому, подобно дружинникамъ, около царя, въ полной отъ него зависимости, „безпрестанно толпятся во дворцѣ". На западѣ рано получаютъ значеніе города; у насъ же города были бѣдны, разбросаны на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, горожане не пріобрѣли сословной самостоятельности и силы, и когда Иванъ Грозный захотѣлъ дать горожанамъ самоуправленіе, то многіе города, обнаруживая свою „неразвитость", „не приняли отъ правительства дара самоуправленія". Великій Новгородъ, въ противоположность ганзейскимъ городамъ, „представлялъ собою библейскую статую съ золотою головою и глиняными ногами". На западѣ переходъ изъ младшаго возраста въ старшій, интеллектуальный, постепенно подготовлялся ростомъ народныхъ силъ, общественной организаціей, развитіемъ торговли и промышленности. Мы же развивались совершенно иначе и ко времени перехода въ старшій возрастъ дошли до „банкротства экономическаго и нравственнаго". „Послѣ осьмивѣкового движенія на востокъ" мы должны были „круто повернуть на западъ"; и этотъ поворотъ, этотъ „переходъ къ возрасту мысли" начался у насъ иначе, чѣмъ на западѣ, съ преобразованія экономическаго.

Эта блестящая антитеза между исторіей Россіи и исторіей запада жива до сихъ поръ въ трудахъ новыхъ нашихъ историковъ; въ иной формулировкѣ она повторяется и Ключевскимъ и Милюковымъ. Мнѣ она представляется, въ существѣ своемъ, глубоко ошибочной. Рѣзко противополагая подвижную бродячую Русь осѣдлому западу, Соловьевъ, съ одной стороны, преувеличилъ до фантастическихъ размѣровъ подвижность древней Руси, бродяжничество ея населенія, отъ бояръ, якобы сохраняющихъ неизмѣнною въ теченіе вѣковъ подвижность дружинниковъ кіевскаго времени, до крестьянъ и горожанъ, якобы легко мирящихся

---

*) Такъ писалъ Соловьевъ въ 1864 г. въ XIII томѣ, гл. I, и въ Публ. чтеніяхъ о Петрѣ В. (чт. I и III), и ту же мысль развиваетъ онъ въ послѣдней своей статьѣ 1879 года: «Обширность страны и рѣдкость населенія вмѣстѣ съ украинностью страны условливаютъ характеристическія явленія русской исторіи, русской народной жизни во все ея продолженіе. Они условливаютъ продолжительность періода движенія, періодъ волнующагося, жидкаго состоянія, когда ничего твердаго, прочнаго не могло образоваться,... когда дешевая и пустая земля не могла привлекать къ себѣ человѣка могущественными узами недвижимой собственности и создать прочную систему отношеній, когда все было похоже на перекати-поле». «Начала русской земли», Собр. сочин., стр. 789, стар. изд., стр. 31—32.

съ тѣмъ, что ихъ домъ отъ первой искры превращается въ кучу пепла,— съ другой стороны, въ отношеніи западнаго средневѣковья, крайне преувеличилъ, перенеся черты позднѣйшей эпохи на болѣе раннюю, осѣдлость населенія, „прочность, опредѣленность“ отношеній на западѣ въ средніе вѣка.

Первобытный подвижный дружинный періодъ смѣняется на западѣ періодомъ феодальнымъ, когда, какъ правильно указываетъ Соловьевъ, дружинныя отношенія измѣняются подъ вліяніемъ новыхъ поземельныхъ отношеній. И у насъ, точно также какъ на западѣ, дружина отнюдь не „продолжаетъ бродить и кружиться“ въ теченіе вѣковъ, какъ ошибочно утверждалъ Соловьевъ, а въ сѣверо-восточной земледѣльческой Руси очень рано, съ XIII вѣка, пріобрѣтаетъ новый осѣдлый характеръ, и въ связи съ этой осѣдлостью дружины, съ ростомъ боярскаго крупнаго землевладѣнія, у насъ слагается новый удѣльный порядокъ, одинаковый по основнымъ своимъ началамъ съ феодальнымъ.

Въ антитезѣ Соловьева есть только нѣкоторая доля истины. Природа страны оказала свое вліяніе на русское историческое развитіе, но она не измѣнила его въ корнѣ, до полной противоположности, а только ослабила проявленіе тѣхъ началъ средневѣкового порядка, которыя ярче выразились въ исторіи запада.

Это одно изъ главныхъ положеній моего изслѣдованія и основной пунктъ моего разногласія съ Соловьевымъ и съ примыкающими къ нему новыми историками. Мои аргументы собраны ниже. Соловьевъ говоритъ, что, какъ ни вчитывался онъ въ лѣтопись, чтобы найти въ ней указанія на поземельныя отношенія дружинниковъ, онъ не нашелъ въ ней ничего *). Мы обратимся для этого не къ лѣтописи, а къ писцовымъ книгамъ, разработка которыхъ только-что еще начиналась въ то время, въ 1864 году, когда Соловьевъ писалъ свой XIII томъ. Но объ этомъ рѣчь впереди. Сейчасъ я только характеризую теоріи русской исторіи Соловьева и другихъ историковъ.

§ 6. *Исканіе феодальныхъ порядковъ въ Россіи.*

Выясняя различіе между исторіей Россіи и запада, Соловьевъ настаивалъ на томъ, что оно происходитъ единственно отъ особыхъ природныхъ условій, что русское историческое развитіе, начавшись одинаково съ западнымъ, только отклонилось въ сторону, но что русская исторія вообще подчинена дѣйствію тѣхъ же всеобщихъ законовъ, какъ и исторія

---

*) Кое-что онъ нашелъ, но упустилъ изъ виду, увлекшись яркостью своей антитезы. Въ IV томѣ «Исторіи» находимъ слѣдующее замѣчаніе: «Осѣдлость князей въ одныхъ извѣстныхъ княжествахъ должна была повести и къ осѣдлости дружины, которая могла теперь пріобрѣсть важное первенствующее з е м с к о е значеніе въ качествѣ постоянныхъ, богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, въ качествѣ лицъ, пользующихся наслѣдственно правительственными должностями. Отъ описываемаго времени можно встрѣтить довольно ясныя указанія на усилившееся значеніе боярства»; кн. I, стр. 1174.

запада. Исходя изъ этой мысли объ общихъ законахъ развитія, Соловьевъ усердно искалъ въ нашей древности явленій, сходныхъ съ явленіями исторіи западной.

Сходство русскаго развитія съ западнымъ, по мнѣнію Соловьева, обнаружилось: 1) въ томъ, что Россія, какъ-никакъ, хотя и другимъ путемъ и съ опозданіемъ на два столѣтія, перешла изъ младшаго возраста въ старшій возрастъ господства мысли, подобно другимъ народамъ; 2) въ томъ, что русское историческое развитіе началось, также какъ германское, съ перехода древнѣйшаго періода родового быта въ новый героическій или дружинный періодъ; 3) наконецъ, въ томъ, что въ средневѣковой Руси, оставшейся на долгое время въ противоположность западу вслѣдствіе особыхъ неблагопріятныхъ природныхъ условій государствомъ бѣднымъ, земледѣльческимъ, малонаселеннымъ, неразвитымъ, существовали тѣ самыя учрежденія, которыя обычно возникаютъ въ государствахъ, стоящихъ на той же ступени развитія, и существовали на западѣ въ соотвѣтствующую, начальную эпоху феодализма. Наблюденія Соловьева надъ сходствомъ нѣкоторыхъ учрежденій средневѣковой Руси съ феодальными изложены, главнымъ образомъ, въ чтеніяхъ о Петрѣ Великомъ, 1872 года, и въ его статьяхъ 70-хъ годовъ, причемъ въ нихъ онъ измѣняетъ нѣкоторыя положенія XIII тома своей „Исторіи“, вышедшаго въ 1864 году.

Въ этомъ XIII томѣ Соловьевъ смотрѣлъ на феодализмъ какъ на особую систему отношеній поземельныхъ; онъ утверждалъ, что „поземельныя отношенія составляютъ сущность феодальной системы“, что эта система „была какъ бы религіей земли“, и не находилъ ея въ Россіи. Въ статьяхъ же 70-хъ годовъ онъ измѣняетъ свой взглядъ на феодализмъ; онъ видитъ въ немъ теперь систему, основанную на личныхъ, защитныхъ отношеніяхъ, и самый терминъ феодализмъ переводитъ русскимъ словомъ „закладничество“, отъ глагола „закладываться“, въ древнемъ смыслѣ „предаваться на защиту“.

Защитный союзъ или союзъ закладничества Соловьевъ сопоставляетъ съ двумя другими такими же частными союзами лицъ, родовымъ и дружиннымъ, какъ три основныя формы древнѣйшаго общественнаго строя. „Подлѣ первоначальной формы, подлѣ естественнаго кровнаго союза (рода) — говоритъ онъ — съ самыхъ раннихъ поръ замѣчаемъ уже другія формы союза, союза искусственнаго — въ противоположность кровному. Это союзъ закладничества, заключаемый подъ разными видами и условіями, отъ захребетничества и сосѣдства до холопства, но во всѣхъ видахъ имѣющій одну отличительную черту: слабый ищетъ покровительства сильнаго; причемъ лишается извѣстной доли своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, иногда всѣхъ личныхъ правъ... Наконецъ, третья форма частнаго союза, вторая искусственная его форма, есть форма дружинная, когда люди соединяются добровольно вмѣстѣ для какого-нибудь предпріятія“. И затѣмъ, разсказывая въ своихъ „Наблюденіяхъ надъ исторической жизнью

народовъ" объ утвержденіи феодализма, Соловьевъ говоритъ о „господствѣ первичной формы частнаго союза для „защиты, формы закладничества или феодализма", о „закладчикахъ или вассалахъ", „захребетникахъ или кліентахъ" *).

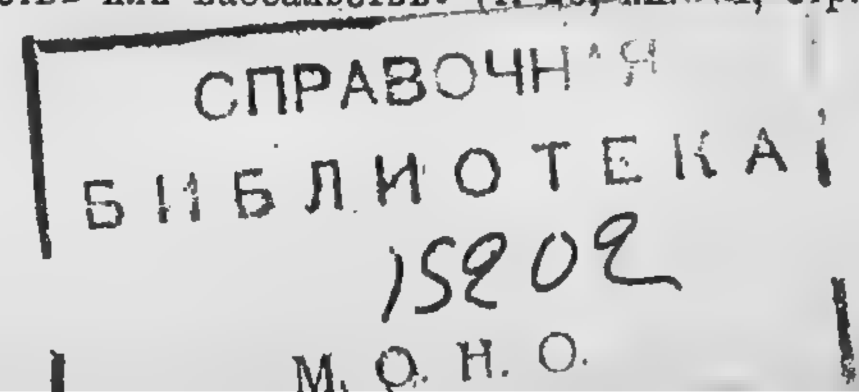
Во всѣхъ этихъ выраженіяхъ Соловьевъ произвольно расширяетъ значеніе русскаго термина закладничества, который точно соотвѣтствуетъ термину коммендація, но не термину феодализмъ; онъ пользуется русскимъ терминомъ „закладничество" только для того, чтобы оттѣнить существо феодализма какъ системы частнаго союза защиты **). И въ русскомъ закладничествѣ онъ находитъ учрежденіе, по существу одинаковое съ союзами частной защиты, лежавшими въ основѣ феодальной системы. „Въ древней Россіи — писалъ Соловьевъ въ 1872 году — мы видимъ сильное стремленіе добровольно входить въ частную зависимость. Человѣкъ отдавался или продавался добровольно въ холопы, давалъ на себя кабалу... Кромѣ этого добровольнаго закабаливанія себя въ личное услуженіе, видимъ стремленіе людей, имѣющихъ независимое хозяйство и промыслы, закладываться за людей сильныхъ, для пріобрѣтенія защиты и освобожденія отъ тяжкихъ государственныхъ повинностей,—стремленіе, по тогдашнему выраженію, жить за чужимъ хребтомъ, быть въ захребетникахъ, въ сосѣдяхъ и подсосѣдникахъ". Это „явленіе — замѣчаетъ Соловьевъ — составляетъ характеристическую черту первобытныхъ неразвитыхъ государствъ... Извѣстно, что такъ называемая феодальная система на западѣ, господствовавшая въ то время, когда тамошнія государства находились въ первобытномъ состояніи, основывалась на этомъ стремленіи слабыхъ войти въ зависимость отъ ближайшихъ сильныхъ, съ цѣлью найти въ нихъ защиту и покровительство".

Кромѣ закладничества, представлявшаго собою такой же частный союзъ защиты, какой былъ въ основѣ системы феодализма, въ средневѣковой Руси, по мнѣнію Соловьева, существовали и другія учрежденія, которыя одинаково развились на западѣ, когда тамъ вліяли тѣ же природныя условія.

Ошибочно полагая, что дружина у насъ, въ противоположность западу, сохраняла въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій свою подвижность, свой дружинный характеръ, Соловьевъ, однако, утверждалъ, что у насъ, хотя и гораздо позже, чѣмъ на западѣ, дружинники тоже пріобрѣли осѣдлость, когда московскій великій князь, ставъ государемъ, сдѣлавшись хозяиномъ

*) «Закладничество или феодализмъ—пишетъ онъ—достигалъ господства; раздробляя страну на множество почти независимыхъ владѣній, онъ въ то же время связывалъ всѣхъ владѣльцевъ цѣлью собственно однихъ только нравственныхъ отношеній».

**) «Наблюд. надъ историч. жизнью народовъ». Собр. сочин., стр. 1301, 1310—1311. Русскихъ закладчиковъ Соловьевъ не сближаетъ съ вассалами, хотя въ вольномъ переводѣ и сопоставляетъ эти два термина; чтобы оттѣнить эту разницу, онъ въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ «Исторіи Россіи» говоритъ о «западно-европейскомъ формальномъ закладничествѣ или вассальствѣ» (т. 26, кн. VI, стр. 126).



земли, въ XV вѣкѣ надѣлилъ своихъ служилыхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, прежнихъ дружинниковъ, землею, помѣстьями. Эти русскія помѣстья Соловьевъ сближаетъ съ германскими бенефиціями, съ „испомѣщеніемъ германцевъ въ областяхъ Римской имперіи“. Дружинники у насъ, хотя и гораздо позже, чѣмъ на западѣ, но также превращаются въ помѣщиковъ, въ землевладѣльцевъ; при этомъ они, также какъ вассалы, становясь землевладѣльцами, хозяевами, теряютъ съ теченіемъ времени свое военное значеніе. Подчеркивая это сходство, Соловьевъ отмѣчаетъ, что и на западѣ, въ то время, „когда члены первоначальнаго войска, дружины, испомѣстились на земельныхъ участкахъ, зажили своими домами, своими землями, войны феодальнаго періода отличаются своей мелкостью и непродолжительностью: вассалы такіе же неохотники надолго отлучаться отъ своихъ домовъ, какъ и наши помѣщики; при большей самостоятельности ихъ положенія у нихъ выговоренъ срокъ, и далѣе этого срока они не останутся въ походѣ... У насъ, въ Россіи, то же явленіе въ московскомъ государствѣ, то же стремленіе служилыхъ людей не разставаться съ своими землями, отбывать отъ военной службы, — стремленіе, послѣдовавшее также за періодомъ сильнаго движенія дружинъ, безпрестанно перебѣгавшихъ съ своими князьями изъ области въ область“.

Кромѣ закладничества—защиты, кромѣ помѣстья – бенефиція, Соловьевъ находитъ въ нашей древности и третье учрежденіе, свойственное западу, а именно—крѣпостное право. Крѣпостное право установилось у насъ—полагаетъ онъ — гораздо позже, чѣмъ на западѣ, въ то время, какъ оно тамъ уже исчезло, и это позднее его возникновеніе онъ объясняетъ долго сохранявшеюся у насъ бѣдностью, малонаселенностью страны. Въ такой бѣдной, малонаселенной странѣ, какъ Россія, „мы должны — говоритъ онъ—встрѣтиться съ обычнымъ въ земледѣльческихъ государствахъ явленіемъ: вооруженное войско непосредственно кормится на счетъ невооруженнаго. Бѣдное государство, но обязанное содержать большое войско, не имѣя денегъ вслѣдствіе торговой и промышленной неразвитости, раздаетъ военнымъ служилымъ людямъ земли; но земля для землевладѣльца не имѣетъ значенія безъ земледѣльца, безъ работника, а его-то и недостаетъ... И вотъ единственнымъ средствомъ удовлетворенія этой главной потребности страны найдено прикрѣпленіе крестьянъ, чтобы они не уходили съ земель бѣдныхъ помѣщиковъ, не переманивались богатыми“. На западѣ крѣпостная зависимость возникла при тѣхъ же условіяхъ, и „въ нѣкоторыхъ государствахъ средней Европы она продолжалась до настоящаго вѣка, и причина тому заключалась въ медленности экономическаго развитія“ *).

---

*) «Ист. Россіи», т. XIII, кн. III, стр. 686–687. «Наблюденія», Собр. сочин., стр. 1310–1311. Публичн. чтенія, тамъ же, стр. 985—986. Также сближаетъ Соловьевъ переходъ отъ «феодальныхъ войскъ» на западѣ и отъ помѣщичьихъ войскъ у насъ къ наемному войску и затѣмъ къ постоянному національному: «Ист. Россіи», т. XIII, стр. 630.

Во всѣхъ этихъ сближеніяхъ порядковъ русскаго и западнаго средневѣковья много неточностей, которыя теперь легко могутъ быть исправлены на основаніи новыхъ изслѣдованій какъ по русской, такъ и по западно-европейской исторіи. На слѣдующихъ страницахъ я, исправляя эти неточности, еще тѣснѣе сближаю порядки удѣльной Руси и феодальнаго запада. Сейчасъ скажу только, что Соловьевъ стоялъ на правильномъ пути, и что новые успѣхи соціологіи, съ одной стороны, и исторіи, съ другой, исторіи русской и западно-европейской, даютъ возможность вести гораздо дальше работу по сравнительному изученію русскаго и западнаго развитія, чѣмъ то оказалось возможнымъ для Соловьева въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго вѣка.

III. Теорія контраста, Милюкова.

§ 7. *Контрастъ между исторіей Россіи и запада.*

Работа Соловьева по сближенію русскаго историческаго развитія съ западнымъ не была продолжена послѣдующими историками. Вмѣстѣ съ его указаніями на существованіе у насъ нѣкоторыхъ феодальныхъ учрежденій основательно забыты были послѣдующими нашими историками и такія же наблюденія Чичерина, Костомарова и другихъ изслѣдователей 50-хъ и 60-хъ годовъ. Отрицаніе какого бы то ни было сходства между русскою древностью и западной стало у насъ господствующей предвзятой мыслью, какъ бы признакомъ учености хорошаго тона.

Развитіе русской исторіографіи въ этомъ направленіи завершается въ 90-хъ годахъ „Очерками по исторіи русской культуры" П. Н. Милюкова. Эти „Очерки" пользуются заслуженно широкой извѣстностью и имѣютъ безспорныя крупныя достоинства; но положенная въ основу ихъ соціологическая теорія русскаго историческаго развитія оказалась очень скоро устарѣлой. Въ послѣднее изданіе ихъ самъ авторъ внесъ дополненія и поправки, существенно измѣняющія его теорію въ ея основномъ пунктѣ.

Исходнымъ и всеопредѣляющимъ пунктомъ теоріи Милюкова является разсмотрѣнная уже нами антитеза Соловьева между подвижною Русью, похожею на перекати-поле, и прочнымъ, осѣдлымъ западомъ. „Въ сѣверо-восточной Руси — пишетъ П. Н. Милюковъ — князь былъ чуть ли не первымъ осѣдлымъ жителемъ княжества. Вокругъ него все находилось въ движеніи". Бродитъ крестьянство и бродитъ дружина; „высшее сословіе не дорожитъ землею" и свободно странствуетъ изъ удѣла въ удѣлъ". Въ этой подвижности проявляется „жидкій элементъ" нашей исторіи — говоритъ Милюковъ, повторяя слова Соловьева, и отсюда выводитъ рѣзкую противоположность между развитіемъ русскимъ и западнымъ, которую самъ онъ опредѣляетъ словомъ контрастъ.

Европейское общество—разсуждаетъ П. Н. Милюковъ—строилось нормально, въ результатѣ внутренняго процесса, снизу вверхъ; тамъ средній слой феодальныхъ землевладѣльцевъ выросъ на плотно сложившемся низшемъ слоѣ осѣдлаго крестьянства; централизованная государственная власть явилась, какъ высшая надстройка надъ среднимъ слоемъ феодальныхъ землевладѣльцевъ. У насъ же общество и государство развивались наизнанку, въ сравненіи съ западомъ: тамъ все строилось снизу вверхъ, у насъ сверху внизъ. У насъ „государственная организація сложилась раньше, чѣмъ могъ ее создать процессъ внутренняго экономическаго развитія. У насъ центральная политическая власть закрѣпила подъ собой военно-служилый классъ, занявшій мѣсто отсутствовавшей—или слишкомъ слабой—мѣстной земельной аристократіи, а этотъ служилый классъ закрѣпилъ подъ собой крестьянство“. По тому же контрасту съ западомъ шло и позднѣйшее наше развитіе: государственная власть строила общество въ связи съ причинами внѣшними, съ потребностями внѣшней самозащиты. Соотвѣтственно этому основному положенію теоріи Милюкова изученіе государства или политической эволюціи въ его „Очеркахъ“ предшествуетъ изученію общества или эволюціи соціальной *).

Итакъ, по теоріи Милюкова, древнее русское развитіе, и въ отдѣльныхъ сторонахъ, и въ цѣломъ, представляетъ „полную противоположность“ развитію Запада. А какъ же быть съ будущимъ? Неужели же мы и впредь будемъ представлять собою очень печальный контрастъ нормальному развитію запада? Тутъ предъ Милюковымъ встаетъ та же трудная задача объяснить переходъ отъ контраста между русскимъ и западнымъ развитіемъ въ древности къ ихъ единообразію въ будущемъ, которую очень неудачно пытался разрѣшить Кавелинъ и болѣе удачно Соловьевъ при помощи соціологической теоріи Бокля.

Соловьевъ 1) не расширялъ выясненную имъ антитезу, средневѣковой бродячей Руси и осѣдлаго запада, до полнаго контраста развитія русскаго и западнаго въ цѣломъ и частностяхъ. Онъ видѣлъ въ подвижности Руси только задержку развитія, въ силу природныхъ условій, и подчеркивалъ сходство развитія въ древнѣйшую эпоху, какъ и сходство нѣкоторыхъ русскихъ учрежденій съ западными въ позднѣйшее время. 2) Переходъ къ единообразному развитію съ западомъ Соловьевъ связывалъ съ реформой Петра, съ начатой при немъ европеизаціей Россіи, подкрѣпивъ развивавшійся и раньше западниками взглядъ на петровскую реформу, какъ на коренной переломъ соціологической теоріей Бокля объ интеллектуальномъ развитіи какъ основѣ историческаго процесса.

Милюковъ не могъ послѣдовать за Соловьевымъ и Кавелинымъ, чтобы такъ или иначе реформой Петра объяснить неизбѣжность перехода отъ своеобразія русскаго и западнаго историческаго развитія къ будущему ихъ

*) «Очерки по исторіи русской культуры», изд. 1-е, 1896, стр. 114, изд. 5-е, стр. 140, 143.

единообразію, не могъ потому, что спеціальныя изслѣдованія о петровской реформѣ и, прежде всего, собственныя его розысканія не позволяли болѣе придавать этой реформѣ значеніе коренного перелома въ нашей исторіи. И онъ оказался въ очень затруднительномъ положеніи, когда ему пришлось въ своей теоріи сводить концы съ началами.

Ему оставалось одно: признать особую, самодовлѣющую, внутреннюю закономѣрность соціальнаго развитія, независящую по существу отъ матеріальной среды, экономическаго развитія и исторической обстановки, опереться на оставленную уже соціологами гипотезу о „внутренней тенденціи развитія", или „внутреннемъ законѣ развитія", во всѣхъ обществахъ одинаковомъ и проявляющемъ свое дѣйствіе, какъ бы ни осложняли и ни видоизмѣняли развитіе матеріальная среда или обстановка, въ которой данному обществу суждено развиваться, а также случайное вліяніе отдѣльныхъ личностей. Объ этой „внутренней тенденціи" Милюковъ много разсуждаетъ въ соціологическомъ введеніи къ „Очеркамъ" и въ этой гипотезѣ ищетъ спасенія, когда въ заключеніи обсуждаетъ вопросъ о томъ, какъ послѣ безотрадной исторіи „новая жизнь расцвѣтетъ у насъ на развалинахъ прошлаго".

Милюковъ нигдѣ не выясняетъ, въ чемъ именно заключается гипотетическій „внутренній законъ развитія", во всякомъ обществѣ одинаковый, и въ чемъ именно проявился онъ въ русскомъ историческомъ развитіи, которое составляло и въ цѣломъ, и въ частностяхъ к о н т р а с т ъ развитію западному. Этотъ „внутренній законъ", по теоріи Милюкова, нѣчто, совершенно не зависящее отъ матеріальной среды и другихъ историческихъ условій, и проявляется онъ наперекоръ всѣмъ этимъ условіямъ, такъ сказать, наперекоръ стихіямъ. Историческая обстановка не „задерживаетъ" развитія, какъ думалъ Соловьевъ, говорившій о задержкѣ развитія отъ неблагопріятныхъ природныхъ условій; нѣтъ, она не задерживаетъ, какъ на томъ настаиваетъ Милюковъ, а „видоизмѣняетъ" развитіе до полной неузнаваемости, до „контраста". И, несмотря на этотъ контрастъ, „внутреннее развитіе"—утверждаетъ Милюковъ—все-таки во всякомъ обществѣ одинаково: „Если историческая обстановка, видоизмѣняющая историческое развитіе, есть могущественный факторъ въ историческомъ процессѣ, то не менѣе основнымъ и могущественнымъ факторомъ надо считать внутреннее развитіе общества, во всякомъ обществѣ одинаковое".

Чистая гипотетичность такого „внутренняго закона" проявляется вполнѣ въ формулировкѣ тѣхъ примѣровъ дѣйствія этого закона, которые приводитъ авторъ: „Условія исторической жизни задержали развитіе численности русскаго населенія, но д а л ь н ѣ й ш і й п р о ц е с с ъ п о н е о б х о д и м о с т и (?) будетъ заключаться въ размноженіи и увеличеніи плотности этого населенія. Условія обстановки задержали экономическую эволюцію, но д а л ь н ѣ й ш і й х о д ъ е я у н а с ъ, к а к ъ в е з д ѣ (?), пойдетъ одинаковымъ порядкомъ". Въ тщетныхъ усиліяхъ разрѣшить антитезу между своеобразіемъ прошлаго и единообразіемъ будущаго Ми-

люковъ даетъ однѣ только глухія, фаталистическія ссылки на невѣдомую „необходимость“.

Эта соціологическая теорія Милюкова гораздо дальше отстоитъ отъ господствующихъ въ наше время воззрѣній на соціальный процессъ какъ на производное матеріальныхъ и иныхъ условій, независимо отъ какого-либо „внутренняго закона“, чѣмъ теорія Соловьева, выработанная имъ подъ вліяніемъ Бокля, въ той ея части, которая относится къ древнимъ періодамъ исторіи, къ „возрасту чувства“. Въ этомъ періодѣ „интеллектуальный факторъ“, по взгляду Соловьева, не оказывалъ еще опредѣляющаго вліянія на развитіе, и оно зависѣло всецѣло отъ факторовъ географическаго и этнографическаго; при равенствѣ же этнографическихъ условій, какъ въ исторіи русской и германской, гдѣ дѣйствуютъ два родственныхъ арійскихъ племени, теорія Соловьева сводилась вся къ объясненію историческаго развитія „природными условіями“.

§ 8. *Оговорки въ новомъ изданіи „Очерковъ“.*

Въ новое 5-е изданіе I-й части „Очерковъ“ П. Н. Милюковъ внесъ рядъ поправокъ и оговорокъ по разсмотрѣнному выше основному пункту своей теоріи, а именно по вопросу о крайней подвижности средневѣковой Руси, объ отсутствіи въ ней боярскаго крупнаго землевладѣнія и о вытекающемъ отсюда контрастѣ между русскимъ и западнымъ историческимъ развитіемъ. Поправки эти выразились частью въ небольшихъ на первый взглядъ, но очень существенныхъ смягченіяхъ фразъ, частью же въ новомъ, вставленномъ въ старый текстъ и не вполнѣ съ нимъ согласованномъ, сравненіи быта средневѣковой Руси съ бытомъ феодальнымъ.

„Высшее сословіе—писалъ Милюковъ раньше—не дорожило землей въ древней Руси“. Въ новомъ изданіи послѣ возраженій, сдѣланныхъ мною въ статьѣ о „Феодальныхъ отношеніяхъ въ удѣльной Руси“, онъ оговаривается: „не особенно дорожило землей“.

Русскій землевладѣлецъ—утверждалъ онъ раньше—не цѣнилъ своей земли потому, между прочимъ, что онъ „въ своей вотчинѣ никогда не былъ тѣмъ государемъ, судьей и правителемъ, какимъ былъ западный баронъ въ своей бароніи“. Теперь Милюковъ оговаривается, послѣ моего изслѣдованія объ иммунитетѣ: „никогда не былъ тѣмъ полнымъ государемъ, какимъ“ и т. д. Оговорка, совершенно мѣняющая смыслъ и очень не точная, потому что какъ разъ о „баронахъ“-то и нельзя сказать, что они были „полными“ государями, судьями и правителями“; это можно сказать, и то условно, только о сеньерахъ высшихъ ступеней феодальной лѣстницы *).

---

*) «Очерки по исторіи русской культуры», 1-е изд. 1896, стр. 165, 2-е изд., стр. 168, 5-е изд., 1902, стр. 207. Милюковъ оговаривается, но не до конца; онъ сохраняетъ фразу перваго изданія «Очерковъ»: «чиновники мѣстнаго князя, его судьи,

Въ первыхъ изданіяхъ „Очерковъ" авторъ говорилъ категорически, что „элементы соціальной организаціи", разумѣя, главнымъ образомъ, феодальную землевладѣльческую аристократію, у насъ „не существовали", что „въ удѣльной Руси не было" даже „зародышей для образованія дворянства, какъ привилегированнаго класса". Въ новомъ изданіи, подробнѣе выясняя, что крупное землевладѣніе, землевладѣльческая аристократія была основой феодализма, Милюковъ признаетъ, что въ сѣверо-восточной Руси XIV—XV столѣтій „элементы мѣстной земельной аристократіи не безусловно отсутствуютъ", и только настаиваетъ на ихъ полномъ яко бы „безсиліи" *). Отъ отрицанія какихъ бы то ни было „зародышей" феодальнаго строя авторъ, такимъ образомъ, перешелъ къ признанію ихъ существованія; ему остается еще только вычеркнуть слова о „полномъ безсиліи" элементовъ этого строя, чтобы стать на болѣе правильный путь.

Разбирая мои статьи о феодализмѣ, П. Н. Милюковъ призналъ существованіе у насъ „родовыхъ чертъ феодальнаго строя" и въ нашемъ удѣльномъ порядкѣ нашелъ „русскій варіантъ того же строя"; онъ, однако, настаивалъ на томъ, что „при родовомъ сходствѣ не слѣдуетъ терять изъ виду видовой разницы между русскимъ и европейскимъ феодальнымъ строемъ", и терминъ феодализмъ предлагалъ сохранить только за тѣмъ порядкомъ, въ которомъ, кромѣ общихъ родовыхъ чертъ, есть и „частныя, дающія индивидуальную физіономію феодальному строю данной мѣстности". На это я замѣчу, что такое требованіе исключаетъ возможность сравнительно-исторической терминологіи, такъ какъ все сравнительно-историческое, соціологическое изученіе основано именно на сравненіи общихъ „родовыхъ" чертъ въ нѣсколькихъ порядкахъ.

Но объ этомъ уже нечего спорить послѣ того, какъ Милюковъ въ новомъ изданіи своихъ „Очерковъ" самъ усвоилъ терминъ „феодальный бытъ" въ примѣненіи къ русскому удѣльному порядку. Онъ говоритъ здѣсь о „характерныхъ чертахъ русскаго феодальнаго быта", которыя видитъ въ „неразвитой территоріальной аристократіи" и въ „политической власти, являющейся извнѣ и легко присвоивающей себѣ верховныя права на землю". Въ недавно напечатанной популярной статьѣ Милюковъ идетъ еще дальше по этому новому пути. „Россія—пишетъ онъ—переживала тѣ же ступени политическаго роста, какъ и всѣ другія цивилизованныя государства. Былъ въ ней и племенной бытъ... Былъ и феодальный, когда государственная власть была раздроблена между многими владѣльцами, которые скорѣе чувствовали себя большими помѣщиками,

---

его сборщики податей всегда безпрепятственно проникали въ предѣлы владѣній русскаго вотчинника». Ошибочность этого положенія очевидна и помимо особаго изслѣдованія объ иммунитетѣ изъ извѣстной статьи жалованныхъ грамотъ о невъѣздѣ княжескихъ властей въ вотчины монастырскія и боярскія: «а волостели мои въ околицу его не въѣзжаютъ». Подробнѣе см. ниже, глава III.

*) «Очерки», 2-е изд., стр. 117, 170, 5-е изд., стр. 140.

чѣмъ государями". Потомъ Россія „объединилась въ рукахъ одного владѣльца—московскаго князя"; образовалось „военно-національное государство". Это государство, „какъ и повсюду, постепенно превратится и даже на нашихъ глазахъ въ промышленно-торговое". У насъ „главная разница" съ западомъ „была та, что не было такихъ крупныхъ земельныхъ владѣльцевъ, которые въ другихъ мѣстахъ захватили всѣ права государей и долго мѣшали разнымъ частямъ націи слиться въ одно государство. Другими словами, у насъ феодальный бытъ былъ слабѣе" *).

Это уже совсѣмъ новая теорія. Разсужденіе о „феодальномъ бытѣ" въ Россіи, вставленное въ новое изданіе „Очерковъ", не вяжется съ рядомъ страницъ, перепечатанныхъ безъ перемѣнъ изъ старыхъ изданій. Признавая въ одномъ мѣстѣ книги, что у насъ „элементы мѣстной земельной аристократіи"—этой основы феодализма—„не безусловно отсутствуютъ", авторъ на другихъ страницахъ говоритъ о „слишкомъ слабой или отсутствовавшей" у насъ земельной аристократіи и перепечатываетъ, очевидно, по недосмотру, фразу перваго изданія книги объ „отсутствіи" у насъ какихъ бы то ни было „зародышей" для образованія привилегированнаго дворянства. Передѣлка текста, разрушающая въ корнѣ стройность старой теоріи, не доведена до конца, и фразы объ „отсутствіи" земельной аристократіи рѣзко противорѣчатъ признанію „феодальнаго быта" въ Россіи **).

Общая тенденція „Очерковъ" Милюкова попрежнему клонится къ выясненію „контраста" или „полной противоположности" между историческимъ развитіемъ Россіи и запада. Такъ, напримѣръ, въ исторіи русскаго города Милюковъ по-старому находитъ „полную противоположность" европейской исторіи города и городского „сословія". Но тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, отысканный имъ „контрастъ" оказывается безусловно ошибочнымъ. Русскій городъ—утверждаетъ Милюковъ—вслѣдствіе медленнаго развитія русской торгово-промышленной жизни „не былъ естественнымъ продуктомъ внутренняго экономическаго развитія" и возникъ подъ воздѣйствіемъ сверху, подъ вліяніемъ правительства. И вслѣдъ за этими общими положеніями, въ подтвержденіе ихъ, онъ указываетъ двѣ основныя черты русскаго средневѣкового города,—тѣ самыя черты, которыя К. Бюхеръ считаетъ основными характерными чертами германскаго средневѣкового города, какъ это явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ цитатъ:

---

*) П. Милюковъ, «Феодализмъ въ Россіи», въ Энциклопед. словарѣ Брокгауза и Ефрона. Его же, «Исконныя начала и требованія жизни въ русскомъ госуд. строѣ». Изд. П. Е. Парамонова, 1905 г. Его-же, «Очерки», 5-е изд., стр. 136.

**) «Очерки», 5-е изд., стр. 140, 144, 212, 2-е изд., стр. 170.

Милюковъ:

1) Русскій городъ — „это было мѣсто «огороженное», укрѣпленное, военный оборонительный пунктъ... Подъ городомъ въ собственномъ смыслѣ разумѣлся укрѣпленный, обведенный обыкновенно деревянной стѣной, центръ города“.

„Самые дворы обывателей, помѣщавшіеся въ городѣ, назывались осадными и пріобрѣтались въ городѣ на случай осады, въ остальное же время часто стояли пустыми“.

2) Городская жизнь „слита съ сельской“. „Городское населеніе древней Руси XVI в. прямо дѣлилось на людей «торговыхъ» и людей «пашенныхъ». Пашенные люди города были совершенными крестьянами, но и вообще каждый обыватель города имѣлъ свою пашню и свой покосъ на городской землѣ“.

К. Бюхеръ:

1) „Средневѣковой городъ есть прежде всего бургъ (Burg) — замокъ (городище), т.-е. мѣсто, укрѣпленное стѣной и рвомъ.

Бургъ „служилъ убѣжищемъ для жителей окружныхъ селеній“. Въ случаѣ войны, „они пользуются правомъ укрываться за его стѣнами вмѣстѣ съ семьями, домашнимъ скотомъ и движимымъ имуществомъ“.

2) „Первоначально постоянные жители (германскаго) города рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ жителей окрестныхъ селеній даже по своимъ занятіямъ. Они также занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ; они совмѣстно пользуются лѣсомъ, водами и лугами“ *).

Отыскивая въ исторіи русскаго города „полную противоположность“ городу западному, Милюковъ, какъ это часто случалось съ нашими изслѣдователями, очень неудачно нападаетъ какъ-разъ на черты полнаго сходства.

IV. Теорія вотчинная, Ключевскаго.

§ 9. *Торговое или городовое происхожденіе порядка кіевской Руси.*

Отъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“, изданныхъ въ 1896 году, я перехожу къ „Боярской Думѣ“ В. О. Ключевскаго, первое изданіе которой появилось въ 1882 году, на 14 лѣтъ раньше. Я нарушаю хронологическій порядокъ обзора потому, что теорія Милюкова въ основномъ пунктѣ тѣсно примыкаетъ къ разсмотрѣнной раньше теоріи

*) «Очерки», 5-е изд., с. 226—228, 2-е изд., с. 182. Тѣ же черты отмѣчаетъ Соловьевъ: «Города не иное что, какъ большія огороженныя села, крѣпости, имѣющія болѣе военное значеніе, чѣмъ промышленное и торговое». К. Бюхеръ, «Возникнов. нар. хоз.», пер. I. Кулишера, 1907, с. 106.

Соловьева; Ключевскій же, разноръча съ Соловьевымъ, близко подходитъ къ развиваемому мною взгляду на удѣльный порядокъ, какъ на порядокъ феодальный.

Слѣдуя господствующему теченію нашей исторической мысли 70-хъ и 80-хъ годовъ, В. О. Ключевскій настаиваетъ на совершенномъ своеобразіи русскаго историческаго развитія. Въ результатѣ долгаго изученія русской экономической жизни и государственнаго строя, или „рынковъ и канцелярій", онъ приходитъ къ выводу, что весь русскій историческій процессъ опредѣляется отличными отъ запада „условіями колонизаціи", и что эти особыя условія опредѣлили не только медленность развитія и простоту общественнаго строя, но и „значительную своеобразность того и другого". Такъ говоритъ онъ въ недавно изданномъ курсѣ русской исторіи, и раньше въ „Боярской думѣ" онъ утверждалъ, что „условія" развитія, „похожія" на западныя, „у насъ являются въ другихъ сочетаніяхъ, дѣйствуютъ при другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, и потому созидаемое ими общество получаетъ своеобразный складъ и новыя формы" *). Это своеобразіе доходитъ иногда, по его мнѣнію, до развитія наоборотъ, до слѣдованія явленій историческаго процесса „въ обратномъ порядкѣ", по его выраженію, какъ у Милюкова, оно доходитъ до „контраста".

Одну „изъ самыхъ характерныхъ особенностей нашей исторіи" В. О. Ключевскій видитъ въ томъ, что въ ней „простѣйшія политическія и общественныя формаціи создавались посредствомъ очень сложныхъ процессовъ". Противъ сложности вообще историческаго процесса трудно спорить, такъ какъ въ немъ, дѣйствительно, „короткія разстоянія проходятся длинными извилистыми путями". Но мысль о томъ, что „сложность" составляетъ самую характерную особенность русскаго развитія, кажется мнѣ только однимъ изъ тѣхъ „мудрствованій", противъ которыхъ возставалъ Соловьевъ, говорившій, что „для полученія удовлетворительнаго отвѣта не должно мудрствовать, а надобно смотрѣть какъ можно проще".

Своеобразное явленіе Ключевскій находитъ уже въ самомъ началѣ русской исторической жизни. Въ древнѣйшемъ періодѣ онъ видитъ, одинаково съ Соловьевымъ, не представляющіе ничего своеобразнаго по существу „племенные и родовые союзы". Но на развалинахъ этихъ союзовъ у насъ, по его мнѣнію, возникаетъ оригинальный порядокъ, предшествующій появленію князей и дружинъ, „героическому періоду" Соловьева. Въ VIII вѣкѣ на большомъ торговомъ пути съ сѣвера на югъ, по рѣчной линіи Днѣпра-Волхова, у насъ, подъ вліяніемъ торговаго движенія, возникаютъ большіе торговые города—пункты склада товаровъ для вывоза. Въ IX вѣкѣ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ — набѣговъ печенѣговъ—эти города вооружаются, обносятся укрѣпленіями. Вооору-

*) «Курсъ русской исторіи», ч. I, с. 37. «Боярская дума», изд. 3, с. 7.

женный торговый городъ подчиняетъ себѣ торговые округа, окончательно ломая разрушавшіеся племенные и родовые союзы, и становится „политическимъ центромъ области". Области, будущія княженія, возникаютъ не изъ племенныхъ союзовъ непосредственно, а изъ торговыхъ округовъ, городовыхъ областей, сложившихся на экономической основѣ и подъ давленіемъ внѣшней обороны. Одно опять-таки внѣшнее обстоятельство содѣйствуетъ этому процессу. На большомъ торговомъ пути появились норманы-варяги не въ томъ видѣ, какъ на западѣ, не въ видѣ пирата, берегового разбойника, а въ видѣ вооруженнаго купца, идущаго въ Русь, чтобы пробраться дальше, въ богатую Византію. Они осаживаются въ русскихъ городахъ и этотъ пришлый элементъ усиливаетъ собою начавшійся выдѣляться въ городахъ туземный классъ „военно-торговой аристократіи". Изъ этой аристократіи и выдѣляются князь и дружина *).

Такова извѣстная торговая или городовая теорія происхожденія порядка кіевскаго времени. Во всемъ ея сложномъ рисункѣ, въ которомъ большую роль играютъ внѣшнія вліянія: нападенія печенѣговъ и иммиграція купцовъ-варяговъ, она, конечно, представляетъ развитіе городовыхъ областей Руси въ своеобразномъ видѣ. Но во всемъ этомъ взаимодѣйствіи вліяній очень много гипотетическаго, и самъ Ключевскій не особенно настаиваетъ на всѣхъ деталяхъ своей теоріи: „Какъ бы то ни было—говоритъ онъ—въ неясныхъ извѣстіяхъ нашей повѣсти (древнѣйшей лѣтописи) обозначается первая мѣстная политическая форма, образовавшаяся на Руси около половины IX вѣка: это—городовая область, т.-е. торговый округъ, управляемый укрѣпленнымъ городомъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, служилъ и промышленнымъ средоточіемъ для этого округа" и „укрѣпленнымъ убѣжищемъ". Въ этомъ основномъ явленіи нѣтъ ничего своеобразнаго. Такое значеніе во многихъ мѣстахъ съ древнѣйшаго времени и позднѣе имѣли города и на западѣ. Нѣтъ ничего своеобразно-русскаго и въ томъ первоначальномъ возникновеніи древнихъ русскихъ городовъ изъ рынковъ, изъ торжищъ, которое Ключевскій изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Съ теченіемъ времени (въ древнѣйшій періодъ разрушенія родовыхъ союзовъ) успѣхи промысла и торга создавали среди разбросанныхъ дворовъ сборные пункты обмѣна, центры гостьбы (торговли), погосты; нѣкоторые изъ нихъ превращались въ болѣе значительныя торговыя средоточія, въ города, къ которымъ тянули въ промышленныхъ оборотахъ окрестные погосты, а города, возникшіе на главныхъ торговыхъ путяхъ, по большимъ рѣкамъ, выростали въ большія торжища, которыя стягивали къ себѣ обороты окрестныхъ городскихъ рынковъ. Такъ племенные и родовые союзы смѣнялись и поглощались промышленными округами".

---

*) «Боярская дума», 3-е изд., стр. 22—34. «Курсъ русской исторіи», часть I, лекція IX.

§ 10. *Феодальныя основы Удѣльнаго порядка.*

Сѣверо-восточную Удѣльную Русь В. О. Ключевскій изучаетъ, также какъ Кіевскую Русь, въ полномъ убѣжденіи, что ея строй представляетъ собою нѣчто совершенно своеобразное, нѣчто „невиданное“ въ Западной Европѣ; онъ увѣренъ, что историкъ запада можетъ найти здѣсь, какъ и вообще въ нашей исторіи, только „сходные моменты и условія“. И самъ же онъ своими спеціальными розысканіями объ удѣльномъ періодѣ выясняетъ такія основы этого строя, въ которыхъ историкъ запада легко узнаетъ никакъ не „моменты и условія“, но основныя начала учрежденій, хорошо ему знакомыхъ изъ исторіи средневѣковыхъ феодальныхъ государствъ. В. О. Ключевскій въ этомъ случаѣ, что́ онъ въ особенности подтверждаетъ своими недавними разсужденіями о феодализмѣ въ новомъ его курсѣ, dit de la prose sans le savoir.

Эти его спеціальныя розысканія о сѣверо-восточной удѣльной Руси, вошедшія въ его изслѣдованіе о „Боярской думѣ“, принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ его работъ по той важности, какую они имѣютъ для выясненія общаго хода нашего историческаго развитія. Въ нихъ впервые наша Удѣльная сѣверо-восточная Русь XIII—XV вѣковъ явилась, какъ особая историческая эпоха съ своими характерными чертами, тогда какъ раньше она одними своими сторонами сливалась съ Кіевской Русью, другими съ позднѣйшихъ Московскимъ государствомъ и была потеряннымъ періодомъ нашей исторіи, какъ неопредѣленная промежуточная ступень. Въ трудахъ нашихъ новыхъ историковъ, недостаточно усвоившихъ и не развившихъ то новое, что внесъ Ключевскій въ пониманіе Удѣльной сѣверо-восточной Руси, это средневѣковье нашей исторіи и до сихъ поръ, впрочемъ, остается потеряннымъ періодомъ *).

Мы видѣли уже выше, какъ Соловьевъ, выяснивъ переходъ родового и племенного быта въ бытъ дружинный, не отыскалъ у насъ, несмотря на свои старанія, землевладѣльческую осѣдлость дружины, явившуюся на западѣ основой феодальнаго строя, и отсюда пришелъ къ антитезѣ между подвижной бродячей Русью и осѣдлымъ западомъ. Мы видѣли также, какъ Милюковъ построилъ на этомъ наблюденіи Соловьева свою теорію о нашемъ развитіи наизнанку въ сравненіи съ нормальнымъ развитіемъ запада.

Ключевскій своими розысканіями объ Удѣльной Руси разбиваетъ главный опорный камень этихъ теорій. Онъ, правда, не окончательно порвалъ еще съ наблюденіями Соловьева; онъ попрежнему еще тѣсно сближаетъ вольныхъ слугъ сѣверо-восточной Руси съ кіевской дружиной; онъ по старому находитъ еще, что эти „вольные слуги, дру-

*) Только С. Ф. Платоновъ выдѣляетъ въ своихъ «Лекціяхъ» особый «Удѣльный бытъ Владимірской Руси».

жина", составляютъ, какъ и въ Кіевской Руси, „подвижную, бродячую ратную массу, кочевавшую по русскимъ княжествамъ въ силу права вольнаго слуги выбирать себѣ мѣстомъ служенія любой изъ тогдашнихъ княжескихъ дворовъ". Но въ этомъ правѣ вольныхъ слугъ онъ находитъ уже „анахронизмъ" и признаетъ важное землевладѣльческое значеніе боярства удѣльнаго времени, котораго не разглядѣлъ Соловьевъ.

Эти вольные слуги были—говоритъ Ключевскій—землевладѣльцами и начали въ XIV, XV вв. „складываться въ земскій классъ, отбывавшій финансовыя и нѣкоторыя ратныя повинности по землѣ и водѣ, по мѣсту землевладѣнія". „По своимъ поземельнымъ отношеніямъ бояре и вольные слуги уже въ XIV вѣкѣ (т.-е. въ началѣ удѣльнаго періода) составляли уѣздные міры или землевладѣльческія общества". „Служилые люди на сѣверѣ усвояли себѣ интересъ, господствовавшій въ удѣльной жизни, стремленіе стать сельскими хозяевами, пріобрѣтать земельную собственность, населять и расчищать пустоши, а для успѣха въ этомъ дѣлѣ работить и кабалить людей, заводить на своихъ земляхъ поселки земледѣльческихъ рабовъ-страдниковъ, выпрашивать землевладѣльческія льготы и ими приманивать вольныхъ крестьянъ на свои земли". Въ рукахъ двухъ классовъ, „военно-служилаго и духовнаго", „сосредоточивалась частная земельная собственность и землевладѣніе все болѣе становилось главнымъ экономическимъ средствомъ обезпеченія ихъ общественнаго положенія". Первоначальный типъ „боярина-землевладѣльца" сложился—утверждаетъ Ключевскій—уже въ Кіевской Руси, а въ сѣверо-восточной „боярское землевладѣніе" „получило важное политическое значеніе въ судьбѣ служилаго класса и съ теченіемъ времени измѣнило его положеніе и при дворѣ князя, и въ мѣстномъ обществѣ" *).

Итакъ, наши бояре и вольные слуги удѣльнаго періода „усвояли себѣ господствовавшій интересъ" времени „стать сельскими хозяевами", цѣнили землю, и „боярское землевладѣніе" имѣло „важное политическое значеніе". Ключевскій нашелъ, такимъ образомъ, землевладѣльческую осѣдлость и землевладѣльческое значеніе дружины, нашелъ въ Удѣльной Руси главное основаніе феодальнаго порядка, которое тщетно искалъ Соловьевъ.

Удѣльные бояре—выясняетъ онъ далѣе—были не только землевладѣльцами, но и „привилегированными землевладѣльцами". Этихъ привилегій боярскаго землевладѣнія удѣльнаго времени, равныхъ по своему объему иммунитету феодальнаго запада, не замѣтилъ Соловьевъ, а Милюковъ подчеркиваетъ отсутствіе ихъ у насъ, какъ причину того, что бояре, якобы, не дорожили землей. Ключевскій, наоборотъ, утверждаетъ, что бояринъ удѣльнаго времени былъ „привилегированнымъ землевладѣльцемъ", что „князь передавалъ землевладѣльцу правительственную власть, похожую по своему составу на ту, какой облекалъ онъ областного пра-

*) «Боярская дума», 3-е изд., с. 93, 97, 113. Курсъ, ч. I, с. 448.

вителя, именно право суда и обложенія въ извѣстной мѣрѣ", что боярская „привилегированная вотчина сохраняла лишь слабую зависимость отъ управителя административнаго округа, въ которомъ она находилась", такъ какъ мѣстный управитель удерживалъ за собой только „право судить подвластное вотчиннику населеніе въ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ, часто даже только въ дѣлахъ о душегубствѣ".

Итакъ, по признанію Ключевскаго, у насъ въ удѣльное время бояре, слуги князя, были землевладѣльцами,—одинаково, добавлю я, съ западными „слугами"-феодалами, и боярская вотчина сдѣлалась опорой новаго политическаго значенія боярства, точно такъ, какъ на западѣ, пользуясь независимостью отъ княжескихъ властей, то-есть, иначе говоря, иммунитетомъ. Но этого мало; Ключевскій выясняетъ и другія основныя черты удѣльнаго порядка, въ которыхъ легко признать начала феодальнаго строя.

Западныя княжества, какъ извѣстно, выросли изъ крупныхъ частновладѣльческихъ имѣній и поэтому въ новыхъ, постепенно слагавшихся, государственныхъ чертахъ ихъ сеньеріальнаго управленія долгое время сохранялись наслѣдственныя черты частнаго хозяйства крупнаго землевладѣльца. Государственная мантія высшаго сюзерена была одного покроя съ простымъ платьемъ барона-землевладѣльца. Эту самую, столь характерную для феодализма, черту преобладанія началъ частнаго права Ключевскій выясняетъ въ строѣ управленія нашего удѣльнаго княжества, quasi-государтсва. „Удѣльный порядокъ—говоритъ онъ—зародился въ тотъ моментъ, когда княжеская волость усвоила себѣ юридическій характеръ частной вотчины привилегированнаго землевладѣльца". Въ особой V-й главѣ „Боярской думы" онъ доказываетъ, обозначая этотъ тезисъ въ заголовкѣ, что „удѣльное управленіе" сѣвернаго княжества „было довольно точною копіей устройства древнерусской боярской вотчины"; разсматривая устройство княжества, онъ находитъ, что оно „сложилось по юридическому типу частной земельной вотчины", и во всѣхъ его чертахъ видитъ „сходство съ хозяйственнымъ управленіемъ боярской вотчины": „Дворцовыя имущества княжескій дворецъ эксплуатировалъ самъ на собственное содержаніе; остальныя владѣнія свои князь отдавалъ эксплуатировать другимъ лицамъ, боярамъ и слугамъ вольнымъ"; „въ дворцовомъ управленіи князь былъ вотчинникомъ съ правами государя, а въ областномъ являлся государемъ съ привычками вотчинника" *).

Это—такъ называемая „вотчинная теорія" происхожденія московскаго государства изъ княжества-вотчины удѣльнаго времени. Та же мысль въ болѣе неопредѣленной и широкой формулировкѣ развита была раньше Забѣлинымъ въ отношеніи московскаго государства, минуя удѣль-

*) «Боярская дума», стр. 92, 111, 118.

ный періодъ. „Политическій корень" московскаго государства—писалъ И. Е. Забѣлинъ въ 1871 году—былъ исключительно вотчинный, былъ воспитанъ и выросъ на вотчинномъ развитіи народа, и сама Москва, въ смыслѣ государства была ничѣмъ инымъ, какъ лишь типическимъ высшимъ видомъ старинной русской вотчины: потому она и стала называться государствомъ, то-есть собственнымъ именемъ вотчины. Вотъ почему и общая государственная политика была, въ сущности, только наиболѣе полнымъ выразителемъ частныхъ вотчинныхъ отношеній" *). Въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, Забѣлинъ видитъ проявленіе „коренного русскаго начала". Такой взглядъ на вотчинное частно-правное начало, лежавшее въ основѣ удѣльныхъ княжествъ и возникшаго изъ нихъ московскаго государства, какъ на „коренное русское начало", кажется очень страннымъ въ наше время, когда мы хорошо знаемъ, что западно-европейскія княжества-государства слагались также, на той же основѣ частнаго землевладѣльческаго хозяйства, съ которымъ на западѣ, какъ и у насъ, издревле связаны были государственныя права суда и управленія.

Землевладѣльческіе интересы и значеніе удѣльнаго боярства, иммунитетныя привилегіи боярскаго землевладѣнія, близкое родство княжескаго удѣла съ боярской вотчиной - это еще не всѣ феодальныя основы нашего удѣльнаго строя, выясняемыя Ключевскимъ, вопреки его намѣреніямъ выяснить совершенное своеобразіе русской древности. Истинно феодальная черта крайняго раздробленія суверенной власти вырисовывается въ рельефно имъ изображенномъ дробленіи сѣверо-восточной Руси на множество мелкихъ удѣловъ. Территоріи маленькихъ удѣльныхъ княжествъ ограничивались бассейномъ рѣчки, а нерѣдко и частью небольшого рѣчного бассейна, и резиденціи удѣльныхъ князьковъ часто помѣщались въ селахъ, какъ и резиденціи бояръ. „На рѣкѣ Андогѣ—пишетъ Ключевскій—среди тянувшихся по ней и ея притокамъ селъ, селецъ и деревень, не было ни одного городка, а между тѣмъ здѣсь находились стольныя мѣста, резиденціи трехъ удѣльныхъ княжескихъ династій, Андожской, Шелешпанской и Вадбольской". Тѣмъ не менѣе, такіе князья, мелкіе вотчинники, несмотря на незначительность ихъ владѣній, равныхъ по размѣрамъ вотчинѣ боярской, сохраняли владѣтельныя княжескія права. Такое феодальное раздробленіе суверенной власти возникло у насъ иначе, чѣмъ на западѣ, путемъ наслѣдственнаго дробленія суверенной власти, а не путемъ ея захвата графами. Но несмотря на иной историческій процессъ, юридическій фактъ раздробленія суверенной власти между множествомъ вотчинниковъ остается въ силѣ. Вмѣстѣ съ боярами, которые, какъ признаетъ тотъ же Ключевскій, владѣли частью „верховныхъ" правъ, эти „княжата" вотчинники съ владѣтельными княжескими правами образуютъ у насъ сословіе феодаловъ, обладающихъ суверенными правами въ различной градаціи.

*) Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ, «В. Европы», 1871, № 2, стр. 500. Первая статья о томъ же въ № 1, стр. 5 и слѣд.

§ 11. *Возраженія Ключевскаго самому себѣ.*

Выясняя всѣ эти стороны удѣльнаго строя въ „Боярской думѣ", В. О. Ключевскій не сдѣлалъ даже и намека на сходство ихъ съ феодальными порядками, а въ предисловіи къ своей книгѣ въ общихъ чертахъ настаивалъ на своеобразіи русскаго развитія и допускалъ, что западный историкъ найдетъ въ немъ только нѣкоторые, знакомые ему, „моменты и условія развитія". Недавнія же его разсужденія о феодализмѣ во вновь изданномъ „Курсѣ русской исторіи" ясно показываютъ, что въ работѣ его надъ удѣльнымъ періодомъ важнѣйшія феодальныя черты этого періода вырисовывались сами собою, помимо его вѣдома и намѣренія. Въ удѣльномъ нашемъ порядкѣ не надо даже было искать феодализма, чтобы его найти.

Ключевскій теперь признаетъ, что „въ удѣльномъ порядкѣ можно найти не мало чертъ, сходныхъ съ феодальными отношеніями, юридическими и экономическими", но онъ дѣлаетъ это признаніе какъ-то нехотя, не считаетъ нужнымъ опредѣлить всѣ эти черты и обставляетъ свое признаніе рядомъ оговорокъ, настаивая не на сходствѣ, а на различіи. Онъ утверждаетъ, что сходные съ западомъ элементы образуютъ у насъ другія комбинаціи, и, пренебрежительно относясь къ изученію „сходныхъ элементовъ", частью ослабляетъ оговорками, частью даже измѣняетъ положенія своей же „Боярской думы". Мы видѣли, какъ рельефно оттѣнилъ онъ „политическое значеніе" боярскаго землевладѣнія сѣверовосточной Руси, какъ онъ, въ противовѣсъ бродячимъ дружинникамъ Соловьева, выдвинулъ „боярина привилегированнаго землевладѣльца", сельскаго хозяина, который на своихъ земляхъ „работитъ и кабалитъ людей". Онъ и въ курсѣ своемъ перепечатываетъ одну страницу на эту тему изъ „Боярской думы" и повторяетъ, что „землевладѣніе теперь все болѣе становилось и для бояръ основой общественнаго положенія", но, чтобы противопоставить бояръ феодаламъ, дѣлаетъ удареніе на „чисто личныхъ" отношеніяхъ бояръ къ князю, хотя самъ видитъ въ нихъ анахронизмъ, „остатки прежняго времени". Забывая о своемъ „бояринѣ-землевладѣльцѣ", онъ возвращается къ соловьевскому боярину-дружиннику, который, якобы, „не находя въ подвижномъ мѣстномъ обществѣ общества элементовъ для такого (какъ на западѣ) прочнаго окруженія, искалъ опоры для своей вольности въ личномъ договорѣ на время, въ правѣ всегда разорвать его и уйти на сторону".

Мы видѣли выше также, какъ рельефно выдвинулъ Ключевскій привилегированность (иначе иммунитетъ) боярской вотчины, сохранявшей „лишь слабую зависимость" отъ княжескихъ властей. Онъ и теперь признаетъ, что князь „уступалъ боярину-вотчиннику въ своемъ удѣлѣ, вмѣстѣ съ правомъ собственности на его вотчину, и часть своихъ верховныхъ на нее правъ", но спѣшитъ оговориться, что это—отношенія только „напоминающія феодальные порядки Западной Европы", что это—явленія „не

сходныя, а только параллельныя". Эта оговорка для меня не понятна. Я не понимаю, какъ въ одинаковомъ по существу юридическомъ отношенiи: уступкѣ княземъ части верховныхъ правъ вмѣстѣ съ правомъ собственности, можно видѣть какое-то „параллельное", а не сходное, по меньшей мѣрѣ, явленiе.

Другая оговорка объ этихъ „вотчинныхъ льготахъ" (иммунитетахъ) понятна, но она только свидѣтельствуетъ о стараніи Ключевскаго затушевать ихъ феодальный характеръ, наперекоръ собственному своему прежнему изслѣдованiю. Тамъ эти льготы разсматривались, какъ общiй порядокъ, какъ одна изъ важнѣйшихъ сторонъ юридическаго типа удѣла-вотчины, тамъ мы читали, что, „по мѣрѣ развитiя привилегированнаго землевладѣнiя появлялось все больше земель", куда княжескiя власти не смѣли „всылать ни по что". А теперь—рядъ смягчающихъ оговорокъ, и въ результатѣ—совсѣмъ новая картина: „князь иногда уступалъ боярину... часть верховныхъ правъ"; на западѣ вотчинныя льготы—„устойчивыя, общiя нормы", а у насъ они, будто бы, „остаются болѣе или менѣе случайными и временными пожалованiями личнаго характера". Такъ, отрицая феодализмъ въ Россiи, В. О. Ключевскiй поставленъ въ необходимость полемизировать прежде всего съ самимъ собою.

Возьмемъ третiй примѣръ такой же неудачной оцѣнки Ключевскимъ собственныхъ своихъ розысканiй съ сравнительно-исторической точки зрѣнiя, возьмемъ новыя его замѣчанiя въ „Курсѣ" о выясненномъ имъ вотчинномъ характерѣ удѣльнаго княжества, о „слiянiи въ лицѣ князя правъ государя и вотчинника". Ключевскiй, правда, признаетъ, что удѣльный князь „похожъ на сеньера", но съ слѣдующими оговорками: „феодальный моментъ можно замѣтить развѣ только въ юридическомъ значенiи самого удѣльнаго князя, соединявшаго въ своемъ лицѣ государя и верховнаго собственника земли" *). Н. И. Карѣевъ въ своемъ исторiографическомъ обзорѣ вопроса о феодализмѣ въ Россiи, все время безстрастно, безъ критическихъ замѣчанiй излагающiй мнѣнiя русскихъ историковъ, тутъ, приведя эти оговорки Ключевскаго, измѣняетъ своему безстрастiю и настойчиво указываетъ, что между удѣломъ и сеньерiей есть „несомнѣнное" сходство: „Выдвигая на первый планъ лежащiй въ основѣ западно-европейскаго сеньерiальнаго режима фактъ соединенiя правительственной власти съ крупнымъ землевладѣнiемъ, мы имѣемъ полное право подвести подъ понятiе такого режима и мелкiй княжескiй удѣлъ, разсмотрѣнный проф. Ключевскимъ" **).

В. О. Ключевскому въ признанiи близкаго сходства русскаго удѣльнаго строя съ феодальнымъ мѣшаетъ, какъ и другимъ русскимъ историкамъ, то, что, хорошо зная русскую древность, сроднившись съ нею, онъ

---

*) Курсъ русской исторiи, ч. I, с. 444—446. Здѣсь и существо вопроса формулировано неточно; оно лучше опредѣлено въ словахъ на стр. 444: «слiянiе правъ государя и вотчинника въ лицѣ князя».

**) Н. Карѣевъ, «Помѣстье-государство», 1906, с. X—XI.

знаетъ западный феодализмъ только въ общихъ схематическихъ чертахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы слѣдующее, очень неудачное его замѣчаніе: „Въ исторіи московскаго княжества мы увидимъ, что въ XV в. нѣкоторые великіе князья стремились поставить своихъ удѣльныхъ въ отношеніе какъ будто вассальной зависимости; но это стремленіе было не признакомъ феодальнаго дробленія власти, а предвѣстникомъ и средствомъ государственнаго ея сосредоточенія“. Въ вассальныхъ связяхъ, конечно, странно искать „признака феодальнаго дробленія власти“; признакъ его надо искать въ другой сферѣ отношеній, въ томъ, что у насъ (также какъ на западѣ) общество, по собственному же опредѣленію Ключевскаго, „расплывалось или распадалось на мелкіе мѣстные міры“,— распадалось, „на мелкія тѣла, въ строѣ которыхъ съ наивнымъ безразличіемъ элементы государственнаго порядка сливаются съ нормами гражданскаго права“. Вассальныя связи были коррективомъ къ этому раздробленію, слабо замѣняя собою отсутствующія связи государственныя. И развитіе вассальныхъ отношеній между болѣе крупными сеньеріями, соотвѣтствующими нашимъ удѣламъ, на западѣ являлось, также какъ у насъ, „предвѣстникомъ государственнаго сосредоточенія“ власти. Если у насъ великіе князья въ XV вѣкѣ, „собирая русскую землю“, стремились ставить мелкихъ удѣльныхъ князей въ отношенія, „какъ будто“, вассальной зависимости, то историкъ запада легко узнаетъ въ этомъ опять-таки не отличную, а близко сходную черту западныхъ порядковъ, онъ тотчасъ же вспомнитъ, какъ князья и герцоги во вторую половину среднихъ вѣковъ, „собирая“ территоріи, всѣми средствами добивались признанія ихъ хотя бы номинальнаго сюзеренитета со стороны феодаловъ, не признававшихъ ничьей власти, и какъ нѣкоторые дюки покупали иногда за деньги ихъ вассальное подчиненіе.

Затушевывая всѣ черты сходства, В. О. Ключевскій выдвигаетъ черты отличія и настаиваетъ на томъ, что у насъ не было „двухъ основныхъ феодальныхъ особенностей: это 1) соединеніе служебныхъ отношеній съ поземельными, 2) наслѣдственность тѣхъ и другихъ“. У насъ въ удѣлахъ— говоритъ онъ—„поземельныя отношенія вольныхъ слугъ строго отдѣлялись отъ служебныхъ“. Въ основѣ этого и другихъ отличій лежало, по его мнѣнію, то, что всѣ отношенія удѣльнаго порядка имѣли подъ собою иную „соціальную почву—подвижное сельское населеніе“, тогда какъ на западѣ „вся военно-землевладѣльческая іерархія держалась на неподвижной почвѣ сельскаго населенія вилланов, крѣпкихъ землѣ, или наслѣдственно на ней обсидѣвшихся“.

Это—особенности столь же мнимыя, какъ и другія, разсмотрѣнныя выше. Но объ этихъ важныхъ сторонахъ феодальной системы я буду говорить ниже подробно. Здѣсь я имѣлъ въ виду только охарактеризовать основныя начала теоріи Ключевскаго, выяснить тѣ пункты его прежнихъ изслѣдованій, которые служатъ опорой для новой феодальной

теоріи, и кстати защитить эти пункты отъ собственныхъ его позднѣйшихъ нападеній.

Изъ этого обзора главныхъ нашихъ общихъ теорій русской исторіи видно, что авторы ихъ роковымъ образомъ терпѣли болѣе всего неудачъ въ стараніяхъ выяснить отличительныя своеобразныя черты русскаго историческаго развитія.

Настаивая по разнымъ соображеніямъ на коренномъ отличіи нашего средневѣкового порядка отъ феодальнаго, историки наши, вмѣстѣ съ тѣмъ, одни сознательно, какъ Соловьевъ, другіе безсознательно, какъ Ключевскій, — выяснили существованіе у насъ нѣкоторыхъ основныхъ началъ феодальнаго строя. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я еще не разъ буду опираться на изслѣдованія русскихъ историковъ, содѣйствовавшихъ, — одни сознательно, другіе безсознательно выясненію этого вопроса. Моя работа отнюдь не оторвана отъ почвы нашей науки, какъ то можетъ показаться на первый взглядъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сеньеріальныя основы удѣльнаго порядка.

I. Вступленіе.

§ 12. *О пріемахъ изслѣдованія.*

Разсмотрѣнныя нами въ предыдущей главѣ важнѣйшія теоріи русскаго историческаго развитія тѣсно связаны съ изученіемъ нашего удѣльнаго средневѣковья, въ которомъ Соловьевъ и слѣдомъ за нимъ Милюковъ нашли первое рѣзкое отличіе исторіи Россіи отъ исторіи запада. Въ ихъ теоріяхъ, однако, этотъ удѣльный періодъ не выдѣляется въ особую своеобразную эпоху и сливается съ древнѣйшей кіевской и съ позднѣйшей эпохой московскаго государства XVII вѣка. Такъ, Соловьевъ, широкими, рѣзкими чертами рисуя подвижность Руси, пустынность страны и рѣдкость населенія, продолжительность періода движенія, когда все было похоже на перекати-поле, сливалъ воедино всѣ три эпохи русской исторіи, кіевскую, удѣльную и московскую, и на продолжительный центральный удѣльный періодъ, съ XII до XVI вѣка, когда населеніе тѣснилось въ лѣсахъ небольшой сравнительно территоріи сѣверо-восточной Руси, перенесъ черты степного простора древнѣйшей кіевской Руси и южной степной окраины позднѣйшаго московскаго государства, или поля, которое только съ XVI столѣтія стало доступно для русской колонизаціи. Между тѣмъ удѣльное средневѣковье также существенно своимъ особымъ складомъ отличается отъ другихъ періодовъ нашей исторіи, какъ лѣсъ отличается отъ степи съ травой перекати-поле.

Въ удѣльный періодъ степной югъ, занятый татарами, не былъ доступенъ для русской колонизаціи, а сѣверъ отнюдь не давалъ простора для свободнаго передвиженія, потому что здѣсь нужно было для каждаго новаго поселка корчевать лѣсъ, отыскивая сухія мѣста среди болотистыхъ низинъ. Наиболѣе доступныя для культуры мѣста здѣсь скоро были заняты; населеніе здѣсь рано осѣло и уплотнилось, и всѣ общественныя отношенія пріобрѣли болѣе устойчивый характеръ. Отношенія это измѣнились только въ XVI вѣкѣ, когда для населенія, стѣсненнаго долгое время, четыре столѣтія, въ тѣсномъ пространствѣ между Волгой и Окой, открылся въ XVI столѣтіи выходъ въ поле, послѣ побѣдъ надъ татарами, и

когда отливъ населенія на югъ вызвалъ въ старомъ центрѣ московскаго государства сельско-хозяйственный кризисъ, хорошо изученный нашими историками.

Суммарная характеристика трехъ эпохъ русскаго развитія разрушается болѣе внимательнымъ изученіемъ удѣльнаго средневѣковья, начало которому положилъ В. О. Ключевскій. Хронологическія рамки этого удѣльнаго періода опредѣляются такъ: отъ конца XII вѣка—до середины XVI вѣка, или отъ времени Андрея Боголюбскаго до Ивана Грознаго. Въ концѣ XII вѣка сѣверо-восточная Русь уже настолько усилилась и окрѣпла, что сѣверный князь Андрей Боголюбскій, завоевавшій Кіевъ, получилъ преобладаніе надъ князьями южной Руси. Вслѣдъ затѣмъ въ сѣверо-восточной Руси, на основѣ крупнаго боярскаго землевладѣнія слагается удѣльно-феодальный порядокъ. Этотъ удѣльный періодъ заканчивается временемъ Ивана Грознаго, когда отливъ населенія на югъ и юго-востокъ вызвалъ запустѣніе центра и ослабилъ крупное землевладѣніе, а опричнина Ивана Грознаго, 1565 года, уничтожила политическія феодальныя притязанія удѣльныхъ княжатъ *).

Разсматривая въ общихъ теоріяхъ русскаго историческаго развитія средневѣковый удѣльный періодъ, историки наши не-разъ сравнивали его съ соотвѣтствующей эпохой западной исторіи, то-есть съ средневѣковымъ феодализмомъ. При этомъ Соловьевъ пришелъ къ отрицательному выводу вслѣдствіе недостаточной разработки въ то время, какъ русской, такъ и западной исторіи, и только въ послѣдніе годы своей жизни исправилъ до нѣкоторой степени свою ошибку. Послѣдующіе же историки отрицали сходство между удѣльнымъ порядкомъ и феодальнымъ, главнымъ образомъ, потому, что, сопоставляя болѣе обстоятельно, хотя и не вездѣ точно, изученныя черты русской древности съ феодализмомъ, брали его въ самыхъ общихъ и часто устарѣлыхъ уже чертахъ. Когда Соловьевъ и Чичеринъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ старались отыскать близость средневѣковаго русскаго порядка къ феодализму, они не находили ея во многихъ случаяхъ только потому, что имъ мѣшала, съ одной стороны, недостаточность русскихъ источниковъ, теперь пополненная, и мѣшали, съ другой стороны, нѣкоторыя ошибочныя воззрѣнія западныхъ историковъ, теперь исправленныя. Чѣмъ болѣе прогрессируетъ историческая наука у насъ и на западѣ, тѣмъ болѣе сближаются выводы русскихъ и западныхъ историковъ, ad majorem gloriam новой науки-соціологіи, и это сближеніе тѣмъ болѣе убѣдительно, что оно является результатомъ господствовавшаго до сихъ поръ изолированнаго изученія древностей Россіи и запада.

Сравнивая удѣльную Русь съ западомъ въ общихъ чертахъ, историки наши не отличали удѣльнаго порядка, или государственнаго и

---

*) О переходныхъ эпохахъ XII и XVI столѣтій, съ поворотными событіями 1169 и 1565 годовъ см. ниже въ главѣ V-й.

общественнаго строя, отъ историческаго процесса, или того пути, какимъ сложился этотъ строй, и, смѣшивая эти двѣ стороны вопроса, споря противъ сходства удѣльнаго порядка съ феодальнымъ, указывали особенно на несходства историческаго процесса. Я строго различаю эти двѣ стороны вопроса, и, настаивая на сходствѣ порядка, не могу не видѣть различія въ процессѣ его образованія, но не забываю при этомъ, что при всемъ глубокомъ сходствѣ англійскаго феодализма, напримѣръ, съ французскимъ, при тожествѣ основныхъ началъ этого строя, всѣми признаваемомъ, процессъ феодализаціи въ Англіи сильно отличался отъ феодализаціи во Франціи.

Въ противоположность ненадежнымъ обще-историческимъ сравненіямъ мнѣ даетъ твердую опору детальное сравненіе отдѣльныхъ учрежденій русскаго удѣльнаго строя съ основными учрежденіями феодализма. Я сосредоточиваю вниманіе на изученіи такихъ отдѣльныхъ юридическихъ институтовъ, какъ община, боярщина, защитная зависимость, вассальная служба и такъ далѣе, и прихожу къ выводамъ, что эти учрежденія по существу своему, по своей природѣ представляютъ собою учрежденія, тожественныя соотвѣтствующимъ учрежденіямъ феодальной эпохи. Въ этомъ состоитъ главная задача моей работы; я пока предоставляю будущему такое же детальное сравнительное выясненіе болѣе извилистыхъ и менѣе сходныхъ линій историческаго процесса у насъ и на западѣ, во всемъ его объемѣ и во всей его „индивидуальности".

Признавая болѣе или менѣе правильными нѣкоторые изъ моихъ выводовъ, историки, стараясь умалить значеніе ихъ, дѣлаютъ слѣдующія замѣчанія, очень странныя съ точки зрѣнія господствующихъ теперь соціологическихъ воззрѣній. Такъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, признавъ, послѣ первой моей статьи о „закладничествѣ-патронатѣ", что у насъ есть нѣкоторые „признаки феодализма", и, настаивая на ихъ неразвитости, замѣтилъ снисходительно: „историку права не мѣшаетъ для полноты картины отмѣтить и эту неважную черту въ старо-русской жизни" *). Историкъ-соціологъ, конечно, не отнесется такъ пренебрежительно хотя бы и къ очень слабымъ „признакамъ феодализма". И я думаю, что со стороны почтеннаго М. Ф. Владимірскаго-Буданова это замѣчаніе только обмолвка.

В. О. Ключевскій точно также, признавъ, что „въ удѣльномъ порядкѣ можно найти не мало чертъ, сходныхъ съ феодальными отношеніями юридическими и экономическими", не мало „сходныхъ элементовъ",— подобно Владимірскому-Буданову, очевидно, обмолвившись, утверждаетъ, что „научный интересъ представляютъ не эти (сходные) элементы, а условія ихъ различныхъ образованій". Отказывая, по точному смыслу этой фразы въ „научномъ интересѣ" изученію сходнаго, В. О. Ключевскій, вѣроятно, хотѣлъ сказать нѣчто другое, а именно, что „на-

*) Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 3-е, 1900, с. 324, изд. 4-е, с. 392.

учный интересъ" требуетъ выясненія не только „сходныхъ элементовъ", но и „условій ихъ различныхъ образованій".

Въ сравнительно-историческомъ изученіи, конечно, нельзя ограничиваться выясненіемъ сходства, необходимо выяснить также и всѣ отличія,—на ряду съ родовыми сходствами, надо выяснить видовыя отличія, наряду съ общими чертами—опредѣлить и черты индивидуальныя. Только при соблюденіи этого условія задача можетъ считаться рѣшенной и выводы сравнительнаго изученія могутъ быть прочными. Помня объ этомъ основномъ правилѣ сравнительнаго метода, я старательно искалъ отличій, и я указываю всѣ тѣ отличія, какія мнѣ удалось найти. Но среди нихъ нѣтъ ни одного коренного; всѣ они оказываются только количественными, а не качественными, всѣ они сводятся или къ меньшему развитію, или къ меньшей оформленности основныхъ началъ феодализма. Всюду коренное сходство началъ перевѣшиваетъ индивидуальныя особенности, и къ этому основному сходству присоединяются многія детальныя сходства: одинаковые термины и сходные обряды, объясняемые наслѣдственнымъ арійскимъ запасомъ русскаго и германскаго права.

Древнее право отличается вообще, какъ извѣстно, чрезвычайнымъ консерватизмомъ, и многія юридическія учрежденія проявляютъ замѣчательную живучесть. Общественныя отношенія перестраиваются очень медленно на протяженіи столѣтій, причемъ старыя формы права обыкновенно сохраняются и послѣ того, какъ содержаніе ихъ измѣнилось, и старый по формѣ договоръ покрываетъ нерѣдко новую по существу сдѣлку. Какъ въ языкѣ новыя понятія обозначаются старыми словами или новыми словами древнихъ корней, такъ точно и въ области права новыя отношенія большею частью живутъ подъ оболочкой древнихъ юридическихъ формъ. Мѣняющіяся отношенія медленно приноравливаютъ къ себѣ старыя формы права.

Чрезвычайная близость, даже формальная и терминологическая нѣкоторыхъ нашихъ учрежденій удѣльной эпохи къ феодальнымъ объясняется именно живучестью родственныхъ юридическихъ формъ и терминовъ, унаслѣдованныхъ нами, одинаково съ германцами, изъ арійской прародины и приноровленныхъ нами и ими къ новымъ отношеніямъ, которыя развились сходно, при сходныхъ условіяхъ, географическихъ и экономическихъ.

§ 13. *Арійское родство русскаго права съ германскимъ и символизмъ.*

Арійское родство русскаго древнѣйшаго права съ германскимъ въ наше время достаточно ясно. Въ области уголовнаго права, судопроизводства и права гражданскаго древнѣйшіе русскіе порядки отличаются разительнымъ сходствомъ съ правомъ германскимъ. По части уголовнаго права мы находимъ въ „Русской Правдѣ" не только кровную месть, свойственную всѣмъ первобытнымъ народамъ, въ томъ числѣ и не арійскаго корня, но и всю систему наказаній, извѣстную германскимъ варварскимъ „Прав-

дамъ": и виру, и денежныя пени за тѣлесныя поврежденія. Въ судопроизводствѣ находимъ у насъ, одинаково съ Германіей, и ордаліи (испытанія водой и желѣзомъ), и судебный поединокъ (поле), и сводъ, и послуховъ-соприсяжниковъ (conjuratores). Въ гражданскомъ правѣ — и одинаковые брачные обряды, покупку и умыканіе женъ, и рабство неоплатнаго должника, и родовое владѣніе землею. Систематикъ арійскаго права, Лейстъ, ознакомившись съ „Русскою Правдою", въ своемъ изслѣдованіи о „Праарійскомъ гражданскомъ правѣ" выражаетъ изумленіе предъ особенною близостью древне-русскаго права къ германскому.

Считаю лишнимъ вслѣдствіе этого доказывать родство вообще нашего древнѣйшаго права съ правомъ германскимъ. Взамѣнъ того, чтобы нагляднѣе представить ихъ родственную близость, я остановлюсь на символическихъ обрядностяхъ, или на формализмѣ нашего древняго права, имѣя въ виду, что въ этой обрядовой сторонѣ многіе видятъ отличительную особенность германскаго права, и что одна изъ такихъ обрядностей, коммендація или оммажъ, связана съ однимъ изъ основныхъ учрежденій феодальнаго строя, съ феодальнымъ договоромъ.

Въ русскомъ обычномъ правѣ до нашихъ дней сохраняется обычай „спрыскивать" сдѣлки, такъ называемыя „литки". „Пропито — продано", говорятъ пословицы, „гдѣ кабалено, тамъ и вино"; „пропитая дочка — не своя, а чужая". Этотъ обычай былъ широко распространенъ въ Германіи въ средніе вѣка, и, также какъ у насъ, сохраняется, хотя и не съ прежнимъ формальнымъ значеніемъ, доселѣ. Питье „свидѣтельскаго вина, vinum testimoniale, въ утвержденіе договора" называлось въ Германіи терминомъ одного корня съ русскимъ: litkouf, leitkauf — литки. Въ Польшѣ находимъ тотъ же терминъ въ формѣ, еще была близкой къ нѣмецкому слову litkouf, а именно: litkup, lidkup.

Также какъ древніе литки, у насъ извѣстно столь же древнее рукобитье, также живущее еще въ обычномъ правѣ. Въ древности оно имѣло больше формально-юридическаго значенія, чѣмъ теперь, и новгородская судная грамота 1471 года въ нѣкоторыхъ случаяхъ категорически предписывала отвѣтчику удостовѣрять свое показаніе, какъ крестнымъ цѣлованьемъ, такъ и рукобитьемъ съ истцомъ: „да и по руцѣ ему ударити съ истцомъ своимъ", „да и руку дастъ, что тамъ ему не быть". Такая же точно обрядность рукобитья существовала въ древности и сохраняется до сихъ поръ въ обычномъ правѣ на западѣ; въ Германіи она называется тѣмъ же терминомъ, что и у насъ, Handschlag, во Франціи — la paumée или poignée de main.

При рукобитьѣ у насъ часто бьютъ рука объ руку, завертывая ихъ въ полы кафтана: „Бери полу, бей рука объ руку". И при передачѣ вещи изъ рукъ въ руки, имѣющей также формальное юридическое значеніе, руки тоже обертываются въ полу. Такъ, при продажѣ коня, продавецъ передаетъ поводъ коня рукою, обернутою въ полу, покупщикъ также беретъ поводъ рукою, обернутою въ полу кафтана, и вещь, та-

кимъ образомъ, передается столько же „изъ рукъ въ руки“, сколько „изъ полы въ полу“. Тутъ обрядовое символическое значеніе имѣетъ не только рука, но и пола. Въ германскомъ правѣ пола (Rockschoss, pilum vestimenti) является съ тѣмъ же значеніемъ во многихъ обрядностяхъ; въ Германіи, напримѣръ, истецъ долженъ былъ задерживать отвѣтчика, беря его за полу, и нѣкоторыя клятвы давались, положа руку на полу: „in vestimento jurare“.

Точно такъ же какъ въ Германіи, у насъ символическое значеніе было перенесено съ руки и на покрывающую ее рукавицу или перчатку. Изъ западныхъ обрядностей этого рода пользуется извѣстностью бросанье перчатки вверхъ, въ знакъ вызова на бой. Въ Германіи бросали перчатку вверхъ также въ знакъ отказа отъ права собственности на землю. И у насъ бросанью перчатки, только не вверхъ, а на землю, издавна и до нашихъ дней придается символическое значеніе. Въ одномъ изъ житій XV вѣка разсказывается, какъ при спорѣ двухъ „вельможъ“ о правѣ собственности на землю одинъ изъ нихъ Елевтерій „удари покровницею ручною въ землю и дастъ руку“ другому, Ивану.

Кромѣ руки, полы и перчатки, у насъ, какъ въ Германіи, употреблялась въ качествѣ символа также обувь. У нѣмцевъ могущественные короли посылали свои башмаки тѣмъ, кто покорялся имъ, признавая свою зависимость. Женихъ при обрученіи приносилъ невѣстѣ свои сапоги, и она надѣвала ихъ на ногу, въ знакъ своего подчиненія власти мужа. У насъ символъ обуви употребляется въ томъ же значеніи подчиненія, но въ другой обрядности. Яковъ Гриммъ въ „Древностяхъ нѣмецкаго права“ замѣчаетъ, что германскій обычай дѣлаетъ удареніе на обуваніи невѣсты, русскій—на разуваніи жениха. По нашей начальной лѣтописи Рогнѣда, не желавшая выходить замужъ за Владиміра, сказала своему отцу: „не хочу разути робичича“ (сына рабыни). „Въ знакъ покорности и до сихъ поръ, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ—говоритъ по этому поводу П. Ефименко—молодая разуваетъ мужа, т.-е. снимаетъ съ него сапоги, когда онъ расположится на брачномъ ложѣ. Женихъ иногда въ правый сапогъ кладетъ немного денегъ, а въ лѣвый не такъ давно клалась плетка“.

Какъ обувь, такъ точно и ключъ употреблялся у насъ въ обрядности, не тожественной, а лишь соотвѣтствующей по своему значенію обрядности германской. Символы нашего права вообще не тожественны, а лишь очень близки, родственны германскимъ, и это показываетъ, что наши обрядности не были заимствованы изъ Германіи, а развились изъ одного источника, какъ въ языкѣ русское слово одного арійскаго корня съ нѣмецкимъ—и по звуку, и по формѣ обыкновенно значительно отличается отъ него.

У германцевъ ключъ символизировалъ домашнее хозяйство жены: невѣста на торжественное благословеніе брачнаго союза являлась съ ключами на поясѣ, а при разводѣ жена должна была возвратить ключи мужу,

какъ то принято было и у римлянъ. У насъ ключъ тоже символизировалъ домашнее хозяйство, но не въ отношеніяхъ жены къ мужу, а въ отношеніяхъ приказчика или ключника къ господину. Кто привязывалъ къ поясу ключи, данные господиномъ, безъ особаго уговора съ нимъ, тотъ становился его холопомъ. „Русская Правда“ говоритъ: „а се третье холопство: тивунство безъ ряду, или привяжетъ ключъ къ себѣ безъ ряду“. Въ этомъ „привязываніи ключа“, дѣлающемъ человѣка холопомъ, ясно видно то важное юридическое значеніе обрядностей, закрѣпляющихъ или расторгающихъ договоры, какое свойственно было нашему древнему праву наравнѣ съ германскимъ.

Въ этомъ отношеніи интересна также другая, рано вышедшая изъ употребленія, обрядность передачи куска дерна въ знакъ передачи права собственности на землю. Въ Германіи объ этомъ символѣ сохранились указанія въ выраженіяхъ грамотъ: „передать посредствомъ травы или земли“, и „передать съ дерномъ“ *). На ту же обрядность указываетъ часто встрѣчающееся въ русскихъ купчихъ выраженіе: „продать óдерень“ представляющее собою какъ бы переводъ латинскихъ словъ: cum cespite tradere (передать съ дерномъ). Одерень продавалась у насъ не только земля, но и люди, какъ видно изъ многихъ грамотъ о самопродажѣ людей въ холопство: „продалась óдерень, въ полницу“. Для объясненія этихъ выраженій историки наши прибѣгли къ излюбленной ими гипотезѣ заимствованія. Митр. Евгеній въ 20-хъ годахъ, найдя въ нашихъ грамотахъ ясныя указанія на обрядъ присяги подъ дерномъ, о которомъ я скажу еще ниже, поспѣшилъ предположить, что „сей родъ народной присяги, вѣроятно, заимствованъ отъ какого-нибудь сѣвернаго идолопоклоническаго народа“; подобно этому, одинъ изъ лучшихъ историковъ нашего права, Неволинъ, для объясненія слова „óдерень“ воспользовался предположеніемъ Шафарика о заимствованіи этого слова изъ финскаго языка. Рѣшительно отрицая символизмъ нашего права, Неволинъ призналъ вслѣдъ за Шафарикомъ „совершенно удовлетворительнымъ“ производство слова „óдерень“ отъ финскаго deren, что, яко бы, значитъ, прочный, твердый; отсюда „продать одерень“ значитъ-де, продать прочно, совершенно, навсегда. Но тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, общая тенденція нашей исторіографіи объяснять всю нашу древность во что бы то ни стало „контрастомъ“ западу, или въ случаяхъ разительнаго сходства—заимствованіемъ, ввела Шафарика, а за нимъ Неволина, какъ и Сергѣевича, въ курьезную ошибку. Въ финскомъ языкѣ вовсе нѣтъ слова deren. Въ изслѣдованіи гельсингфорскаго профессора Миккола „Объ отношеніяхъ между западно-финскими и славянскими языками“ я нахожу восклицательные знаки его крайняго изумленія по поводу открытаго Шафарикомъ, неизвѣстнаго финнамъ слова; Миккола можетъ только высказать догадку, какъ Шафарикъ нашелъ свое

*) Tradere per herbam vel terram; tradere cum cespite.

„удивительное“ слово, раздѣливъ родительный падежъ слова mandere на двѣ части (man-deren).

Существованіе у насъ обрядности „передачи дерна“ въ знакъ продажи земли — помимо какихъ бы то ни было заимствованій отъ нѣмцевъ или финновъ — становится еще болѣе несомнѣннымъ, если мы примемъ во вниманіе ясныя свидѣтельства грамотъ о широко распространенномъ у насъ съ древности до недавняго времени, обрядѣ присяги подъ дерномъ и обхода межи съ дерномъ на головѣ. Этнографы наши и въ 20-хъ, и въ 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія наблюдали въ Рязанской и въ Олонецкой губерніяхъ, какъ крестьяне, доказывая принадлежность имъ спорнаго участка земли, вырѣзываютъ дернину, кладутъ ее на голову и идутъ по межѣ спорнаго участка, говоря: „пусть разсудитъ насъ мать сыра земля“, или пусть земля „прикроетъ меня на вѣки“. Рядъ ясныхъ указаній на такой отводъ земли съ дерномъ на головѣ идетъ отъ XIX вѣка въ глубь временъ до кіевской эпохи. Такъ, напримѣръ, въ межевой записи 1667 г. читаемъ: „Пронка Завьяловъ, положа дернъ на голову и взявъ образъ Пречистыя Богородицы..., розшелъ землю и сѣнные покосы и всякія угодья“; или въ грамотѣ 1621 года: „И тѣ крестьяне, взявъ образъ Пречистыя Богородицы, да земли на плеча..., съ образомъ по межамъ ходили и землю на себѣ носили“.

Упомянутое выше предположеніе митрополита Евгенія о заимствованіи этой обрядности на нашемъ сѣверѣ отъ „какого-нибудь сѣвернаго идолопоклонническаго народа“, зырянъ или пермяковъ, должно быть рѣшительно отвергнуто, такъ какъ первое извѣстіе о такой присягѣ подъ дерномъ мы находимъ уже въ южномъ памятникѣ XI вѣка задолго до сближенія русскихъ съ сѣверными инородцами; въ этомъ памятникѣ въ числѣ разныхъ славянскихъ суевѣрій языческой древности упоминается также обрядъ присяги съ дерномъ: „дрьнъ въскроущь (выкроенный) на главѣ покладая, присягу творитъ“.

Предположеніе о заимствованіи этого обряда отъ скандинавовъ должно быть отвергнуто не менѣе рѣшительно, между прочимъ, въ виду существеннаго несходства нашей присяги съ дерномъ на головѣ, и германскаго обряда прохожденія подъ дерномъ. У скандинавовъ при клятвѣ побратимовъ длинная полоса дерна клалась на копье, воткнутое въ землю такъ, чтобы концы дернины свѣшивались до земли, и побратимы проходили подъ дерниной, причемъ кололи себѣ до крови ногу или руку, такъ чтобы кровь смѣшалась съ землею. Если бы обрядность присяги съ дерномъ была заимствована русскими отъ скандинавовъ, то она не могла бы такъ существенно измѣниться.

Какъ обрядность передачи дерна и присяги съ дерномъ на головѣ, такъ и весь символизмъ нашего древняго права не заимствованъ, а только родственно близокъ германскому, подобно языкамъ, по общей арійской прародинѣ славянъ и германцевъ *).

*) Подробнѣе въ моей статьѣ: «Символизмъ въ древнемъ русскомъ правѣ». Журн. мин. народн. просв., 1905, т. 359, № 6, с. 339—365.

Имѣя въ виду это родство нашего древняго права съ германскимъ, читатель уже не удивится, встрѣтивъ въ средневѣковомъ нашемъ порядкѣ не только учрежденія, одинаковыя съ германскими, но и одинаковые термины. Мы выяснимъ ниже, напримѣръ, что наша средневѣковая община не только была одинакова по существу своего устройства съ германской, но и называлась одинаково съ нею міромъ—universitas, что выборный представитель ея назывался у насъ и въ Германіи одинаково сотскимъ—centenarius. Мы найдемъ, напримѣръ, въ отношеніяхъ владѣльческихъ крестьянъ къ господамъ тотъ же отказъ—désaveu, что и на западѣ; найдемъ, что они платили, одинаково съ нѣмецкими и французскими крестьянами, особыя пошлины даръ—donum, и подымное—fumagium, и выходныя свадебныя пошлины (maritagium), и что эти свадебныя пошлины у насъ, какъ въ Германіи, уплачивались первоначально мѣхомъ и рубашкой или полотенцемъ (убрусомъ). Мы найдемъ, что отношенія нашихъ бояръ къ князю не только по существу были одинаковы съ отношеніями вассаловъ къ сюзеренамъ, но и обозначались однимъ терминомъ: служить—servire, служба—servitium, слуга—vassus; что земля, данная „слугѣ“, у насъ называлась жалованьемъ, то-есть словомъ, тожественнымъ по смыслу съ западнымъ beneficium; наконецъ, что свободный договоръ боярской службы закрѣплялся у насъ обрядомъ челобитья, точно соотвѣтствующимъ вассальному колѣнопреклоненію и врученію, изъ которыхъ состояла извѣстная коммендація или оммажъ.

§ 14. *Крупное землевладѣніе, какъ основа феодализма.*

Историки западно-европейскаго средневѣковья въ послѣднее время выяснили вполнѣ, что основу феодальнаго порядка составляетъ крупное землевладѣніе. „Экономическій фундаментъ, на которомъ возникаетъ феодальная система—говоритъ М. М. Ковалевскій,—составляетъ крупная земельная собственность: гдѣ ея нѣтъ, гдѣ большинство народа продолжаетъ владѣть землею на правахъ частныхъ или общинныхъ обладателей ея, тамъ нѣтъ необходимыхъ условій для развитія феодализма“.

Выдвигая эту экономическую основу феодальнаго строя, Лампрехтъ въ крупномъ землевладѣніи видитъ существо средневѣковаго строя и леннымъ отношеніямъ придаетъ очень мало значенія. Онъ подчеркиваетъ, что „соціальное значеніе лена незначительно“, что „вліяніе его не проникаетъ до глубинъ національной жизни“, что не ленная связь является главнымъ двигателемъ или ферментомъ соціальнаго развитія эпохи, существо котораго заключается въ ростѣ господствующаго сословія, а крупное землевладѣніе, которое было источникомъ силы и значенія этого господствующаго сословія, независимо отъ ленныхъ связей. „Выдающагося положенія въ ленномъ государствѣ—говоритъ Лампрехтъ—достигали только роды, сами по себѣ могущественные, одаренные собственною

силою жизни". Эта ихъ „собственная сила жизни" состояла въ крупномъ землевладѣніи типа Grundherrschaft (сеньеріи, боярщины), возникшей на основѣ натуральнаго хозяйства. „Всѣ видные знатные роды—замѣчаетъ Лампрехтъ—ранней эпохи императоровъ владѣютъ крупной земельной собственностью, для всѣхъ нихъ соціальный ферментъ въ это время въ существѣ своемъ—болѣе хозяйственный, чѣмъ политическій".

Новые французскіе историки не отходятъ такъ далеко отъ стараго взгляда на феодализмъ, какъ на „феодальную систему" въ тѣсномъ смыслѣ слова, существо которой составляетъ „феодальный" или ленный договоръ. Они также признаютъ существенное значеніе за крупнымъ землевладѣніемъ, но не умаляютъ значенія и „феодальной системы". Порядки, тѣсно связанные съ крупнымъ землевладѣніемъ, Люшеръ называетъ сеньеріальнымъ режимомъ и изучаетъ ихъ съ равнымъ вниманіемъ, какъ и режимъ феодальный.

Разсматривая обѣ эти стороны феодальнаго строя, главнымъ образомъ, на примѣрѣ французскаго классическаго феодализма, Н. И. Карѣевъ, также какъ новые историки германской ленной системы, выдвигаетъ „помѣстье-государство", какъ основное учрежденіе феодальнаго строя, признавая „второстепенной" ту феодальную, въ тѣсномъ смыслѣ слова, систему, отъ которой этотъ строй получилъ свое названіе. „Феодализмъ—говоритъ онъ—есть особая форма политическаго и экономическаго строя, основаннаго на землѣ, на землевладѣніи, на земледѣліи, и это—главное, отъ чего въ той или другой мѣрѣ зависитъ и все остальное, начиная съ замѣны отношеній подданства отношеніями вассальности съ ея іерархической градаціей" *).

Соотвѣтственно этимъ воззрѣніямъ, прежде „феодальнаго режима" въ Россіи я изучаю „режимъ сеньеріальный", или „доманіальный", изучаю устройство боярской вотчины или боярщины, какъ основной ячейки феодальнаго строя. Гдѣ нѣтъ крупнаго землевладѣнія, тамъ не можетъ быть и феодализма, существеннѣйшія черты котораго состоятъ, съ одной стороны, въ раздробленіи страны на множество самостоятельныхъ владѣній, княжествъ и привилегированныхъ боярщинъ-сеньерій, и, съ другой стороны, въ объединеніи этихъ владѣній договорными, вассальными связями, замѣняющими позднѣйшія государственныя начала подданства.

---

*) М. М. Ковалевскій, Экономическій ростъ Европы, т. I, с. 408. K. Lamprecht, Deutshes Wirthschafsleben im Mittelalter, с. 1161—1162, ср. 878—883. Н. И. Карѣевъ, Помѣстье-государство, с. 5, 54.

II. Волостная община.

§ 15. *Вопросъ о древности русской общины.*

Изученіе крупнаго землевладѣнія въ удѣльной Руси мы должны начать издалека, съ изученія общины, которая исторически предшествуетъ боярщинѣ-сеньеріи. Крупное землевладѣніе развилось на западѣ, какъ то твердо установлено нѣмецкими историками, особенно Лампрехтомъ и русскими историками Англіи,—путемъ постепеннаго разрушенія и подчиненія господамъ древнихъ марковыхъ общинъ. Главная тема Лампрехта, его извѣстной „Нѣмецкой хозяйственной жизни въ средніе вѣка"—постепенное поглощеніе древней марки сеньеріей или „боярщиной" (Grundherrschaft—земельное господство).

По этому основному вопросу средневѣкового развитія мы находимъ у новыхъ русскихъ историковъ рѣзкое противорѣчіе съ историками запада. Крупное землевладѣніе, полагаютъ нѣкоторые наши историки, не могло у насъ, подобно западу, развиться на основѣ постепеннаго разрушенія и подчиненія господамъ древнихъ общинъ, потому что у насъ, утверждаютъ они — въ средніе вѣка, въ удѣльный періодъ и раньше, общины не существовало. Община возникла у насъ — доказываетъ Милюковъ—очень поздно, подъ правительственнымъ вліяніемъ. Община у насъ—утверждаетъ Сергѣевичъ— въ Новгородской землѣ создана была впервые Иваномъ III, въ концѣ XV вѣка. Такъ разнорѣчатъ въ этомъ вопросѣ русскіе историки съ германскими, вскрывая здѣсь еще одну рѣзкую антитезу между развитіемъ русскимъ и западнымъ. На западѣ община-марка явленіе исконное; она питаетъ собою сеньерію (Grundherrschaft)—основной элементъ феодальнаго строя; у насъ же община возникаетъ впервые при переходѣ отъ средневѣкового строя къ новому государственному порядку московской эпохи. Такимъ образомъ, въ Россіи, гдѣ община существуетъ до нашихъ дней, новые историки не признаютъ ея древности и ея историческаго значенія. Въ Германіи же, гдѣ община рано исчезла, историки, понявшіе германскую марковую общину только послѣ того, какъ они познакомились съ русскими общинными порядками (Гасткаузенъ и Мауреръ), видятъ въ марковой общинѣ основу средневѣковаго развитія.

Это столь рѣзкое разногласіе русскихъ историковъ съ германскими мы можемъ, однако, легко примирить, какъ только мы отъ буквы спора объ общинѣ обратимся къ его существу. Русскіе и западные историки разошлись въ этомъ вопросѣ только потому, что они подъ словомъ община разумѣютъ разныя вещи, сосредоточивъ свое вниманіе на различныхъ сторонахъ общиннаго строя.

Въ общинѣ, современной намъ русской общинѣ и всякой другой, потому что всѣ общинныя теоріи исходятъ изъ наблюденій надъ современною русскою общиною,—въ общинѣ легко различаются, два элемента:

1. Міръ, мірское самоуправленіе.

2. Общинное землевладѣніе, или землепользованіе, съ передѣлами земли.

Русскіе историки сосредоточили все свое вниманіе на второмъ элементѣ общины, на общинномъ землевладѣніи съ передѣлами. Прежніе историки, въ особенности Бѣляевъ, отстаивая древность, исконность русской общины и придавая особенную важность вмѣстѣ съ мірскимъ самоуправленіемъ также общинному землевладѣнію, старались доказать, что и это землевладѣніе съ передѣлами земли ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Въ этомъ пунктѣ они потерпѣли полную неудачу. Послѣдующіе изслѣдователи, и въ ихъ числѣ Милюковъ, доказали, что Бѣляевъ ошибался, настаивая на исконности передѣловъ, что передѣлы появляются впервые въ XV—XVI вѣкахъ, подъ внѣшнимъ, помѣщичьимъ и правительственнымъ или тягловымъ вліяніемъ. И въ этой полемикѣ весь обширный вопросъ объ общинѣ свелся единственно къ вопросу о времени появленія передѣловъ земли. Передѣлы—явленіе позднее; слѣдовательно, заключаютъ отсюда, и община есть явленіе позднее, упуская изъ виду или оставляя открытымъ вопросъ о первомъ и исторически основномъ элементѣ общины — мірскомъ самоуправленіи. При общинномъ землепользованіи—гласитъ у насъ законъ — „земли по приговору міра передѣляются и распредѣляются между крестьянами". Этотъ міръ существовалъ у насъ задолго до того, какъ возникло общинное землепользованіе, и къ новой функціи передѣловъ онъ былъ подготовленъ другими функціями въ области самоуправленія и связаннаго съ нимъ общиннаго владѣнія угодьями.

Германскіе историки, изучая общину, также обратили главное вниманіе на общинное землевладѣніе или землепользованіе и также усердно искали въ древности передѣловъ. Маурeръ, подобно Бѣляеву, тоже находилъ въ нѣмецкомъ средневѣковьѣ слѣды древнихъ передѣловъ. Лампрехтъ исправилъ эту его ошибку, отодвинувъ существованіе передѣловъ въ глубокую древность, ко временамъ Юлія Цезаря, но отъ отсутствія передѣловъ въ средніе вѣка отнюдь не сдѣлалъ заключенія къ небытію общины въ это время. Онъ не могъ сдѣлать такого вывода, потому что нѣмецкіе источники среднихъ вѣковъ даютъ слишкомъ яркую картину широкаго господства общинныхъ порядковъ, а именно общиннаго самоуправленія, связаннаго съ общиннымъ владѣніемъ угодьями (маркою въ собственномъ смыслѣ), потому что нѣмецкая Markgenossenschaft живетъ въ средніе вѣка жизнью, полною силъ, не только тамъ, гдѣ она сохранила свою самостоятельность, но и тамъ, гдѣ она была подчинена крупному землевладѣльцу, на его господской землѣ.

Эта сторона общины достаточно ярко рисуется и нашими источниками, но только болѣе поздними, XV—XVI вѣковъ. На этихъ-то источникахъ и основывались, главнымъ образомъ, тѣ наши историки, которые доказываютъ древность и важное значеніе въ древности нашей общины,

какъ Бѣляевъ, или изъ нашихъ современниковъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ, В. И. Семевскій и А. С. Лаппо-Данилевскій.

Отъ болѣе же древняго времени источники у насъ сохранились въ отрывкахъ; и недостатокъ разработки и анализа этихъ древнѣйшихъ источниковъ далъ возможность нѣкоторымъ новымъ историкамъ доказывать позднее происхожденіе общины, относя его какъ-разъ къ тому времени, XV вѣку, когда источники становятся столь убѣдительными даже на первый взглядъ, что не позволяютъ уже не видѣть важнаго значенія и силы общинныхъ порядковъ.

В. И. Сергѣевичъ, утверждая въ текстѣ своей книги „Древности русскаго права", очень рѣшительно, что „Иванъ Васильевичъ создалъ въ Новгородѣ крестьянскую общину",—въ примѣчаніи дѣлаетъ нѣсколько существенныхъ оговорокъ, по отношенію къ древнѣйшей исторіи общины, имъ совершенно не изученной. „Въ области управленія крестьяне—говоритъ онъ—можетъ-быть (не можетъ-быть, а несомнѣнно) имѣли какія-нибудь общія дѣла. Они могли участвовать на судѣ, избирать какихъ-либо цѣловальниковъ, раскладывать повинности и т. п." И тутъ же почтенный авторъ отмѣчаетъ еще одно „общее дѣло волости"—общины, касающееся уже не управленія, а землевладѣнія: „наемъ пустыхъ деревень". Если бы В. И. Сергѣевичъ внимательнѣе изучилъ указанія древнѣйшихъ нашихъ источниковъ на порядки мірского самоуправленія и землевладѣнія въ связи съ общей исторіей общины въ Россіи и на западѣ, то онъ понялъ бы, что Иванъ III не „создалъ общины", а, изгнавъ новгородскихъ бояришекъ, только освободилъ древніе общинные порядки, сохранявшіеся въ боярскихъ имѣніяхъ, отъ придавливавшей ихъ господской власти. Община жила въ новгородскихъ боярщинахъ, въ однихъ полная силъ, въ другихъ сдавленная, какъ тисками, властью ключника, какъ жила она и въ Германіи, и въ Англіи, на господскихъ земляхъ, какъ жила она и у насъ позднѣе въ дворянскихъ помѣстьяхъ. Иванъ III не создалъ общины, какъ не создало ея въ XIX столѣтіи, при освобожденіи крестьянъ, Положеніе 1861 года. Подъ верхнимъ слоемъ господской власти въ новгородскихъ боярщинахъ XV вѣка, какъ въ дворянскихъ имѣніяхъ XIX вѣка, лежалъ древній основной пластъ крестьянскаго міра. Этотъ пластъ обнажился, какъ только въ Новгородѣ при конфискаціи земель у новгородскихъ бояръ и бояришекъ съ общины снятъ былъ прикрывавшій ее, а иногда совершенно придавливавшій ее верхній слой господской власти *).

*) Въ этомъ § и слѣдующихъ, до § 20, я кратко излагаю выводы моего спеціальнаго изслѣдованія объ «Общинѣ и боярщинѣ», которое будетъ напечатано въ скоромъ времени. Поэтому здѣсь я не привожу цитатъ изъ памятниковъ и не дѣлаю ссылокъ на сочиненія и источники.

§ 16. *Германская марковая община.*

Съ германскою маркою, марковой общиной (Markgenossenschaft) тѣсно связано имя историка Маурера. Онъ посвятилъ изученію ея много томовъ, подъ разными заглавіями, изъ которыхъ болѣе извѣстенъ у насъ только первый томъ: „Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства", появившійся въ 1853 году, и въ 1880 году переведенный на русскій языкъ. Историки наши относятся скептически къ изслѣдованіямъ Маурера, указывая на недостовѣрность его общинной теоріи. Дѣйствительно, его теорія происхожденія средневѣковой общины отъ первобытной поземельной общины не можетъ быть признана вполнѣ достовѣрной. По мнѣнію Маурера, въ древнѣйшія времена вся земля со всѣми пахотными полями, лугами, пастбищами и лѣсомъ принадлежала нераздѣльно членамъ общины, и общинные порядки среднихъ вѣковъ представляютъ собою остатокъ первобытной марковой общины. Эта теорія происхожденія общины, дѣйствительно, представляется въ значительной мѣрѣ гипотетичной. Но эту теорію происхожденія общины не трудно отдѣлить отъ факта ея существованія въ средніе вѣка. Если поземельная община, съ передѣлами земли, временъ Юлія Цезаря является гипотезой, то марковая община среднихъ вѣковъ представляетъ собою непреложный историческій фактъ, засвидѣтельствованный грамотами, сохранившимися въ изобиліи.

Работа Маурера была продолжена Лампрехтомъ; крупная часть его труда: „Нѣмецкая хозяйственная жизнь въ средніе вѣка" посвящена именно марковой общинѣ. Согласно съ Мауреромъ, Лампрехтъ настаиваетъ на томъ, что „пашенная земля принадлежала первоначально къ маркѣ, какъ и всякая другая, и состояла въ общемъ пользованіи", но онъ болѣе отчетливо отдѣляетъ эту древнѣйшую марку отъ средневѣковой, признавая, что общее владѣніе пашнями, господствовавшее въ первобытное время, исчезло очень рано, и что въ каролингское время его уже не существовало. Теорія происхожденія марки здѣсь менѣе связана съ ея историческимъ описаніемъ. Между тѣмъ какъ Мауреръ въ общинныхъ передѣлахъ, существовавшихъ въ Германіи въ позднее средневѣковье и частью въ новое время, видитъ остатокъ первобытныхъ порядковъ, господствовавшихъ при Юліи Цезарѣ, Лампрехтъ, полагая, что первобытные порядки исчезли къ началу среднихъ вѣковъ, видитъ въ этихъ передѣлахъ новое образованіе позднѣйшей эпохи.

Что же такое представляетъ собою германская марковая община среднихъ вѣковъ, по изслѣдованіямъ Маурера и Лампрехта, которые, въ отношеніи этой эпохи, опираются на многочисленныя и ясныя свидѣтельства историческихъ памятниковъ? Что такое эта марковая община, которая, по изслѣдованію П. Г. Виноградова, существовала также въ Англіи, а по изслѣдованію М. М. Ковалевскаго, представляетъ собою учрежденіе, общее различнымъ странамъ Западной Европы?

Основная черта средневѣковой нѣмецкой и вообще европейской общины—широко развитое самоуправленіе. Власть въ общинѣ принадлежитъ выборному старостѣ, который назывался въ Германіи сотскимъ, цендеромъ или шульцемъ, и общему собранію правомочныхъ членовъ общины. Это собраніе было такою же мірскою сходкою, какія существуютъ и въ наше время въ русской общинѣ. Марковыя собранія, также какъ мірскія сходки, созывались старостою въ нѣкоторыхъ мѣстахъ регулярно, въ нѣкоторыхъ—по мѣрѣ надобности; рѣшенія должны были быть единогласными, и староста всецѣло былъ подчиненъ собранію. Совокупность членовъ общины называлась въ Германіи, также какъ у насъ, міромъ — universitas.

Общинѣ принадлежало, также какъ у насъ, право самостоятельной раскладки податей, которыя налагались общей суммой на всѣхъ общинниковъ. Староста и міръ разверстывали подати по дворамъ или гуфамъ, соотвѣтственно владѣніямъ каждаго самостоятельнаго дворохозяина.

Марковая община имѣла также большія судебныя права. Низшій судъ, также какъ низшее управленіе, подлежалъ всецѣло ея вѣдѣнію; что же касается высшаго суда, то община имѣла право участія въ судѣ представителей государственной власти: графы судили совмѣстно съ выборными шеффенами, судебными засѣдателями или присяжными.

Эта самоуправляющаяся община, съ правами мірской раскладки податей и мірского суда, была также обыкновенно и общиною церковной. На общія средства марки строились и содержались церкви, и съ церковною мірскою кассою соединялись дѣла благотворенія, призрѣніе бѣдныхъ и престарѣлыхъ.

Члены марковой общины владѣли землею на правѣ частной собственности; но съ частнымъ землевладѣніемъ соединялось землевладѣніе общинное. Въ каждой маркѣ были болѣе или менѣе значительныя общинныя угодья, такъ называемая альменда, или марка въ тѣсномъ смыслѣ слова: лѣса, выгоны, воды, состоявшія въ общемъ владѣніи и нераздѣльномъ пользованіи.

Поземельныя права общины не ограничивались одною альмендою. Общинѣ принадлежало высшее владѣніе на всѣ земли ея территоріи, какъ незанятыя, такъ и освоенныя частными собственниками. Это высшее поземельное право владѣнія общины (какъ dominium eminens), мнѣ кажется, можетъ быть приравнено къ территоріальной власти государства. Оно проявлялось въ томъ, что всѣ покинутые, запустѣвшіе участки переходили во владѣніе общины и община распоряжалась ими на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и угодьями альменды. По тому же началу высшей поземельной власти общины, въ основѣ общиннаго единенія, въ основѣ общинныхъ обязанностей и правъ отдѣльныхъ лицъ лежало владѣніе участкомъ земли, принадлежавшимъ къ общинной территоріи. По тому же началу къ отбыванію тягла, на ряду, съ крестьянами, привлекались также и лица привилегированныхъ сословій, дворянства и духовенства, разъ они пріобрѣтали участки общинной земли.

Таковы основныя черты средневѣковой марковой общины въ общей краткой схемѣ. Съ нѣкоторыми варіантами, въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ эти основныя черты наблюдаются въ различныхъ общинныхъ союзахъ Германіи, какъ и другихъ странъ Западной Европы. Въ древнѣйшее время преобладали большія марковыя общины изъ многихъ поселковъ, въ которыхъ выборныя власти и міръ пользовались большой самостоятельностью. Въ теченіе среднихъ вѣковъ, по мѣрѣ роста населенія, эти большія марки распадаются на общины-десятни (Zenderei), съ меньшими территоріальными округами. Въ позднѣйшее время то же общинное устройство наблюдается въ отдѣльныхъ обширныхъ селеніяхъ (деревенскія общины). Общинное устройство наблюдается повсюду также на владѣльческихъ земляхъ, съ большимъ или меньшимъ подчиненіемъ мірскихъ властей господину. Въ нѣкоторыхъ общинахъ общинныя угодья были незначительны, въ другихъ—велики и разнообразны, и къ альмендѣ въ собственномъ смыслѣ присоединялись различные воздѣланные участки, которые община сдавала въ аренду или сохраняла въ своемъ мірскомъ хозяйственномъ завѣдываніи.

§ 17. *Волостная община.*

Съ германскою общиною среднихъ вѣковъ одинакова русская община соотвѣтствующей эпохи, т.-е. нашего удѣльнаго времени, продолжавшагося до Ивана Грознаго. Мы имѣемъ въ нихъ учрежденія, даже не сходныя, но тожественныя по юридической структурѣ.

Древнѣйшей германской маркѣ, обширному марковому союзу древнѣйшей эпохи соотвѣтствуетъ наша волость среднихъ вѣковъ, волостная община съ обширной территоріей. Наши волости съ теченіемъ времени такъ же дробятся, какъ германскія марки, на волостки—общины меньшихъ размѣровъ. Общинное устройство, также какъ въ Германіи, наблюдается у насъ въ появляющихся позднѣе большихъ селеніяхъ; оно же въ весьма развитой формѣ господствуетъ и на владѣльческихъ земляхъ. Всѣ эти общины у насъ слагаются по одному и тому же типу. Существо ихъ древняго устройства рисуютъ намъ въ ясныхъ чертахъ акты послѣднихъ двухъ столѣтій нашего средневѣковья, т.-е. XV и XVI.

Во главѣ волости-общины этого времени мы видимъ выборнаго ея представителя, который назывался старостою или сотникомъ и сотскимъ; второе названіе точно совпадаетъ съ названіемъ представителя западной общины: центуріонъ (centurio, centenarius). Эти одинаковые термины идутъ изъ общаго источника, изъ общихъ славянамъ и германцамъ учрежденій глубокой древности, изъ первоначальнаго военнаго дѣленія племенъ на десятки, сотни и тысячи. Кромѣ названія „сотскій", у насъ были и другіе соотвѣтствующіе термины: тысяцкій (millenarius) и десятскій (decanus).

Волостной староста или сотникъ дѣйствуетъ у насъ, также какъ

въ Германіи, по уполномочію волостного міра, съ „мірского совѣту“. Рѣшенія принимаются „старостой и всѣми крестьянами“. Мірской сходъ, съ началомъ единогласнаго рѣшенія „всѣхъ крестьянъ“, существующій до нашего времени въ сельскихъ обществахъ, ведетъ свое начало изъ глубокой древности, отъ мірского схода средневѣковой волостной общины.

Сотскій и міръ въ волостной общинѣ, также какъ въ германской маркѣ, завѣдывали раскладкой податей, такъ называвшимся разметомъ. Крестьяне „данью и всѣми пошлинами тянули къ волости“ или „къ старостѣ волостному“. Сотскіе же или старосты завѣдывали и сборомъ всѣхъ податей. Правительственные чиновники, тіуны и доводчики, совершенно устранялись отъ этого дѣла.

Также какъ маркѣ, волостной общинѣ принадлежали судебныя права. Какъ въ Германіи графы судили вмѣстѣ съ шеффенами, такъ у насъ намѣстники должны были судить не иначе, какъ съ старостою и съ добрыми людьми, а позднѣе, по судебнику 1551 года, съ цѣловальниками. Это древнее правило объ участіи міра въ судѣ княжескихъ властей подтверждается судебниками и многими уставными грамотами. Судъ намѣстника былъ судомъ по дѣламъ уголовнымъ и по важнѣйшимъ гражданскимъ дѣламъ. Низшій же судъ, по всей видимости, былъ всецѣло судомъ мірскимъ, какъ и въ современной намъ сельской общинѣ.

Наша волостная община наравнѣ съ маркою была также и общиною церковною. Въ волостяхъ находимъ мірскія церкви, а въ нѣкоторыхъ волостяхъ даже мірскіе монастыри, строившіеся съ благотворительными цѣлями призрѣнія престарѣлыхъ. Церковь строилась обыкновенно на „погостѣ“, центральномъ пунктѣ волостной территоріи. Въ церкви хранились иногда мірскія деньги, а церковная трапеза иногда служила мѣстомъ мірскихъ собраній.

Общиннаго землевладѣнія въ тѣсномъ смыслѣ слова, съ періодическими передѣлами, въ нашей средневѣковой волости не было, какъ и въ однородной съ нею маркѣ. Волощане владѣли землею, какъ собственностью, съ правомъ распоряженія; объ этомъ свидѣтельствуетъ множество купчихъ, закладныхъ и раздѣльныхъ грамотъ между наслѣдниками на различные участки волостныхъ земель. Но съ этимъ частнымъ землевладѣніемъ въ волости, также какъ въ маркѣ, соединялось землевладѣніе общинное. Значительная часть угодій состояла въ общинномъ владѣніи и пользованіи, наравнѣ съ германской альмендой. Въ общинномъ владѣніи состояли также и всякіе, покинутые собственниками, участки, такъ называемыя пустоши. Волостная община свободно распоряжалась такими угодьями и пустошами: „Мнѣ—говорятъ въ грамотахъ крестьяне—тотъ лѣсъ дала волость, староста со крестьяны“.

Поземельныя права волости простирались не только на угодья и пустоши, но и на всю волостную территорію и могутъ быть сведены къ тому же праву высшаго владѣнія (dominium eminens) или территоріальной власти, какъ и поземельное право германской марки. Владѣніе

участкомъ волостной земли обусловливало обязанности и права волощанина. У насъ, также какъ въ Германіи, бояре и монастыри, пріобрѣтая волостные деревни и дворы, должны были „тянуть данью и судомъ къ волости“, и только особыми жалованными грамотами великихъ князей освобождались отъ власти волостного старосты и міра. У насъ, далѣе, какъ и въ Германіи, правомочными членами волостной общины были только владѣльцы земли, самостоятельные дворохозяева. Люди, жившіе въ чужомъ дворѣ, такъ называемые захребетники (жившіе за хребтомъ хозяина), освобождались отъ тягла; въ Германіи такіе люди, неправомочные члены общины, назывались сходно съ захребетниками: „сидящіе за другимъ“, Hintersassen.

Общинные союзы, волости и марки, широко развитое самоуправленіе этихъ органически сложившихся территоріальныхъ союзовъ были главною основою древнѣйшаго государственнаго строя. Государственная власть, власть князя съ его намѣстниками или графами, была какъ бы надстройкою надъ самоуправляющимися общинами. Большая часть функцій управленія въ теченіе среднихъ вѣковъ осуществлялась чрезъ посредство выборныхъ мірскихъ представителей. Правительственные округа образуются путемъ механическаго соединенія нѣсколькихъ общинныхъ округовъ, не измѣняя ихъ границъ и не нарушая особности каждаго мірского союза. Власть князя усиливается въ теченіе среднихъ вѣковъ, но въ отношеніяхъ намѣстника къ волости сохраняются болѣе или менѣе древнія черты государственной власти, наложенной сверху на органически сложившуюся самоуправляющуюся общину. Намѣстникъ съ его тіунами, какъ на западѣ графъ, сохраняетъ черты чужого наѣзжаго судьи по уголовнымъ дѣламъ и сборщика дани, напоминая князя начальной эпохи, который для сбора дани отправлялся съ дружиной въ полюдье, какъ бы военнымъ походомъ въ чужую землю, едва-едва признающую его власть.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ древніе общинные союзы, волости и марки, слабѣютъ и разрушаются, подавляемые быстро усиливающимся крупнымъ землевладѣніемъ. Ростъ крупнаго землевладѣнія, подавляющаго общину, составляетъ главную движущую силу развитія среднихъ вѣковъ; онъ лежитъ въ основѣ развитія феодализма на западѣ и нашего удѣльно-феодальнаго порядка XIII—XVI столѣтій. На западѣ и у насъ одинаково въ теченіе средневѣковья древніе общинные союзы борются съ крупнымъ землевладѣніемъ, община борется съ боярщиной, и боярщина къ концу среднихъ вѣковъ, при содѣйствіи княжеской власти, вполнѣ торжествуетъ надъ общиной.

III. Боярщина.

§ 18. *Боярщина—сеньерія.*

Крупное землевладѣніе на западѣ въ средніе вѣка было тѣсно связано съ правами государственнаго порядка. Въ самомъ понятіи земельной собственности того времени, по опредѣленію Гирке, тѣсно сливались элементы частнаго и публичнаго права: „германская собственность была одновременно земельнымъ господствомъ (Grundherrschaft) и земельнымъ имуществомъ (Grundvermögen) и таила въ одномъ зернѣ зародыши какъ территоріальнаго верховенства, такъ и собственности нашего времени". Крупный землевладѣлецъ въ средніе вѣка былъ не только землевладѣльцемъ, не только собственникомъ, но и судьей, и управителемъ, часто почти государемъ въ предѣлахъ своихъ, нерѣдко очень обширныхъ владѣній. Крестьяне, снимавшіе участки его земли по тому или иному срочному или безсрочному договору, должны были подчиняться его суду и расправѣ, хотя бы и не были его рабами или крѣпостными людьми. Эти права господъ, въ связи съ крѣпостнымъ правомъ, сохранялись въ нѣсколько ограниченномъ видѣ и послѣ среднихъ вѣковъ до освобожденія крестьянъ. Въ средніе же вѣка господскія права суда и расправы въ своемъ полномъ расцвѣтѣ, при слабости государственной власти, давали сильнѣйшимъ владѣльцамъ крупныхъ имѣній независимость отъ чиновниковъ короля или князя и составляли одно изъ главныхъ основаній феодальнаго строя.

То же соединеніе элементовъ частнаго и публичнаго права присуще было и русской боярщинѣ удѣльнаго времени. Наши крупныя боярскія и монастырскія имѣнія пользовались такою же независимостью „государства въ государствѣ", такимъ же иммунитетомъ, какъ и западныя сеньеріи; княжескіе волостели и тіуны не имѣли права „въѣзжать" въ частныя, боярскія и монастырскія имѣнія для суда и сбора налоговъ, и бояре и игумены сами „вѣдали и судили своихъ людей", то-есть всѣхъ, живущихъ на ихъ землѣ *).

Привилегированное крупное имѣніе, съ этими правами государственнаго порядка, обозначается во Франціи терминомъ с е н ь е р і я, въ Англіи— м а н о р ъ, въ Германіи—Grundherrschaft, земельное господство; у насъ въ удѣльное время находимъ точно соотвѣтствующій этимъ словамъ терминъ б о я р щ и н а, обозначающій именно боярское господство, соединенное съ частнымъ правомъ собственности на землю.

Эта боярщина-сеньерія среднихъ вѣковъ представляетъ собою учрежденіе, параллельное общинѣ: боярщина была единоличнымъ упра-

---

*) Подробнѣе см. ниже, глава III. См. также выше § 10.

вленіемъ, какъ община была самоуправляющимся союзомъ. Самоуправленіе связано было въ общинѣ съ извѣстными правами на землю, территоріальнаго свойства; тотъ же территоріальный характеръ имѣли и права боярина на землю, потому что большая часть его земли состояла въ наслѣдственномъ владѣніи крестьянъ, и потому что судебныя права его на лицъ проистекали изъ поселенія ихъ на его землѣ.

Также какъ въ указанномъ политическомъ значеніи господства, властвованія, наша боярщина одинакова съ западной сеньеріей и по главнымъ основаніямъ хозяйственнаго своего устройства. Средневѣковое крупное имѣніе у насъ, какъ и на западѣ, дѣлится на двѣ неравныя части; одна большая часть обрабатывается крестьянами, какъ самостоятельными хозяевами, за извѣстную плату въ пользу землевладѣльца; другая состоитъ въ непосредственномъ хозяйственномъ завѣдываніи господина и составляетъ обыкновенно незначительную часть всего имѣнія. Тѣсно связывая средневѣковое крупное землевладѣніе съ феодальной системой, новые изслѣдователи вводятъ эту основу хозяйственнаго строя сеньеріи, это „соединеніе крупнаго землевладѣнія съ мелкимъ хозяйствомъ“ крестьянъ—въ опредѣленіе главныхъ признаковъ феодализма. У насъ въ средніе вѣка наблюдается та же незначительность барской запашки, та же незначительность собственнаго хозяйства господина, которая является основною чертою крупнаго землевладѣнія феодальной эпохи.

Центральнымъ пунктомъ имѣнія, средоточіемъ всего вотчиннаго управленія была господская усадьба. Эта усадьба и у насъ, и на западѣ называлась дворомъ (Hof, curtis), одинаково съ крестьянской усадьбой, съ крестьянскимъ дворомъ (curtis villicana). Нашъ терминъ дворъ боярскій представляетъ собою точный переводъ латинскаго термина curtis dominicalis и нѣмецкаго Fronhof. Принадлежавшая къ боярскому двору, состоявшая въ непосредственномъ хозяйственномъ вѣдѣніи господина, земля называлась на западѣ землей салической (terra salica, Salland) *), у насъ — землей боярской. Часть этой боярской земли обрабатывалась людьми господина, плугомъ господскаго двора, другая часть барщиннымъ трудомъ крестьянъ. Источникомъ образованія этой земли была или роспашь новинъ, или же припускъ къ боярскому двору пустошей, т.-е. запустѣвшихъ крестьянскихъ участковъ. Извѣстія русскія и германскія совпадаютъ въ этомъ пунктѣ, какъ и во многихъ другихъ: германскія грамоты говорятъ о переходѣ запустѣвшихъ крестьянскихъ гуфъ въ салическую землю (in terram salicam); русскія писцовыя книги—о „припускѣ“ къ боярскому двору запустѣвшихъ крестьянскихъ дворовъ **).

---

*) Первоначальный смыслъ слова Sala—наслѣдственное, отцовское, дѣдовское владѣніе, т.-е. отчина, дѣдина.

**) Новгородскія писцовыя книги говорятъ о припускѣ запустѣвшихъ дворовъ и «деревень»: деревней въ это время въ XV вѣкѣ называлось крестьянское хозяйство («деревня» и «село земли») одного или нѣсколькихъ дворохозяевъ.

Управленіе и хозяйство господскаго имѣнія обыкновенно было въ рукахъ уполномоченнаго господиномъ приказчика. По-нѣмецки его называли мейеромъ, по-латински villicus; нашъ терминъ посельскій даетъ какъ бы буквальный переводъ латинскаго villicus, отъ слова villa— имѣніе, село. Посельскій завѣдывалъ собственнымъ хозяйствомъ господина на боярской землѣ; въ отношеніи же участковъ, занятыхъ крестьянами, какъ самостоятельными хозяевами, онъ былъ только сборщикомъ оброковъ и податей, а также судьей и управителемъ. Вознагражденіемъ ему служило пользованіе пожалованнымъ ему участкомъ земли, и въ особенности особыя пошлины, которыя онъ сбиралъ съ крестьянъ въ свою пользу.

§ 19. *Господскіе крестьяне.*

Юридическія отношенія владѣльческихъ крестьянъ къ господамъ на западѣ и у насъ въ средніе вѣка были столь же сходны, какъ и всѣ остальные вотчинные порядки.

На первый взглядъ, съ точки зрѣнія ходячихъ воззрѣній, между владѣльческими крестьянами феодальныхъ странъ и удѣльной Руси нѣтъ ничего общаго. Въ феодальной Франціи, говорятъ, господствовалъ полурабскій серважъ; въ Германіи владѣльческіе крестьяне были поземельно-зависимыми грундгольдами. У насъ же, говорятъ, крестьяне въ удѣльное время были свободными; они были прикрѣплены къ землѣ только въ началѣ XVII вѣка. Въ этомъ В. О. Ключевскій видитъ одно изъ коренныхъ отличій между русскимъ и западнымъ средневѣковымъ строемъ; на западѣ, говоритъ онъ, вся „военно-землевладѣльческая іерархія держалась на неподвижной почвѣ сельскаго населенія виллановъ, крѣпкихъ землѣ или наслѣдственно на нихъ обсидѣвшихся“; у насъ же была иная „соціальная почва, подвижное сельское населеніе“. Въ своей статьѣ о феодальныхъ отношеніяхъ я сдѣлалъ ту же ошибку, указавъ, что крѣпостное право на западѣ „давало прочную опору феодальному землевладѣнію“, и что отсутствіе крѣпостного права у насъ въ удѣльное время „обезсиливало бояръ, въ качествѣ сельскихъ хозяевъ“. Я писалъ такъ въ 1900 году, еще не изучивъ внимательно этого вопроса, а теперь долженъ взять назадъ это противоположеніе. Въ отношеніяхъ крестьянъ къ господамъ у насъ и на западѣ не было коренной разницы: вилланы не были „крѣпки землѣ“, такъ какъ они сохраняли право отказа (droit de désaveu), то же право, какое имѣли и наши господскіе крестьяне до ихъ закрѣпощенія въ исходѣ средневѣковья.

Нашихъ господскихъ крестьянъ удѣльнаго времени называютъ свободными, рѣзко противополагая ихъ позднѣйшимъ крѣпостнымъ, и основываясь на томъ, что они пользовались правомъ перехода. Но если принять во вниманіе тѣ формальности, тѣ тяжелыя для крестьянъ условія, которыми было обставлено это право перехода, то свобода ихъ окажется очень ограниченной. Право перехода было, въ сущности, особымъ правомъ отказа

или отрока, то-есть отреченія отъ господина. Уйти съ господской земли крестьянинъ могъ не иначе, какъ только тогда, когда онъ открыто, формально „отрекся“ или „отказался“ отъ господина. При этомъ онъ долженъ былъ расчитаться съ господиномъ, уплатить недоимки, а также особыя выходныя пошлины: пожилое, повозъ, поворотное. При неисполненіи этихъ условій, господинъ не давалъ своего согласія на выходъ крестьянина, не „отказывалъ“ его съ своей стороны; крестьянинъ, ушедшій „безъ отказа и безпошлинно“, считался бѣглымъ, и, въ случаѣ поимки, его силою возвращали къ господину. Нетрудно представить себѣ, какъ сильно стѣсняли свободу крестьянъ эти условія отказа, особенно если принять во вниманіе распространенную въ то время, какъ и позднѣе, задолженность крестьянъ господамъ.

Такимъ же точно правомъ отказа пользовались владѣльческіе крестьяне и на западѣ во время расцвѣта феодализма, во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, и это право обезпечивало имъ, также какъ у насъ, только условную свободу. Приниженное безправное положеніе владѣльческихъ крестьянъ, въ видѣ рабскаго крѣпостничества сервовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, господствовало во Франціи только въ началѣ среднихъ вѣковъ. Серважъ смягчается уже въ XII вѣкѣ, въ эпоху расцвѣта феодализма; сервы пріобрѣтаютъ право перехода, сначала подъ условіемъ отреченія отъ своего имущества (сервъ оставлялъ сеньерію голымъ), затѣмъ подъ условіемъ уплаты высокихъ выходныхъ пошлинъ. Въ эту же эпоху, когда рабскія черты серважа исчезаютъ мало-по-малу, пріобрѣтаетъ широкое распространеніе другая, болѣе легкая форма крестьянской зависимости. Сервовъ вытѣсняютъ вилланы, не только пользующіеся свободой перехода, но и менѣе отягченные оброками и повинностями. Въ Германіи поземельная зависимость крестьянъ всегда была мягче французскаго серважа съ его первоначальными рабскими чертами; съ XIII же вѣка здѣсь, какъ и во Франціи, распространяется право перехода. И въ Англіи вилланы, какъ доказываетъ Д. М. Петрушевскій, никоимъ образомъ не были glebae adscripti и пользовались свободой перехода. И въ Испанской маркѣ или въ Каталоніи—какъ доказываетъ М. М. Ковалевскій—„крѣпость къ землѣ не составляла первоначальнаго удѣла крестьянства, и члены его имѣли свободу передвиженія“.

Это право перехода на западѣ выражалось въ той же формѣ отказа, какъ и у насъ. „Отказъ“ крестьянина во Франціи назывался désaveu, отъ désavouer—отречься, отказаться. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, наши средневѣковые порядки совпадаютъ съ западно-европейскими не только по существу, но и въ самой терминологіи. Чтобы уйти законно и не стать въ положеніе бѣглаго, сервъ долженъ былъ открыто отказаться отъ господина (se désavouer), формально заявивъ ему о своемъ уходѣ. Въ Германіи требовалось во многихъ мѣстахъ, чтобы этотъ уходъ возвѣщенъ былъ заранѣе,—въ однихъ мѣстахъ за 3 недѣли, въ другихъ за 6, передъ церковнымъ алтаремъ. Въ связи

съ отказомъ, въ Германіи взыскивалась особая выходная пошлина—курмедъ; эта пошлина совершенно соотвѣтствуетъ тѣмъ выходнымъ пошлинамъ при отказѣ крестьянъ: пожилому и повозу, о которыхъ говорятъ наши судебники.

Также какъ переходъ—отказъ крестьянина дворохозяина, особыми условіями затрудненъ былъ и переходъ крестьянина или крестьянки, подчиненныхъ членовъ крестьянской семьи, связанный съ ихъ женитьбой. Условія ухода изъ имѣнья новобрачныхъ были одинаковы на западѣ и у насъ, также какъ условія отказа; они заключались въ уплатѣ особой пошлины; во Франція эта пошлина называлась формарьяжъ (formariage, forismaritagium, буквально: внѣ-брачное), въ Германіи—бумедъ (Bumede). Такая же брачная пошлина, но въ меньшомъ размѣрѣ, уплачивалась и въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ не связанъ былъ съ уходомъ изъ имѣнія, когда женихъ и невѣста оба жили въ одномъ господскомъ имѣніи. Эта пошлина называлась марьяжемъ (mariage, maritagium).

Такія же точно пошлины, называвшіяся свадебными, существовали и у насъ. За выходъ изъ имѣнья съ новожена взимали выводную куницу; когда оба новобрачныхъ жили въ одномъ имѣніи, съ нихъ брали новоженый убрусъ. Первоначально эти пошлины взимались вещами, куницей и убрусомъ (полотенце); въ Германіи также бумедъ первоначально состоялъ изъ вещей: рубашки и козьяго мѣха. Впослѣдствіи же у насъ, какъ и на западѣ, эти вещи замѣнены были деньгами: „за новоженый убрусъ" платили 4 деньги и „за выходную куницу два алтына". Въ удѣльное время размѣръ этихъ пошлинъ былъ невысокъ, хотя за выходъ взимали иногда не два алтына, а цѣлую гривну. Въ позднѣйшее же время, въ эпоху расцвѣта крѣпостного права господа значительно увеличили эти пошлины; въ XVIII вѣкѣ выводныя или „куничныя" деньги взимались въ размѣрѣ выкупа или калыма, по 30 и 100 рублей съ уходящей изъ имѣнья крестьянки.

Когда мы говоримъ объ основныхъ чертахъ положенія владѣльческихъ крестьянъ на западѣ, не одинъ читатель можетъ вспомнить объ одномъ изъ типичнѣйшихъ признаковъ серважа, о такъ называемой мертвой рукѣ (manus mortua, main morte), о мертвой рукѣ серва въ порядкѣ наслѣдованія, о жестокомъ рабскомъ правилѣ перехода всего имущества серва послѣ его смерти не къ его дѣтямъ, а къ господину. Но объ этомъ правилѣ надо сказать то же, что мы говорили вообще о серважѣ: оно является типичнымъ признакомъ серважа только въ первую половину среднихъ вѣковъ: въ XII вѣкѣ, когда рабскія черты серважа сильно смягчаются, право господина конфисковать имущество серва послѣ его смерти перерождается въ право взыскивать высокія наслѣдственныя пошлины при переходѣ имущества серва къ его наслѣдникамъ. Въ Германіи, гдѣ отношенія господъ къ крестьянамъ были болѣе мягкими, чѣмъ во Франціи, вмѣсто права мертвой руки мы находимъ только право

господина взять изъ наслѣдства крестьянина лучшую голову скота (Bestehaupt); это право впослѣдствіи переходитъ въ наслѣдственную пошлину, которая называлась одинаково съ выходною пошлиною: курмедъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что въ положеніи владѣльческихъ крестьянъ эпохи расцвѣта феодализма характерной чертой является не мертвая рука, но право господина на наслѣдство крестьянина, а только болѣе или менѣе высокія наслѣдственныя пошлины. Такихъ наслѣдственныхъ пошлинъ у насъ я не нашелъ. Но принимая во вниманіе, что у насъ были такія же, какъ на западѣ, пошлины выходныя, при отказѣ, и свадебныя, я въ этомъ фактѣ никакъ не могу видѣть признака существеннаго отличія въ положеніи нашихъ владѣльческихъ крестьянъ отъ западно-европейскихъ. Отсутствіе наслѣдственныхъ пошлинъ свидѣтельствуетъ только о большей мягкости въ зависимости владѣльческихъ крестьянъ. Если французское право на все наслѣдство серва (мертвая рука) смягчилось въ Германіи до права на лучшую голову скота, то у насъ оно могло и вовсе исчезнуть. Судя по „Русской Правдѣ", къ тому же, у насъ въ древнѣйшее, кіевское время право мертвой руки тоже существовало, какъ во Франціи. Древнѣйшая „Русская Правда" говоритъ, что послѣ смерти господскаго смерда имущество его переходитъ къ господину: „аже смердъ умретъ, то задниця князю". Это—правило мертвой руки, mainmorte. Въ Германіи и во Франціи оно съ теченіемъ времени перешло въ наслѣдственную пошлину, у насъ—исчезло безъ слѣда.

Основныя черты положенія владѣльческихъ крестьянъ на западѣ и у насъ въ средніе вѣка состоятъ въ томъ, что они пользовались правомъ перехода, подъ условіемъ формальнаго отказа, что они наслѣдственно владѣли участками господской земли, пользовались ею какъ самостоятельные хозяева, подъ условіемъ уплаты разнообразныхъ, большею частью очень тяжелыхъ оброковъ и пошлинъ, а частью и барщинныхъ работъ, наконецъ, въ томъ, что они, доколѣ жили на господской землѣ, должны были подчиняться суду и управѣ господина. Эта власть господина, однако, у насъ, также какъ въ Германіи и въ Англіи, ограничивалась крестьянскимъ міромъ, крестьянской общиной на господской землѣ. Господскій приказчикъ (мейеръ и посельскій) не былъ полновластнымъ управителемъ; его власть была ограничена выборнымъ старостой и мірскою сходкою общины. У насъ, какъ и на западѣ, общинные порядки долгое время живутъ подъ покровомъ власти господина, у насъ, какъ и въ Англіи, говоря словами П. Г. Виноградова, „маноріальный элементъ оказывается наложеннымъ сверху на общинный".

Марковыя общины въ господскихъ имѣніяхъ, какъ подробно выясняютъ нѣмецкіе историки, пользовались весьма различными правами. Во многихъ имѣніяхъ господское вліяніе на марковое самоуправленіе было едва замѣтно; въ другихъ власть господскаго приказчика замѣтно стѣсняла власть мірского старосты и міра; въ третьихъ, наконецъ, господская власть совершенно подавляла или вовсе уничтожала общину. Такія

же разнообразныя комбинаціи взаимоотношеній между господиномъ и міромъ наблюдаются и въ нашей древности. Въ большей части имѣній, а въ крупныхъ имѣніяхъ едва ли не повсюду, мы находимъ, что община обладаетъ значительной самостоятельностью, существенно ограничивая власть господскаго приказчика. „Община въ боярщинѣ" сохраняетъ у насъ самостоятельное значеніе даже при крѣпостномъ правѣ въ XVII—XIX столѣтіяхъ; приказчики въ это время должны были судить крестьянъ не иначе, какъ по старинѣ съ старостою и съ выборными цѣловальниками. Въ удѣльное время власть господскихъ приказчиковъ, посельскихъ и ключниковъ, также ограничивалась властью мірскихъ властей: выборныхъ сотниковъ и старостъ. Въ дворцовыхъ селахъ, которыя управлялись на одинаковыхъ основаніяхъ съ другими частновладѣльческими имѣніями, уставныя грамоты предписываютъ посельскому судить не иначе, какъ съ мірскими властями: „а безъ старосты ему и безъ лучшихъ людей суда не судити".

§ 20. *Торжество боярщины надъ общиной.*

Итакъ, наша средневѣковая боярщина въ основныхъ чертахъ территоріальной власти, крестьянской зависимости съ правомъ отказа, господскаго управленія, ограниченнаго управленіемъ общиннымъ, и хозяйственнаго устройства, характеризуемаго незначительностью собственнаго барскаго хозяйства,—во всѣхъ этихъ чертахъ наша боярщина представляетъ собою учрежденіе одной природы съ феодальной сеньеріей, точно также какъ наша средневѣковая волостная община представляетъ собою, какъ выяснено выше, учрежденіе, одинаковое по существу своему съ германской общиной марковой.

Эти два учрежденія, община и боярщина, основныя учрежденія средневѣковаго строя, у насъ, также какъ на западѣ, рано вступаютъ между собою въ борьбу, и въ результатѣ историческаго процесса среднихъ вѣковъ крупное землевладѣніе типа боярщины въ удѣльной Руси, также какъ въ феодальныхъ странахъ запада, всюду одерживаетъ верхъ надъ крестьянскими свободными общинными союзами. Крупное землевладѣніе растетъ вслѣдствіе естественнаго процесса накопленія капитала и приложенія его къ землѣ разными путями. Крупные землевладѣльцы захватываютъ пустующія невоздѣланныя земли, обрабатываютъ ихъ частью силами своихъ холоповъ, частью силами крестьянъ, которыхъ привлекаютъ на свои земли денежными ссудами и льготами въ уплатѣ налоговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они скупаютъ участки воздѣланныхъ земель отъ членовъ свободныхъ волостныхъ общинъ, а иногда и захватываютъ такіе участки силою. Съ другой стороны, росту крупнаго землевладѣнія оказываетъ могущественное содѣйствіе княжеская власть. Князья съ теченіемъ времени упрочиваютъ свою высшую власть надъ территоріями общинъ, которая первоначально была вполнѣ номинальной, и распоря-

жаются общинными землями, отдавая ихъ во владѣніе своимъ слугамъ, боярамъ и монастырямъ. Они раздаютъ общинныя земли цѣлыми волостями и отдѣльными селами „въ жалованье" (помѣстье, бенефицій) боярамъ и на вкладъ монастырямъ, „своего ради спасенія и на помнокъ душъ своихъ родителей". На волостныя земли, пріобрѣтенныя боярами или монастырями отъ волощанъ, князья выдаютъ жалованныя грамоты, выдѣляя эти участки изъ общинной организаціи, обѣляя ихъ отъ волостного тягла. Нѣкоторыя общины и отдѣльные крестьяне добровольно отдавались въ владѣніе боярамъ, съ цѣлью снискать ихъ защиту и покровительство во время частыхъ смутъ, междоусобій и разбойныхъ „наѣздовъ" удѣльной эпохи. На западѣ такая отдача себя подъ защиту называлась коммендаціей, у насъ—закладничествомъ, отъ слова закладываться, въ смыслѣ укрываться, задаваться.

Въ результатѣ этого процесса освоенія крупными землевладѣльцами общинныхъ земель во Франціи самостоятельныя общины коммуны исчезли почти совершенно; остатки древняго общиннаго строя сохранились только на владѣльческихъ земляхъ; и въ большей части Франціи утвердилось даже правило, требовавшее, чтобы у каждой земли былъ господинъ: «нѣтъ земли безъ господина», nulle terre sans seigneur. Въ Германіи крупное землевладѣніе также получило преобладаніе во вторую половину среднихъ вѣковъ, но самостоятельныя марки все же уцѣлѣли во многихъ мѣстахъ, а въ Швейцаріи онѣ сохранили даже самостоятельность государственную.

У насъ во вторую половину удѣльнаго періода въ средней Россіи боярщина столь же рѣшительно торжествуетъ надъ общиной, какъ и на западѣ. Въ междурѣчьѣ между Волгой и Окой, гдѣ было средоточіе исторической жизни Руси въ средніе вѣка, гдѣ господствовали удѣльные порядки, съ раздробленіемъ всей области на крупныя и мелкія княжества-сеньеріи, мы находимъ въ XVI вѣкѣ полное господство крупнаго землевладѣнія. Бояре, монастыри и князья къ этому времени постепенно „разоймали", также какъ на западѣ, всѣ земли волостныхъ общинъ. По писцовымъ книгамъ здѣсь уже остаются только небольшіе клочки „черныхъ земель", принадлежащихъ самостоятельнымъ волостнымъ общинамъ. Мы находимъ здѣсь только земли боярскія, монастырскія и княжескія дворцовыя, въ которыхъ князья вели собственное хозяйство, какъ частные собственники. Самый терминъ „волость", означавшій прежде общину, получаетъ другой смыслъ; онъ обозначаетъ съ XV вѣка административный округъ, объединяющій имѣнія, принадлежащія боярамъ, дѣтямъ боярскимъ, монастырямъ и т. д., въ границахъ старинной волостной территоріи.

Яркую картину полнаго господства боярщины находимъ мы въ древнѣйшихъ нашихъ писцовыхъ книгахъ, новгородскихъ. Здѣсь вся земля во всѣхъ новгородскихъ пятинахъ освоена боярами, монастырями и новгородскимъ владыкой. Только мелкія владѣнія „своеземцевъ", изъ которыхъ многіе вели хозяйство, не превышавшее по размѣрамъ крестьянскаго, и

сами, какъ крестьяне, обрабатывали землю, только эти своеземцы, какъ во Франціи мелкіе аллодіальные собственники, нарушали правило: „нѣтъ земли безъ господина".

По нашимъ грамотамъ XV вѣка можно въ точности установить процессъ постепеннаго обоярены я и окняженья земель волостныхъ общинъ, переходъ этихъ земель разными путями во власть бояръ, монастырей и самихъ князей, бравшихъ волостныя земли „во дворецъ". Территорія древней волостной общины Словинскій Волочекъ въ Бѣлозерскомъ краю легко возстанавливается, такъ какъ очень многія деревеньки этой волости, указанныя въ описи XV вѣка, существуютъ до сихъ поръ на тѣхъ же мѣстахъ и съ тѣми же самыми названіями. Значительная часть земель этой волости въ теченіе XV вѣка перешла во владѣніе Кирило-Бѣлозерскаго монастыря. Однѣ деревни перешли во владѣніе монастыря по завѣщаніямъ крестьянъ, другія были куплены, третьи захвачены. Часть лѣса, принадлежавшая волости, была освоена монастыремъ посредствомъ заимокъ, такъ какъ старцы усердно „ставили на лѣсѣ" новыя деревеньки. Въ 1482 году монастырь имѣлъ уже въ предѣлахъ общинной территоріи Словинскаго Волочка 40 деревень и 5 починковъ, и волость, въ лицѣ „старосты и всѣхъ крестьянъ" тщетно отстаивала передъ судомъ свои права на нѣкоторыя изъ этихъ деревень. Все это намъ извѣстно въ точности по нѣсколькимъ грамотамъ XV вѣка.

Характерное указаніе на расхищеніе общинныхъ-волостныхъ земель крупными землевладѣльцами даетъ правая грамота конца XV вѣка по иску крестьянъ Ликуржской волости о 22-хъ деревняхъ и починкахъ, захваченныхъ боярами и митрополичьими слугами. „Волость Ликуржская — объясняли крестьяне судьѣ — запустѣла отъ великаго повѣтрія; а тѣ, господине, деревни и пустоши волостныя разоймали бояре и митрополиты, не вѣдаемъ которые, за себя тому лѣтъ съ сорокъ (около 1450 года)... И намъ, господине, тогда было не до земель, людей было мало, искать некому".

Исключительное господство въ новгородскихъ пятинахъ боярскаго землевладѣнія, отсутствіе въ нихъ свободныхъ общинъ, такъ называемыхъ „черныхъ земель", вызвало у насъ даже явно ошибочное предположеніе, что въ Новгородѣ община впервые возникаетъ послѣ того, какъ Иванъ III конфисковалъ земли у новгородскихъ бояръ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, Иванъ III только далъ новую жизнь древней общинѣ, придавленной, какъ и на западѣ, крупнымъ землевладѣніемъ.

Обояренье земли, конечно, совершилось не сразу и не въ одно столѣтіе. И если около 1450 года въ Новгородѣ вся земля была обоярена, то мы имѣемъ полное основаніе предположить, что и въ болѣе раннее время среднихъ вѣковъ крупное землевладѣніе у насъ имѣло уже широкое распространеніе. Это подтверждается и многими отрывочными указаніями грамотъ древнѣйшаго времени *).

*) На крайнемъ сѣверѣ въ первую половину среднихъ вѣковъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, крупное землевладѣніе новгородскихъ бояръ также составляло

IV. О подвижности населенія.

§ 21. *Мнимыя странствованія бояръ и крестьянъ.*

Несомнѣнный быстрый ростъ крупнаго землевладѣнія въ удѣльной Руси, завершающійся полнымъ его господствомъ въ XV—XVI вѣкахъ, является главнымъ доказательствомъ ошибочности распространеннаго у насъ представленія о чрезвычайной подвижности населенія древней Руси, какъ особенности, отличающей ее отъ осѣдлаго запада. Собственно говоря, вполнѣ достаточно и этого одного аргумента; но я считаю нужнымъ привести и другіе доводы, въ виду особенной важности этого вопроса, какъ и въ виду того, что антитеза „волнующагося жидкаго состоянія" древней Руси, похожей на перекати-поле, и прочнаго каменнаго запада выдвигается нашими историками, начиная съ Соловьева,—какъ указано въ I главѣ этой книги, въ качествѣ главнаго общаго отличія нашей исторіи отъ западно-европейской.

Мнѣніе о чрезвычайной подвижности населенія въ древней Руси у насъ очень утвердилось, но въ нашей литературѣ вы тщетно будете искать твердаго его обоснованія. Это—не обоснованное сколько-нибудь положеніе, а только характеристика, передающая впечатлѣніе отъ нѣкоторыхъ стереотипныхъ выраженій грамотъ, подкрѣпленная общими соображеніями о порядкахъ, связанныхъ съ начальнымъ заселеніемъ, съ колонизаціей страны.

Въ подтвержденіе подвижности высшаго сословія, бояръ и слугъ, приводятъ единственно—какъ я уже упоминалъ—извѣстную статью междукняжескихъ договоровъ: „а боярамъ и слугамъ межи насъ (князей) вольнымъ воля". Но изслѣдователи упускаютъ изъ виду, что даже эти самые договоры, помимо прочихъ соображеній, никакъ не позволяютъ говорить, что бояре, переходя на службу отъ князя къ другому, „не дорожили землей"—какъ писалъ П. Н. Милюковъ—или „не особенно дорожили землей", — какъ онъ пишетъ въ новомъ изданіи своей книги (см. § 8).

Междукняжескіе договоры, дѣйствительно, постоянно подтверждаютъ боярское право отъѣзда, но они при этомъ всегда имѣютъ въ виду бояръ-

---

замѣтное явленіе. Но новгородскіе бояре, повидимому, не пріобрѣли здѣсь прочной власти надъ своими обширными вотчинами, являясь скорѣе въ роли сборщиковъ дани, чѣмъ господъ-вотчинниковъ. Боярщина здѣсь не развилась и была уничтожена послѣ завоеванія сѣвера московскими великими князьями, путемъ конфискаціи земель у новгородскихъ бояръ. Часть сѣверныхъ земель была взята во дворецъ, была освоена великими князьями, какъ частная собственность, стала великокняжеской боярщиной. Но большая часть осталась въ самостоятельномъ владѣніи волостныхъ общинъ

землевладѣльцевъ, они особыми статьями регулируютъ поземельныя отношенія отъѣзжавшихъ бояръ къ князьямъ и обезпечиваютъ неприкосновенность боярскихъ вотчинъ. Рядомъ съ статьей: „а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“, мы находимъ въ договорахъ статьи о ихъ имѣніяхъ, „домахъ“ и „селахъ“: „а домы имъ свои вѣдати, а намъ ея въ нихъ не вступати“ (около 1398 г.), или „въ села ихъ не вступатися“ (1368), или „а судомъ и данью потянути по удѣламъ, гдѣ кто живетъ“ (1410), то-есть, гдѣ кто владѣетъ землею. По договорамъ бояре, вопреки ходячему представленію, всегда являются въ роли вотчинниковъ, и притомъ очень заботящихся о земельныхъ промыслахъ, такъ какъ договоры воспрещаютъ боярамъ покупать села и принимать закладней въ предѣлахъ владѣній чужого князя. Тѣ же договорныя, какъ и духовныя, грамоты князей содержатъ рядъ указаній на крупныя земельныя владѣнія нѣкоторыхъ бояръ.

При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этихъ грамотъ представленіе о бояринѣ вольномъ слугѣ заслоняется представленіемъ о бояринѣ-вотчинникѣ.

Какъ, говоря о „странствованіяхъ“ бояръ, историки наши имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, ихъ вольную службу, такъ, говоря о подвижности, бродячести крестьянъ, они основываются на неправильно понятомъ крестьянскомъ правѣ отказа. Изъ того, что крестьяне имѣли въ древности право отказа отъ господина, никакъ не слѣдуетъ, что они злоупотребляли этимъ правомъ, что они постоянно переходили отъ одного господина къ другому, что они были похожи на перекати-поле. При крайней скудости источниковъ удѣльнаго времени, характеризующихъ положеніе крестьянъ, ясныя постановленія судебниковъ о правѣ отказа и указанія нѣкоторыхъ грамотъ на переходъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое очень бросаются въ глаза, и наши изслѣдователи, поддавшись первому впечатлѣнію, придали имъ преувеличенное значеніе. Нѣкоторые наши историки, впрочемъ, замѣтили уже неправильность такого перваго впечатлѣнія. „Нельзя сказать — давно уже писалъ Бѣляевъ — чтобы переселенія крестьянъ съ одной земли на другую были общимъ правиломъ; это скорѣе были исключенія, по крайней мѣрѣ въ XIV, XV столѣтіяхъ; ибо мы почти во всѣхъ грамотахъ встрѣчаемъ упоминанія о старожильцахъ какъ на общинныхъ, такъ и на частныхъ земляхъ; а старожильцы нерѣдко говорятъ, что иной живетъ на занимаемой имъ землѣ 20, иной 30, 40, 50, 80 лѣтъ, что и дѣды, и отцы его жили на этой же землѣ. В. И. Сергѣевичъ недавно также высказался противъ „весьма распространеннаго мнѣнія о бродяжничествѣ крестьянъ при свободномъ переходѣ“, основываясь на соображеніяхъ о трудности „ломать хозяйство“ и на данныхъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. „И теперь — говоритъ онъ — есть поговорка: три раза переѣхать съ квартиры все равно, что одинъ разъ погорѣть. А переѣхать съ крестьянскаго хозяйства во много разъ труднѣе. Чѣмъ крестьянское хозяйство богаче, тѣмъ пере-

ходъ труднѣе. Вотъ почему въ писцовыхъ книгахъ конца XV вѣка и незамѣтно сколько-нибудь чувствительнаго перехода крестьянъ". Къ этимъ соображеніямъ и наблюденіямъ надо прибавить еще изложенныя мною выше соображенія о самомъ существѣ крестьянскаго права отказа. Это право отказа никакъ не обезпечивало полной свободы крестьянскаго перехода, какъ думаютъ наши изслѣдователи, упустившіе изъ виду его формальный характеръ; формальности, связанныя съ этимъ правомъ и обязывавшія крестьянъ уплатить при отказѣ высокія выходныя пошлины и всѣ господскія ссуды и недоимки, далеко не обезпечивали, а, наоборотъ, чрезвычайно стѣсняли личную свободу крестьянъ. Сѣтуя на то, какъ мало право отказа обезпечивало свободу крестьянъ, нѣмцы говорили въ средніе вѣка, что „запряженную шестеркой повозку уходящаго крестьянина мейеръ можетъ остановить мизинцемъ". Въ виду всего этого нельзя не признать рѣзкой ошибки перспективы у тѣхъ нашихъ историковъ, которые изъ крестьянскаго права отказа по первому впечатлѣнію сдѣлали выводъ о бродяжничествѣ крестьянъ до времени ихъ прикрѣпленія къ землѣ, на рубежѣ XVI и XVII столѣтій.

§ 22. *Подвижность эпохи колонизаціи.*

Возражая противъ чрезвычайной подвижности бояръ и крестьянъ въ удѣльное время, я никакъ не довожу своихъ возраженій до противоположной крайности и никакъ не настаиваю на томъ, чтобы у насъ уже въ удѣльное время существовала та закрѣпленность отношеній, которая (по закону главнымъ образомъ, но далеко не на дѣлѣ) является характерной для позднѣйшаго государственнаго періода, чтобы у насъ уже въ удѣльное время крестьяне были прикрѣплены къ землѣ и бояре обязаны службою. Я рѣшительно возражаю только противъ преувеличенія до фантастическихъ размѣровъ подвижности Удѣльной Руси, возражаю противъ бродяжничества ея населенія, отъ бояръ, якобы сохраняющихъ въ теченіе вѣковъ подвижность дружинниковъ кіевскаго времени, до крестьянъ и горожанъ, якобы легко мирящихся съ тѣмъ, что ихъ домъ „отъ первой искры превращается въ кучу пепла" (§ 7). Я хочу только исправить ошибку перспективы.

Нѣкоторая подвижность, связанная съ основными началами средневѣкового порядка, въ Удѣльной Руси, несомнѣнно, была; этимъ именно Удѣльная Русь и отличается отъ позднѣйшей государственной Московской Руси; но только нѣкоторая подвижность, и притомъ отнюдь не являющаяся характерною чертою русской древности. Преувеличивъ, съ одной стороны, бродяжничество древней Руси, историки наши, противопоставляя Россію западу, преувеличили, съ другой стороны, „осѣдлость, прочность, опредѣленность" отношеній на западѣ въ соотвѣтствующую феодальную эпоху, перенеся въ эту эпоху черты позднѣйшей западно-европейской жизни. Въ трудахъ историковъ запада мы найдемъ немало указаній на

подвижность населенія и непрочность соціальныхъ связей, а нѣкоторые западные историки при этомъ, подобно русскимъ, очень преувеличиваютъ эти черты въ первую половину среднихъ вѣковъ для большей яркости характеристики, хотя и не доходятъ, конечно, до утвержденія, чтобы феодальные бароны совсѣмъ не дорожили землей. И Гизо, и Вайцъ, и Люшоръ, какъ мы увидимъ ниже, подчеркиваютъ, что договоры вассальной службы постоянно нарушались, что вассалы переходили отъ одного сеньера къ другому, что эта „возможность разлучаться, порывать соціальную связь оставалась первоначальнымъ и господствующимъ принципомъ феодализма“.

Подвижность населенія связывается нашими историками съ колонизаціей, съ заселеніемъ сѣвера, съ трудной работой корчеванія лѣса и поднятія цѣлинъ, о которыхъ много говоритъ Ключевскій. Но, возводя эту колонизацію въ какое-то особенное, основное начало русскаго историческаго процесса, историки наши упускаютъ изъ виду, что та же колонизація занимала весьма важное мѣсто въ жизни и средневѣкового запада. При изученіи доманіальнаго режима, новый французскій историкъ Се обращаетъ вниманіе читателя на „громадный трудъ расчистки земли подъ пашню, который безъ перерыва продолжается въ теченіе среднихъ вѣковъ“. „Въ XI вѣкѣ большая часть древней Франціи—говоритъ онъ—была еще невоздѣланной и была покрыта громадными лѣсами“. М. М. Ковалевскій, обстоятельно выясняя „процессъ расчистки лѣсовъ подъ пахоть и основанія новыхъ селеній и городовъ“ во Франціи, замѣчаетъ: „рѣдкій хартуларій не содержитъ въ себѣ ряда грамотъ конца XII и начала XIII вѣка, въ которыхъ не заходило бы рѣчи о корчеваніи пустоши и лѣса; ...частныя грамоты и судебные приговоры въ одно слово указываютъ на широкое протяженіе лѣсовъ въ Нормандіи XIII вѣка“. Отъ XII и XIII вѣковъ сохранились многочисленныя извѣстія о крестьянахъ, привлекаемыхъ господами на свои невоздѣланныя земли, особенно на лѣсные участки, въ которыхъ въ это время часто возникаютъ новые поселки. Эти новые поселенцы носили спеціальное названіе hôtes—гости, поселенцы; у насъ они назывались „людьми пришлыми“, „новыми жильцами“, „призванными“, или „посаженными“ землевладѣльцемъ. И, нѣсколько преувеличивая значеніе извѣстій о „гостяхъ“, Се говоритъ даже, что благодаря этому учрежденію (hôstise), „подвижность сельскихъ классовъ становится столь значительной, что многимъ сеньерамъ грозитъ опасность увидѣть свои домены лишенными населенія“ *).

Колонизаціи отводитъ очень видное мѣсто въ исторіи средневѣковой Германіи Карлъ Лампрехтъ. „Въ концѣ эпохи Каролинговъ первобытная

---

*) «La mobilité des classes rurales devient si grande que beaucoup de seigneurs sont ménacés de voir leurs domaines se dépeupler» (Henri Sée, «Les classes rurales et le régime domanial en France au moyen-âge», 1901, p 237, 225).—М. М. Ковалевскій «Экономическій ростъ Европы», 1898, т. I, стр. 574, 699 и др.

сила лѣса—говоритъ онъ—еще не была окончательно побѣжденной человѣкомъ. Лѣсъ продолжалъ еще служить неисчерпаемой богатой сокровищницей націи. Богатому лѣсу не повредитъ, что человѣкъ запасется деревомъ — говорится въ одной пѣснѣ временъ Фридриха II (1215-1250). Въ это время еще нигдѣ не было недостатка въ лѣсныхъ пустошахъ; даже въ позднѣйшее время нѣмецъ помнилъ о дикихъ силахъ лѣса; только въ концѣ XIV вѣка начинаютъ жаловаться на недостатокъ лѣсовъ. Развитіе земледѣльческой дѣятельности не ограничивалось заселеніемъ участковъ первобытнаго лѣса. Рядомъ съ колонизаціей дѣвственныхъ странъ шло не менѣе усердное, хотя и менѣе выгодное воздѣлываніе старой общинной земли".

Все сказанное, мнѣ кажется, безусловно исключаетъ возможность видѣть въ подвижности населенія и въ колонизаціи Удѣльной Руси ея отличительную особенность въ сравненіи съ феодальнымъ западомъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Феодальныя основы удѣльнаго порядка.

I. Основы феодализма.

§ 23. Три начала феодализма.

Въ наиболѣе общей формѣ феодализмъ характеризуется, въ его противоположеніи позднѣйшему государственному строю, какъ система господства частнаго или гражданскаго права. Въ эпоху феодализма, говорилъ Чичеринъ, развивая мысль Вайца, „общественною связью служило либо имущественное начало, вотчинное право землевладѣльцевъ, либо свободный договоръ, либо личное порабощеніе одного лица другимъ". Эти отношенія, это „частное право сдѣлалось основаніемъ всего быта". „Понятія о постоянной принадлежности къ обществу, какъ къ единому цѣлому, о государственномъ подданствѣ вовсе не было: вмѣсто государя и подданныхъ мы видимъ только лица, вступающія между собою въ свободныя обязательства".

За отсутствіемъ государственной власти, лица соединяются въ частные союзы для взаимной защиты и помощи. „Они заключаютъ между собою—замѣчаетъ Эсменъ—настоящій Общественный договоръ, Contrat social, въ томъ именно смыслѣ, какой Руссо придавалъ этимъ словамъ, хотя и не въ тѣхъ условіяхъ, какія онъ себѣ представлялъ" *).

Эта характеристика феодализма, какъ системы частныхъ союзовъ, союзовъ гражданскихъ, дѣйствительно, обобщаетъ основныя стороны феодализма, такъ какъ она приложима не только къ вассальнымъ и леннымъ отношеніямъ, не только къ феодальному режиму, но и къ сеньеріальному, —но она не можетъ быть признана достаточной, какъ формула слишкомъ общая, слишкомъ удаленная отъ исторической дѣйствительности. Ея главное значеніе заключается въ противоположеніи феодальныхъ частно-правовыхъ началъ началамъ государственнымъ, въ характеристикѣ рѣзкаго коренного различія этихъ двухъ порядковъ.

Въ феодальномъ порядкѣ, характеризуемомъ въ общихъ чертахъ, какъ режимъ частнаго права, при ближайшемъ разсмотрѣніи выясняются историками двѣ основныя черты: 1) раздѣленіе страны на множество

---

*) Б. Чичеринъ, «Опытыпо исторіи русск. права», 1858, с. 343, 369.—A. Esmein, «Cours élémentaire de l'histoire du droit français», с. 176.

независимыхъ и полунезависимыхъ владѣній и 2) объединеніе этихъ владѣній договорными вассальными связями.

Въ этихъ двухъ чертахъ проявляется дѣйствіе двухъ противоположныхъ силъ: 1) силъ разъединяющихъ, центробѣжныхъ, которыя особенно могущественны въ первый періодъ феодальной эпохи, доводя разъединеніе страны иногда до полной анархіи, и 2) силъ объединяющихъ, центростремительныхъ, которыя связываютъ распадающуюся на мелкія части страну цѣпью договорныхъ союзовъ защиты и вассальной службы, и получаютъ перевѣсъ надъ началами разъединенія во второй періодъ феодализма, являющійся ступенью къ новому прочному государственному порядку.

Главною, первою чертою феодализма слѣдуетъ признать раздробленіе верховной власти или тѣсное сліяніе верховной власти съ землевладѣніемъ. Это раздробленіе власти выражается прежде всего въ основномъ учрежденіи феодальнаго строя, въ крупномъ землевладѣніи, съ его особыми, свойственными этой эпохѣ началами, т.-е. въ сеньеріи-боярщинѣ. Основное свойство сеньеріи, какъ указано выше (§ 18), состоитъ въ томъ, что владѣлецъ ея соединяетъ частныя права собственника земли съ нѣкоторыми государственными правами на лицъ, живущихъ на его землѣ. Если, съ одной стороны, каждое крупное имѣніе въ феодальную эпоху пользуется нѣкоторыми государственными правами, то, съ другой стороны, и тѣ истинно-государственныя начала, которыя рано проявляются въ наиболѣе крупныхъ имѣніяхъ-княжествахъ, зародышахъ будущихъ территоріальныхъ государствъ, тѣсно сливаются съ началами частнаго права. Съ этой точки зрѣнія, Гизо въ числѣ трехъ основныхъ началъ феодализма поставилъ: „тѣсное сліяніе верховной власти съ (земельной) собственностью (la fusion de la souveraineté avec de la propriété), иначе говоря, присвоеніе собственнику земли въ отношеніи всѣхъ, живущихъ на его землѣ, всѣхъ или почти всѣхъ правъ, образующихъ то, что мы называемъ верховной властью, и принадлежащихъ въ наше время единственно правительству, власти общественной“ *).

Это главная, основная черта феодализма, но не единственная. Страна, раздробленная на множество независимыхъ и полунезависимыхъ владѣній, связывается до нѣкоторой степени въ одно цѣлое переплетающейся сѣтью вассальныхъ договоровъ между этими владѣніями. Рядомъ съ „тѣснымъ сліяніемъ верховной власти и землевладѣнія“, Гизо указываетъ другую основную черту феодализма въ „іерархической организаціи феодальнаго общенія“ (l'organisation hiérarchique de l'association féodale) или въ „іерархической системѣ учрежденій законодательныхъ, судебныхъ, военныхъ, которыя связывали вмѣстѣ владѣльцевъ

*) Имѣя въ виду эту основную черту феодализма, П. Г. Виноградовъ въ своемъ учебникѣ далъ слѣдующее опредѣленіе феодализма: «Каждый крупный помѣщикъ сдѣлался своего рода государемъ въ своей мѣстности. Такое раздробленіе власти и переходъ ея къ помѣщикамъ принято называть феодализмомъ».

феодовъ и образовывали изъ нихъ единое общество". Эту же основную черту феодализма, рядомъ съ „раздѣленіемъ территоріи на крупные домены" или „сеньеріи, похожія на маленькія государства", опредѣляетъ Фюстель де Куланжъ въ слѣдующихъ словахъ: „Сеньеры не всѣ одинаково зависятъ отъ короля, но и одни отъ другихъ... Всякій держитъ свою землю отъ другого и ему подчиненъ въ силу этого. Отсюда — вся іерархія вассаловъ и сюзереновъ, восходящая до короля" *).

Рядомъ съ этими двумя основными сторонами феодализма, рядомъ 1) съ раздробленіемъ территоріи на домены-сеньеріи и 2) съ объединеніемъ ихъ вассальной іерархіей, Гизо и Фюстель де Куланжъ указываютъ и даже выдвигаютъ на первое мѣсто еще третью черту—условность землевладѣнія вообще, приравнивая къ условно-землевладѣльческому феоду другія поземельныя отношенія феодальной эпохи. Гизо такъ опредѣляетъ эту черту феодализма, „особое свойство земельной собственности": „собственность дѣйствительная, полная, наслѣдственная и, однако, полученная отъ высшаго, налагающая на владѣльца, подъ угрозой отнятія ея, нѣкоторыя личныя обязательства, наконецъ, лишенная той совершенной независимости, которая въ наши дни составляетъ ея отличительное свойство". При феодальномъ порядкѣ—говоритъ Фюстель де Куланжъ, иначе формулируя то же положеніе: „земля находится въ такого рода обладаніи, что владѣлецъ ея не есть, собственно говоря, ея собственникъ... Пользованіе землею условно, т.-е. подчинено или оброкамъ, или службамъ, словомъ, извѣстнымъ обязанностямъ, и неисполненіе этихъ обязанностей влечетъ за собою утрату владѣнія".

Эта всеобщая, всеопредѣляющая „условность землевладѣнія"—такое же широкое обобщеніе и столь же отдаленное отъ дѣйствительности, какъ указанное выше опредѣленіе феодализма, какъ системы гражданскаго права.

Что собственно разумѣютъ французскіе историки подъ этою первою, главною, по ихъ мнѣнію, чертою феодализма? Условное землевладѣніе — это прежде всего и послѣ всего феодъ, давшій свое названіе феодализму. Къ типичной формѣ условной собственности, феоду, приравнивается оброчное, также условное держаніе, цензива. И все землевладѣніе является, такимъ образомъ, условнымъ, обусловленнымъ „либо оброкомъ, либо службою", какъ то и отмѣчаетъ Ф. де Куланжъ.

Это —старое воззрѣніе на феодализмъ, развитое еще юристами XIII вѣка, съ Бомануаромъ во главѣ, воззрѣніе на феодализмъ, какъ на всеобъемлющую сѣть условныхъ феодальныхъ контрактовъ; тогда уже къ феодамъ приравнивали самыя различныя права, и въ томъ числѣ также оброчныя держанія, называя ихъ также феодами, fief roturier, феодъ людской, въ отличіе отъ настоящаго, благороднаго феода, fief noble.

*) Guizot, «Histoire de la civilisation en France», t. III, leçon X, c. 230—231.—ustel de Coulanges, Les origines du système féodal», Introduction, p. XIII.

Такое опредѣленіе феодализма, какъ прежде всего условнаго землевладѣнія по феодальному контракту, даетъ стройную, но внѣшнюю, поверхностную его характеристику, далекую отъ реальныхъ оснований строя. Единообразная, всеохватывающая сѣть феодальныхъ контрактовъ существовала только въ теоріи; единообразіе ей придавалъ только терминъ феодъ или фьефъ, покрывавшій собою глубоко различныя по существу права. „Въ дѣйствительности—говоритъ Глассонъ—многія изъ этихъ правъ не имѣли ничего общаго съ настоящимъ феодомъ, кромѣ названія, и тѣ, кто понимали такое уподобленіе буквально, впадали въ заблужденіе“. Въ это время, говоритъ тотъ же авторъ, „всѣ стремились приравнивать къ природѣ феода права, самыя разнообразныя. Дошли до того, что начали уступать въ видѣ феода право взимать незначительныя ренты, напримѣръ, 20, 30, 40 су въ годъ... Мы имѣемъ примѣръ сеньера, который назначилъ своему повару ежегодное жалованье, далъ домъ и землю, все по праву феода (feodum de coquina, феодъ кухни)... Въ это время давали въ феодъ все: земли, налоги, дорожныя пошлины, судъ и *расправу*, права, ренты, должности“ *). „Нѣтъ такой ничтожной доходной статьи—замѣчаетъ Люшеръ,—которой не давали бы въ феодъ. Одинъ вассалъ графа Шампань держитъ отъ него въ видѣ феода половину пчелъ, которыхъ онъ найдетъ въ лѣсу. На югѣ видимъ феоды, состоящіе изъ нижней залы замка или части укрѣпленной площадки“.

Выясняя существо отношеній, мы должны выдѣлить изъ мнимо-единообразной феодальной сѣти всѣ фиктивно-феодальные договоры. Прежде всего необходимо провести рѣзкую разграничительную черту между настоящими феодами, или благородными и феодами людскими (roturier), которые противополагались одни другимъ уже первыми феодальными теоретиками. Эти людскіе феоды представляли собою пожалованія хозяйственнымъ слугамъ, промышленникамъ и ремесленникамъ, какого-либо угодья, рыбной ловли, виноградника, мельницы, съ обязательствомъ платить часть дохода натурой или деньгами господину. Эти мнимые феоды очень условно приравнивались къ настоящимъ феодамъ, такъ какъ юридически не имѣли съ ними ничего общаго, будучи обыкновеннымъ оброчнымъ держаніемъ или арендным договоромъ.

Изъ собственно феодальныхъ договоровъ необходимо выдѣлить также феодъ-должность (fief-office) и феодъ-деньги (fief-argent), особенно послѣдній. Часто встрѣчающіеся въ XIII вѣкѣ феоды-деньги, состоявшіе изъ денежной пенсіи, ежегодной ренты, рѣзко отличаются отъ настоящаго феода—земли. Подъ видомъ феода мы имѣемъ здѣсь дѣло съ денежной платой за службу или съ договоромъ найма; такія, часто

---

*) E. Glasson, «Histoire du droit et des institutions de la France», т. IV, с. 284. A. Luchaire, «Manuel des instit. françaises», с. 160. Классификацію разнообразнѣйшихъ ленныхъ пожалованій въ Германіи см. G. Waitz, «Deutsche Verfassungsgeschichte», т. VI, гл. I.

встрѣчающіяся съ XIII вѣка, сдѣлки съ вассалами, превращающія ихъ въ наемное войско, знаменуютъ собою уже переходъ отъ собственно феодальныхъ порядковъ къ порядкамъ новой государственной эпохи.

Оброчныя держанія (fief-roturier), съ одной стороны, и феодъ-должность (fief-office) и феодъ-деньги (fief-argent), съ другой, только приравнивались къ настоящему феоду-землѣ (fief-terre). Существо феода состояло во владѣніи землею, подъ условіемъ службы, или въ службѣ съ земли. Въ этомъ основномъ признакѣ феодъ не отличался отъ бенефиція; разница между ними только въ томъ, что бенефицій давался въ личное условное владѣніе, феодъ же въ наслѣдственное или потомственное владѣніе; съ теченіемъ времени, однако, феодъ сталъ болѣе отличаться отъ бенефиція, когда владѣльцы феодовъ пріобрѣли право не только передавать ихъ по наслѣдству, но и отчуждать при жизни, съ согласія сеньера, когда феодъ сталъ не условнымъ владѣніемъ (бенефиціемъ), а собственностью, съ болѣе или менѣе ограниченными правами распоряженія *).

§ 24. *Двѣ категоріи феодовъ.*

Основная черта феода—землевладѣніе подъ условіемъ службы. Владѣетъ ли вассалъ землею лично, владѣетъ ли онъ ею потомственно (какъ у насъ позднѣе помѣщикъ), или почти какъ собственникъ (вотчинникъ), онъ всегда обязанъ нести съ земли службу, главнымъ образомъ, службу военную, и теряетъ землю, въ случаѣ нарушенія этого обязательства. Это основное условіе феодальнаго договора на практикѣ, однако, во многихъ случаяхъ имѣло совершенно фиктивное значеніе. Подъ единообразной сѣтью феодальныхъ договоровъ вскрываются глубоко различныя отношенія, являющіяся въ данномъ случаѣ слѣдствіемъ борьбы двухъ противоположныхъ началъ средневѣкового строя.

По общему правилу феодалъ владѣлъ своимъ феодомъ подъ условіемъ службы, и мы знаемъ, что у феодаловъ дѣйствительно иногда отби-

*) Первоначально право распоряженія было существенно стѣснено тѣмъ, что на отчужденіе феода требовалось согласіе сеньера. Но это стѣсненіе отпало съ теченіемъ времени. Во Франціи, въ эпоху расцвѣта феодализма, сеньеръ не могъ воспретить вассалу продать феодъ или передать его въ чужія руки инымъ путемъ; сеньеръ могъ только выкупить феодъ, или же взыскать съ покупщика, въ видѣ вознагражденія за ускользающую отъ него землю, извѣстную сумму денегъ, обыкновенно въ размѣрѣ годового дохода съ земли. Кромѣ этого права выкупа (rachatum), сеньеръ имѣлъ также право рельефа (relevium), относившееся къ случаямъ перехода феодовъ по наслѣдству; сеньеръ имѣлъ въ этихъ случаяхъ право на взысканіе извѣстной суммы денегъ съ наслѣдника; рельефъ въ большей части мѣстностей взыскивался только при переходѣ наслѣдства къ боковымъ линіямъ. Другія права сеньера на феодъ, какъ, напримѣръ, право опеки и право пользованія землей во время малолѣтства вассала, признавались только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и не были общими принципами феодализма (Guizot, «Hist. de la civilisation en France», IV, 33—34). Всѣ эти права сеньера сходны съ правами государства новаго времени въ отношеніи территоріи: такъ же, какъ эти послѣднія, они мало или вовсе не стѣсняли правъ собственника.

рались ихъ земли, въ случаѣ нарушенія ими договора о службѣ. Но рядомъ съ этимъ мы знаемъ множество случаевъ, когда феодалы, разрывая договоръ, не теряютъ земли-феода, но вмѣстѣ со своей землей переходятъ отъ одного сюзерена къ другому.

Феодальное право въ теоріи легко примиряло эти два противоположныя начала. Вассалъ лишается земли за нарушеніе своихъ обязанностей или за преступленія, и въ XIII вѣкѣ—говоритъ Віолле—„вассалъ теряетъ еще свой феодъ съ величайшею легкостью“. Но „если вассалъ легко теряетъ свой феодъ, то и, наоборотъ, сюзеренъ, съ своей стороны, подвергается опасности потерять сюзеренитетъ, если онъ относится безчестно къ своему человѣку“. „Разрывъ феодальной связи“ въ этомъ случаѣ „не что иное, какъ потеря сеньеромъ господиномъ сюзеренной власти на служащій ему феодъ“ *).

Здѣсь, съ одной стороны, строгая „условность землевладѣнія“, съ другой—свободная коммендація феодала вмѣстѣ со своимъ феодомъ. Таковы два противоположныхъ начала, сталкивавшіяся въ области поземельно-феодальныхъ отношеній, обыкновенно недостаточно отчетливо выдѣляемыя въ общихъ опредѣленіяхъ феодализма. Съ одной стороны, феодальная условность землевладѣнія, съ другой—древняя, сохранявшая свою силу, свободная коммендація лица съ землею.

Съ этой точки зрѣнія всѣ феодальные договоры должны быть раздѣлены на двѣ категоріи, рѣзко отличающіяся по существу, несмотря на внѣшнее единообразіе феодальнаго контракта. Въ одной категоріи этихъ договоровъ условность землевладѣнія имѣетъ реальное значеніе, потому что въ основѣ ихъ лежитъ дѣйствительное пожалованіе земли подъ условіемъ службы. Въ другой же категоріи обусловленность землевладѣнія службой имѣетъ совершенно фиктивное значеніе, потому что въ нихъ составляющее основу договора пожалованіе земли—чистая фикція; въ нихъ собственникъ земли передаетъ свою вотчину-алодъ въ обладаніе сеньера и затѣмъ получаетъ ее обратно, но уже въ условное владѣніе. Такою фикціею пожалованіе земли было въ отношеніи не только алодіальныхъ собственниковъ, но и тѣхъ землевладѣльцевъ, которые раньше состояли уже въ вассальной зависимости и заключали новый феодальный договоръ съ другимъ сюзереномъ.

Феоды первой категоріи, состоявшіе изъ реально выдѣленныхъ вассаламъ участковъ земли подъ условіемъ службы, въ большинствѣ случаевъ были очень похожи на старые бенефиціи. Въ каждой крупной сеньеріи было много вассаловъ, владѣвшихъ мелкими участками земли, съ обязанностью нести военную службу по требованію сеньера-сюзерена. Въ эпоху Капетинговъ, „свѣтскіе и духовные бароны, говоритъ Люшеръ, вѣрные каролингской традиціи, продолжаютъ отрывать частицы

*) P. Viollet, «Précis de l'histoire du droit français», c. 555; «Etablissements de Saint Louis», c. 160—162.

своихъ доменовъ, давая ихъ въ наслѣдственный феодъ благороднымъ, отъ которыхъ они хотятъ получить вѣрность и службу". Отъ XIII и XIV вв. сохранились описи феодовъ нѣкоторыхъ сеньорій, свидѣтельствующія о крайнемъ ихъ измельчаніи. Съ такими мелкими феодалами сеньеръ, конечно, не стѣснялся и отнималъ у нихъ свою, пожалованную имъ землю, какъ только они чѣмъ-либо нарушали условія службы. Такіе-то феоды-бенефиціи имѣютъ, главнымъ образомъ, въ виду „Постановленія Святого Людовика" («Etablissements de Saint Louis», XIII вѣка), узаконяющія самые разнообразные поводы, достаточные для отнятія феода, какъ, напримѣръ, если вассалъ удилъ рыбу въ пруду, принадлежащемъ сеньеру. Съ тѣмъ же характеромъ легко ускользаемыхъ изъ рукъ владѣльца бенефиціевъ рисуются феоды въ описяхъ монастырскихъ имѣній. На земляхъ монастырей и церквей сидѣло много мелкихъ „феодаловъ"— feodati, которые назывались всадниками (cavallarii), потому что единственное, что можно было съ нихъ требовать,—это, чтобы они на войну являлись не пѣшіе, а конные, съ своимъ конемъ *).

Въ отношеніи такихъ мелкихъ феодовъ долгое время не утверждается основной признакъ феода, наслѣдственность. Чѣмъ болѣе углубляется изученіе средневѣковья, тѣмъ болѣе историки, къ своему удивленію, находятъ въ очень позднее время, въ XII вѣкѣ, примѣровъ пожизненности феодовъ, иначе говоря, находятъ бенефиціи стараго типа. „Еще въ XI вѣкѣ—говоритъ Віолле—находимъ во Франціи пожизненные феоды; въ Англіи они существовали до конца XIII или до начала XIV вѣка. Я пойду дальше: въ XII вѣкѣ, при такомъ могущественномъ королѣ, какъ Филиппъ-Августъ, нѣкоторые феоды, повидимому, снова пріобрѣтаютъ прекарный характеръ и остаются въ постоянномъ распоряженіи сюзерена". Углубляя дальше анализъ, Флакъ уже приходитъ къ общему выводу, что „мелкіе феоды" (petits fiefs) вообще до XII вѣка не пріобрѣтаютъ наслѣдственности: „ихъ пожизненный характеръ засвидѣтельствованъ самими королевскими грамотами болѣе долгое время и въ выраженіяхъ болѣе безусловныхъ", чѣмъ полагали до сихъ поръ **).

Отъ владѣльцевъ такихъ мелкихъ феодовъ, легко теряемыхъ ими подобно бенефиціямъ, рѣзко отличаются всѣ крупнѣйшіе феодалы-графы, и тѣ феодалы, которые, владѣя не особенно значительными по размѣрамъ сеньеріями, успѣли, однако, прочно ихъ освоить, опираясь на давнія, наслѣдственныя—„вотчинныя" права. Такіе крупнѣйшіе феодалы и нѣкоторые мелкіе свободно переходятъ отъ одного сюзерена къ другому вмѣстѣ со своими землями. Къ этимъ землямъ ихъ какъ-то даже мало подходитъ

---

*) «Etablissements de Saint Louis», ed. P. Viollet, livre I, § LIV.—Ch. Seignobos, «Le régime féodal en Bourgogne», c. 376—382: примѣры измельчанія феодовъ, liste des féaux (fié), 1315, appendice №№ VIII, IX.—Guérard, «Cartulaire de l'abbé de S. Pére de Chartres», Prolégomènes: basse noblesse, c. 31—33.

**) P. Viollet, «Précis de l'histoire du droit français», c. 542.—J. Flach, «Les origines de l'ancienne France», т. III, c. 79.

названіе феодъ, условное владѣніе,—столь прочно онѣ ими освоены. Ихъ отношенія къ сюзеренамъ больше подходятъ подъ понятіе вассальной зависимости, чѣмъ „феодальной", въ точномъ значеніи термина, хотя ихъ владѣнія по общей теоріи феодализма также назывались „феодами".

Въ XII вѣкѣ нѣсколько вассаловъ французскаго короля порываютъ свою зависимость отъ него, открыто приносятъ оммажъ англійскому королю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, передаютъ въ его обладаніе всѣ свои земли. Въ началѣ слѣдующаго столѣтія они отлагаются отъ англійскаго короля и тѣмъ самымъ лишаютъ его, Іоанна Безземельнаго, всѣхъ его французскихъ владѣній. Точно также въ пограничной полосѣ между Франціей и Германской имперіей (по рр. Сонѣ и Ронѣ), „высшіе феодалы—говоритъ Люшеръ—всю свою жизнь проводили въ томъ, что признавали по очереди то французскій, то германскій сюзеренитетъ, или же отрицали и тотъ и другой. При этомъ не только была сомнительной зависимость большихъ сеньорій, но далеко не всегда была ясной также и феодальная принадлежность простыхъ феодовъ, замковъ... Въ подобномъ же состояніи былъ Пиренейскій округъ, въ которомъ феоды по ихъ зависимости были раздѣлены между Франціей и Испаніей, между графомъ Тулузскимъ и герцогомъ Гіенскимъ, съ одной стороны, и между королями Арагонскимъ и Наваррскимъ, съ другой. Тамъ также оммажи подвергались перемѣнамъ безъ числа, и пиренейскіе феодалы, также какъ феодалы королевства Арль, благодаря выгодамъ своего положенія, пользовались въ дѣйствительности полною независимостью... Собственникъ феода могъ (можетъ быть, въ теченіе многихъ столѣтій) не приносить оммажа никому, или переносить свой оммажъ отъ одного сеньора къ другому, по своему капризу или изъ-за выгоды. Это очень часто бывало не только на пограничныхъ окраинахъ, въ областяхъ—м а р к а х ъ, но даже (хотя и въ меньшей степени) въ пограничныхъ районахъ двухъ провинцій (marches interprovinciales), на окраинахъ, какъ и внутри національной территоріи" *).

При такой свободной коммендаціи лица съ землей, феодала съ своимъ феодомъ, этотъ феодъ теряетъ совершенно характеръ условнаго владѣнія. Наоборотъ, онъ является съ характеромъ безусловной собственности; права собственника феода въ отношеніи его земли не ограничиваются только областью частнаго права, но простираются и дальше въ область права публичнаго, такъ какъ феодалъ не только можетъ передавать по наслѣдству, дарить, продавать и т. д. свою землю, но онъ можетъ передать ее изъ верховнаго обладанія французскаго короля въ обладаніе англійскаго короля и, наоборотъ, какъ и изъ-подъ своего рода территоріальнаго обладанія одного графа онъ можетъ передать свою землю въ обладаніе другого, рѣзко разрывая изстари сложившіяся, но

---

*) A. Luchaire, «Manuel», с. 222—223, и примѣч. Его же, «Hist. des instit. monarch.», т. II, с. 40—41.

очень слабыя тогда, территоріальныя связи. По отношенію къ феодальной эпохѣ вообще говорить о территоріальномъ верховенствѣ, о территоріальныхъ связяхъ можно только условно, потому что тогда современной намъ территоріальной государственной власти не существовало; не было основы этой власти: неотчуждаемости отдѣльныхъ участковъ территоріи по волѣ ихъ частныхъ собственниковъ. Господствовавшая въ средніе вѣка коммендація лица съ землею идетъ въ разрѣзъ съ этимъ понятіемъ. Земля тогда вслѣдъ за ея частнымъ собственникомъ легко ускользала отъ власти ея верховнаго обладателя; обширныя части французской территоріи, напримѣръ, по прихоти феодаловъ переходили въ обладаніе англійскаго короля. Территорія феодальной Франціи представляла собою, по выраженію Люшера, „нѣчто по существу своему подвижное и зыбкое“ (quelque chose d'essentiellement mouvant et flottant).

Далеко не всѣ феодалы имѣли возможность свободно переходить съ своимъ феодомъ отъ одного сюзерена къ другому. Для большинства феодаловъ ихъ феоды на дѣлѣ, какъ и въ теоріи, дѣйствительно были условною собственностью. Но рядомъ съ такими феодами-бенефиціями (fief-bénéfice) существовали феоды съ указаннымъ характеромъ полной, безусловной, алодіальной собственности, которые можно было бы назвать взаимно противорѣчивыми терминами — феодами-алодами (fief-alleu). Такими fief-alleu были всѣ крупнѣйшія феодальныя владѣнія, феоды-сеньеріи, для которыхъ феодальный договоръ съ сюзереномъ былъ чистой фикціей.

И эта-то категорія феодовъ является наиболѣе характерной для первой половины феодальной эпохи, до XII—XIII вѣка, когда преобладалъ процессъ раздробленія страны, основной процессъ феодализаціи. Къ концу же средневѣковья, когда новыя государственныя территоріальныя начала усиливаются, свободная коммендація феодаловъ съ феодами все болѣе и болѣе стѣсняется, пока новые территоріальные государи не кладутъ ей конецъ, закрѣпляя силою теоретическую условность феодальнаго землевладѣнія.

Двѣ категоріи феодовъ, раздѣляемыя мною по признаку дѣйствительной и фиктивной условности землевладѣнія (fief-bénéfice и fief-alleu), совпадаютъ приблизительно съ двумя категоріями ихъ, которыя Люшеръ разграничиваетъ по другому признаку, сеньеріальному: феоды-сеньеріи и феоды, не имѣющіе сеньеріальныхъ правъ (les fiefs qui sont des seigneuries et les fiefs qui n'en sont pas). „Громадное большинство феодовъ, благородныхъ земель, подчиненныхъ оммажу, — говоритъ Люшеръ, — составляютъ часть сеньеріи, но сами они не сеньеріи и не предоставляютъ ихъ владѣльцамъ никакой власти, порядка административнаго или судебнаго. Благородный держатель, не принадлежащій къ числу сеньеровъ, имѣетъ только обязанности въ отношеніи своего сюзерена; онъ не имѣетъ правъ“ *).

---

*) A. Luchaire, «Manuel», с. 159.—Ср. P. Viollet, «Précis», с. 549: «fief et justice

Коммендація феодала съ феодомъ получаетъ особенное значеніе въ новой теоріи феодализма, которая въ основу феодальнаго порядка кладетъ крупное землевладѣніе, сеньерію. Когда собственникъ сеньеріи заключаетъ феодальный договоръ съ сюзереномъ, когда онъ подчиняется ему со своею землей, признаетъ себя его человѣкомъ за свою землю, его земля, его сеньерія не становится на дѣлѣ феодомъ, условнымъ, легко отъемлемымъ владѣніемъ. Превращаясь теоретически въ феодъ, она остается полной собственностью сеньера. Въ феодальномъ договорѣ между владѣльцами двухъ сеньерій реальное значеніе имѣютъ только обѣщанія службы, съ одной стороны, и защиты—съ другой, т.-е. вассальная связь. „Феодъ", какъ таковой, если принять во вниманіе его фиктивное значеніе по отношенію къ сеньеріямъ, не можетъ быть признанъ главною, всеопредѣляющею чертою феодализма, основною клѣточкою ткани феодальнаго организма, по выраженію Эсмена. Такою клѣточкою былъ не феодъ, а сеньерія.

II. Раздробленіе верховной власти.

§ 25. *Малыя сеньеріи. Сеньеріальное право и иммунитетъ.*

Верховная государственная власть разбилась въ феодальную эпоху, какъ упавшій стеклянный куполъ, на тысячи мелкихъ осколковъ, но эти осколки очень неравномѣрно распредѣлились между крупными и мелкими доменами-сеньеріями. Всѣ сеньеріи стали похожи на государства, но далеко не въ равной степени; одни изъ нихъ, немногія, были очень близки къ государствамъ, другія же только похожи чертами отдаленнаго сходства.

По свойству государственныхъ правъ, всѣ многочисленныя сеньеріи во Франціи дѣлятся на три разряда: 1) крупнѣйшія княжества и графства (duchés и comtés), въ числѣ около трехъ-четырехъ десятковъ, пользующіяся почти всѣми государственными правами. Владѣтели ихъ проявляютъ свою власть не только въ отношеніи собственныхъ своихъ земель-доменовъ, но до нѣкоторой степени и въ отношеніи земель зависящихъ отъ нихъ сеньеровъ; они имѣютъ право высшаго суда (haute justice); они облагаютъ общимъ чрезвычайнымъ налогомъ населеніе не только своихъ доменовъ, но и зависящихъ отъ нихъ сеньерій (taille extraordinaire) и созываютъ въ дальніе походы всеобщее ополченіе (arrière-ban). Имъ, въ числѣ другихъ правъ, принадлежитъ и чисто государственное право бить монету. Нѣкоторые изъ нихъ издаютъ иногда, очень рѣдко, обще-обязательные для ихъ области законы.

---

n'ont rien de commun ensemble». И въ порядкахъ наслѣдованія «простые феоды» отличаются отъ «болѣе значительныхъ сеньерій или бароній»: Люшеръ, тамъ же, с. 162.

Второй разрядъ составляли, тоже титулованные, сеньеры низшихъ ранговъ, связывавшіе свои права, также какъ князья (герцоги и дюки) и графы, съ древними низшими должностями вице-графовъ (vicomtés), начальниковъ замковъ (châtellenies) и другихъ. Собственныя владѣнія такихъ сеньеровъ пользуются обыкновенно полной независимостью и въ этомъ отношеніи очень похожи на государства, но власть ихъ ограничивается только ихъ доменами и потому не пріобрѣтаетъ того государственнаго значенія, какъ власть сильнѣйшихъ князей и графовъ перваго разряда.

Наконецъ, третій и наиболѣе многочисленный разрядъ составляютъ мелкія бароніи, пользующіяся весьма ограниченными государственными правами. Самостоятельность этихъ сеньерій ограничена не только личнымъ подчиненіемъ владѣльца сюзерену по феодальному договору, но и территоріальною связью земли съ княжествомъ сюзерена; связь эта выражается прежде всего въ подчиненіи населенія сеньеріи высшему суду князя или графа, а также въ подчиненіи другимъ, указаннымъ выше, княжескимъ правамъ территоріальнаго государственнаго характера*).

Баронъ, владѣлецъ небольшой сеньеріи, далеко не государь въ современномъ значеніи термина, потому что власть его лишена важнѣйшихъ свойствъ верховнаго властвованія. Онъ отнюдь не самостоятельный государь въ своихъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ владѣніямъ, потому что онъ связанъ всецѣло своимъ феодальнымъ контрактомъ, обязывающимъ его вѣрно служить сюзерену. Онъ далеко не самостоятельный государь и въ отношеніи внутренняго управленія своимъ имѣніемъ, потому что здѣсь также территоріальная связь имѣнія съ княжествомъ его сюзерена налагаетъ на него извѣстныя обязательства подчиненія. Низшій сеньеръ обладаетъ очень ораниченною властью, какъ глава имѣнія-государства, потому что ему не хватаетъ не только внѣшней, но и внуренней самостоятельности, независимости, составляющей главный признакъ истиннаго суверенитета.

И, тѣмъ не менѣе, лично будучи связаннымъ по рукамъ и ногамъ, ограниченнымъ государемъ, сеньоръ-землевладѣлецъ является властнымъ государемъ въ отношеніи къ населенію его имѣнія, потому что онъ совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ частнаго собственника имѣнія, и судью, и управителя. Какъ бы сеньоръ-землевладѣлецъ ни былъ связанъ обязательствами по отношенію къ территоріальному князю, этотъ князь не можетъ въ феодальное время осуществлять свою власть въ отношеніи населенія частнаго имѣнія иначе, какъ чрезъ посредство собственника этого имѣнія. Чтобы привести въ свой высшій судъ преступника, скрывающагося въ какой-либо подвластной ему сеньеріи, князь долженъ обратиться къ посредству сеньера, потому что по общему правилу княже-

*) Отъ сеньерій всѣхъ этихъ разрядовъ рѣзко отличаются многочисленные мелкіе феоды, съ указаннымъ характеромъ строго обусловленнаго службой бенефиція, не имѣющіе судебныхъ правъ («феодъ и юстиція не имѣютъ между собою ничего общаго») и сохраняющіе тѣсную связь съ домепомъ сеньера.

скія власти не имѣютъ права въѣзда въ частныя имѣнія. Власть сеньера по своему объему равняется власти мѣстнаго управителя, подчиненнаго высшей власти, исполнителя ея велѣній. Но эта власть сеньера существенно отличается отъ власти управителя, потому что сеньеръ—не чиновникъ, всецѣло зависящій отъ господина, а собственникъ, которому соединеніе собственности съ властью управителя придаетъ особый вѣсъ и силу.

Права мелкаго сеньера феодальной эпохи одинаковы съ тѣми правами, которыя въ болѣе раннее время Меровинговъ и Каролинговъ предоставлялись по преимуществу монастырямъ и церквамъ королевскими иммунитетными дипломами. Эти дипломы, конечно, не создавали вновь изъ ничего охарактеризованный выше институтъ сеньеріи-боярщины, частнаго имѣнія съ государственными правами собственника въ отношеніи населенія его имѣнія (выше, § 18). Эти дипломы исходили изъ господствовавшаго обычнаго права и только распространяли сеньеріальныя права на вновь возникавшія крупныя имѣнія, по преимуществу монастырскія. Привилегіи, свойственныя крупнымъ землевладѣльцамъ вообще въ древнѣйшую эпоху, какъ и позднѣе, въ теченіе столѣтій присущія сеньеріи-боярщинѣ, какъ ея главный признакъ, эти привилегіи только распространялись королями на монастырскія и церковныя имѣнія, а также и на нѣкоторыя имѣнія свѣтскихъ владѣльцевъ, которыя раньше по ихъ незначительности и по новости возникновенія еще не возвысились до общей сеньеріальной самостоятельности, до сеньеріальнаго „самосуда".

Иммунитетъ эпохи меровинговъ и каролинговъ—это общее сеньеріальное право, какъ древнѣйшее, такъ и позднѣйшее. Существо иммунитета, также какъ сеньеріальнаго права или „самосуда" феодальной эпохи, состоитъ въ томъ, что собственникъ, сеньеръ заслоняетъ собою людей своей земли отъ представителей государственной власти. Государственные чиновники не имѣютъ права входа въ сеньерію. Они могутъ обращаться къ людямъ сеньеріи, напримѣръ, требовать ихъ въ судъ, но не иначе, какъ черезъ посредство собственника имѣнія, обращаясь съ соотвѣтствующимъ требованіемъ къ нему или къ его агентамъ-приказчикамъ. „Свобода отъ входа судей" (ab introitu judicum), весь иммунитетъ заключается, по замѣчанію Фюстель де Куланжа, въ этихъ трехъ словахъ. И къ этому же основному началу сводится и вся власть сеньера вотчинника средней руки въ феодальную эпоху. Территоріальный князь или графъ, наслѣдовавшій осколки государственной власти отъ короля, также какъ прежде король, обращается съ нѣкоторыми требованіями къ населенію сеньеріи, но не иначе, какъ черезъ посредство сеньера. Такія основныя начала средневѣкового строя, какъ сеньеріальный „самосудъ", не мѣняются съ каждыми двумя, тремя поколѣніями; они сохраняются по существу неизмѣнными отъ Меровинговъ и Каролинговъ до Капетинговъ и Валуа, отъ перваго періода развитія феодализма до его расцвѣта и до его конца.

§ 26. *Иммунитетъ въ Удѣльной Руси.*

Существованіе въ Удѣльной Руси этого сеньеріальнаго права, въ объемѣ древняго иммунитета, выясняется вполнѣ, документально, путемъ детальнаго сравненія иммунитетныхъ дипломовъ съ жалованными льготными грамотами. Мы находимъ въ этихъ грамотахъ то же самое основное постановленіе, какъ и въ западныхъ дипломахъ, обезпечивающее неприкосновенность вотчины и ея населенія для княжескихъ властей, immunitas, ограждающее ее неприступной стѣной отъ агентовъ правительства, какъ въ современныхъ намъ нѣкоторыхъ автономныхъ учрежденіяхъ. „Да не осмѣлится ни одинъ общій судья вступать въ эти владѣнія"—такъ постановляли французскіе короли въ своихъ дипломахъ. И то же самое, въ столь же категорическихъ выраженіяхъ говорятъ наши князья въ своихъ жалованныхъ грамотахъ: „А волостели мои въ околицу его (игумена) не въѣзжаютъ"; или „а намѣстники мои и волостели и ихъ тіуни не въѣзжаютъ" или „не всылаютъ" къ такимъ-то вотчинникамъ, „ни къ ихъ людемъ ни по что".

Наши грамоты, точно также какъ западные дипломы, особенно настаиваютъ на этомъ главномъ постановленіи и затѣмъ указываютъ всѣ проистекающія изъ него слѣдствія полной иммунитетности, автономности частнаго имѣнія, не оставляя мѣста для сомнѣній, что въ тѣхъ и другихъ грамотахъ идетъ рѣчь объ одномъ и томъ же институтѣ. У насъ и на западѣ одинаково по этимъ грамотамъ частному собственнику предоставляются: 1) исполнительная судебная власть, 2) право суда на всѣхъ людей, живущихъ въ имѣніи, 3) право сбора съ нихъ налоговъ и пошлинъ. Эти постановленія встрѣчаются у насъ съ небольшими варіантами въ сотняхъ жалованныхъ грамотъ. Въ наиболѣе краткой формулировкѣ они выражены, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ жалованной грамоты, данной Кирилло-Бѣлозерскому монастырю около 1400 года. „Людямъ" игумена Кирила—говоритъ Бѣлозерскій князь—1) „ненадобѣ моя дань, ни иная никоторая пошлина; 2) волостели мои къ тѣмъ людямъ не всылаютъ ни по что, ни судятъ, 3) а тѣхъ людей вѣдаетъ и судитъ игуменъ Кирило самъ".

Къ порядкамъ, создававшимся на основаніи такихъ категорическихъ опредѣленій нашихъ жалованныхъ грамотъ, вполнѣ приложима слѣдующая характеристика иммунитета, написанная Ф. де Куланжемъ по западнымъ дипломамъ: „Частный собственникъ, лишивъ власти государственнаго чиновника, сталъ безусловнымъ господиномъ надъ своими землями. По отношенію къ людямъ свободнымъ и рабамъ, живущимъ на его землѣ, онъ уже не только собственникъ, онъ становится тѣмъ, чѣмъ раньше былъ графъ: въ его рукахъ—все, что принадлежало государственной власти. Онъ—единственный глава, единственный судья, какъ и единственный покровитель. Люди его земли не имѣютъ иного правительства надъ со-

бою. Конечно, по отношенію къ королю онъ остается подданнымъ, или, говоря точнѣе, вѣрнымъ; но у себя дома онъ самъ—король". И наши изслѣдователи, изучавшіе наши жалованныя грамоты независимо отъ западныхъ иммунитетныхъ дипломовъ, еще въ 50-хъ годахъ приходили буквально къ тѣмъ же выводамъ. Такъ, Милютинъ утверждалъ, что слѣдствіемъ жалованныхъ грамотъ было у насъ „образованіе изъ каждой монастырской или церковной вотчины особаго полунезависимаго и замкнутаго въ себѣ міра, государства въ государствѣ". Такъ, Неволинъ писалъ, что на основаніи жалованныхъ грамотъ поземельный владѣлецъ получалъ многія права державной власти и становился въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ".

Тожество западныхъ и русскихъ иммунитетныхъ привилегій, по ихъ юридической природѣ, не можетъ быть оспариваемо. И даже В. И. Сергѣевичъ, какъ ни старался онъ путемъ смѣшенія жалованныхъ грамотъ разныхъ эпохъ доказать чрезвычайное разнообразіе и случайность нашихъ льготныхъ пожалованій и умалить ихъ политическое значеніе, тѣмъ не менѣе, не могъ не признать, что „наши льготныя владѣнія и западные иммунитеты суть учрежденія однородныя". Но, сдѣлавъ эту важную уступку, почтенный профессоръ, слѣдуя давнему обычаю нашихъ историковъ, спѣшитъ выяснить коренное отличіе въ значеніи русскаго и западнаго иммунитета. Иммунитетъ—говоритъ онъ—на западѣ былъ однимъ изъ источниковъ, предвѣстникомъ феодализма; затѣмъ-де въ феодальное время начала иммунитета были „переработаны", у насъ же никакого перерожденія не совершилось; иммунитеты существуютъ до XVII вѣка, и, слѣдовательно наши жалованныя грамоты не доказываютъ существованія у насъ одного изъ началъ феодальнаго порядка *).

Однако, какъ я уже говорилъ выше, на западѣ, также какъ у насъ, никакого „перерожденія" иммунитета, по отношенію къ низшимъ сеньеріямъ не совершилось. Объемъ сеньеріальнаго права феодальной эпохи одинаковъ съ объемомъ того права, которое намъ извѣстно изъ болѣе раннихъ иммунитетныхъ дипломовъ. Иммунитетъ или, точнѣе, вообще сеньеріальное право, опиравшееся какъ на пожалованія, такъ и, главнымъ образомъ, на старину, послужилъ на западѣ только опорой для узурпаціи верховной власти, въ точномъ смыслѣ слова, нѣкоторыми крупнѣйшими землевладѣльцами и по преимуществу королевскими чиновниками, графами и вице-графами. Но громадная часть сеньерій осталась съ старыми правами, объема иммунитета, или сеньеріальной власти. Эти сеньеріи въ феодальное время, какъ и раньше, не были „государствами въ государствѣ" въ точномъ смыслѣ слова, хотя и пользовались нѣкоторыми важными государственными правами: независимостью отъ княжескихъ властей и правомъ суда и обложенія жителей сеньеріи.

Согласно воззрѣніямъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и французскихъ исто-

*) Два различныхъ мнѣнія о томъ же Ключевскаго, см. выше, стр. 30 и 33.

риковъ, иммунитетъ, какъ учрежденіе, не былъ созданіемъ королей, не возникъ впервые изъ иммунитетныхъ дипломовъ, а былъ исконной принадлежностью крупнаго землевладѣнія*). Теорія эта, выше развитая мною, тѣсно связывается съ общею новою теоріей феодализма, какъ строя, зиждущагося на крупномъ землевладѣніи, на полноправной сеньеріи, какъ его основной ячейкѣ. Сеньеріальное право суда и обложенія населенія частнаго крупнаго имѣнія ведетъ свое начало не отъ королевскихъ пожалованій; иммунитетные дипломы только распространяютъ это право на церковныя имѣнія и нѣкоторыя свѣтскія; по этимъ дипломамъ мы можемъ только судить объ объемѣ этого обычнаго права въ то время, когда писались дипломы.

Этотъ взглядъ на иммунитетъ подтверждается чрезвычайнымъ сходствомъ иммунитетныхъ пожалованій не только въ разныхъ странахъ запада, но и въ Россіи и въ другихъ славянскихъ государствахъ, въ Чехіи, Болгаріи, Сербіи и въ Литвѣ. Существо пожалованія по франкскимъ carta immunitatis, по англо-саксонскимъ freols-bóc, по русскимъ и литовскимъ „жалованнымъ грамотамъ“, по сербскимъ и болгарскимъ „хрисовуламъ“ вездѣ одинаково состоитъ въ воспрещеніи королевскимъ или княжескимъ властямъ, графамъ, намѣстникамъ, „владальцамъ“ доступа въ частное имѣніе и въ предоставленіи вотчиннику правъ суда и обложенія. Объемъ пожалованій по грамотамъ разныхъ странъ сходится потому, что пожалованія, очевидно, приноровлены къ распространенному повсюду въ средніе вѣка сеньеріальному праву крупнаго землевладѣнія. Во всѣхъ странахъ при этомъ одинаково сохранились по преимуществу, въ несравненно большемъ числѣ, иммунитетныя грамоты монастырямъ и церквамъ не только потому, что монастыри лучше берегли свои архивы, но и потому, что такія грамоты писались большею частью именно для монастырей и церквей, имѣнія которыхъ всѣ были болѣе новаго образованія и потому нуждались въ распространеніи на нихъ тѣхъ привилегій, которыми крупныя боярскія вотчины пользовались по старинѣ.

Въ нашихъ средневѣковыхъ грамотахъ можно найти нѣсколько любопытныхъ указаній на всеобщность сеньеріальнаго, боярскаго, иммунитетнаго права. По нѣкоторымъ нашимъ грамотамъ иммунитетная судебная привилегія составляетъ не предметъ особаго пожалованія, а какъ бы естественный, необходимый придатокъ къ передачѣ права собственности на землю. Села даются „съ судомъ и со всѣми пошлинами“. Въ этихъ грамотахъ, также какъ въ западныхъ, „иммунитетъ, говоря словами Флака, является какъ простое пользованіе правомъ собственности“. Въ первой половинѣ XV вѣка одинъ Бѣлозерскій бояринъ, жалуясь, что Кирилловскій монастырь „отнимаетъ“ у него „отъ суда да отъ дани“ деревню, принадлежавшую къ его вотчинѣ Кистемѣ, ссылался, въ подтвер-

---

*) Подробнѣе объ этомъ, какъ и вообще объ иммунитетѣ см. мои статьи и изслѣдованіе.

жденіе своихъ правъ на нее, не на пожалованіе, не на княжескую грамоту, а на старину: „а та деревня изстарины тянетъ судомъ и данью къ намъ“.

Въ феодальное время значительная часть сеньеровъ, даже указаннаго низшаго разряда, пользовалась правомъ суда въ бóльшемъ объемѣ, чѣмъ то допускалось дипломами Каролинговъ. Иммунитетные дипломы времени Каролинговъ предоставляли право суда, по мнѣнію Вайца, обыкновенно не въ полномъ объемѣ, а за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ (excepto criminalibus causis), какъ это поясняется въ нѣкоторыхъ дипломахъ. Въ позднѣйшее же феодальное время значительная часть сеньеровъ пользовалась правомъ суда не только по гражданскимъ дѣламъ, но и по уголовнымъ, имѣла не только низшую, но и высшую или среднюю юстицію, хотя бóльшая часть ихъ имѣла право суда только въ объемѣ каролингскихъ дипломовъ, а именно только низшую юстицію. Висѣлица, какъ знакъ высшей юстиціи, стояла только въ немногихъ сеньеріяхъ. Во многихъ областяхъ право высшаго уголовнаго суда или право меча (jus gladii) принадлежало только герцогамъ, какъ территоріальнымъ государямъ.

Наши жалованныя грамоты въ этомъ пунктѣ даютъ ясное доказательство близости нашихъ удѣльныхъ порядковъ къ порядкамъ времени расцвѣта феодализма, а не его начальнаго періода, времени Каролинговъ. Ограничительное постановленіе о правѣ суда, кромѣ уголовныхъ дѣлъ, или по терминологіи нашихъ грамотъ, „опричь душегубства, татьбы и разбоя съ поличнымъ“ появляется въ нашихъ жалованныхъ грамотахъ только къ концу удѣльно-феодальной эпохи, а именно въ XV вѣкѣ, и прочно утверждается, какъ общее правило, еще столѣтіе спустя. Въ болѣе же раннее время судъ предоставляется у насъ льготнымъ вотчинникамъ въ полномъ объемѣ, какъ по гражданскимъ дѣламъ, такъ и по уголовнымъ. Даже въ XV вѣкѣ нѣкоторымъ вотчинникамъ предоставлялись такія полныя права суда,—не только низшая, но и высшая юстиція. Такъ, напримѣръ, великая княгиня Софія въ жалованной грамотѣ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю 1448—1469 гг. писала: „Мои волостели и ихъ тіуни у тѣхъ людей... въ душегубство не вступаются никоторыми дѣлы“. Въ удѣльную эпоху у насъ, такимъ образомъ, судя по жалованнымъ грамотамъ, отражающимъ господствующее сеньеріальное право, очень многіе бояре и игумены, также какъ на западѣ въ эпоху расцвѣта феодализма, могли бы поставить у въѣзда въ ихъ боярщины висѣлицу, въ знакъ принадлежности имъ высшей юстиціи.

Этотъ вотчинный сеньеріальный судъ ограничивается у насъ, судя по отраженію его въ жалованныхъ грамотахъ, къ концу удѣльнаго періода, по мѣрѣ усиленія территоріальной государственной власти великихъ князей. Раньше всего и наиболѣе послѣдовательно онъ ограничивается въ московскомъ великомъ княжествѣ, гдѣ раньше и прочнѣе, чѣмъ въ другихъ княжествахъ, соперничавшихъ съ нимъ, утверждаются

6*

государственныя начала. Это точно выясняется сравненіемъ жалованныхъ грамотъ разныхъ княжествъ: московскаго, тверского, рязанскаго, угличскаго, бѣлозерскаго и другихъ. Во второй половинѣ XV вѣка почти всюду право суда дается „опричь одного душегубства"; въ XVI же вѣкѣ—уже за исключеніемъ всѣхъ уголовныхъ дѣлъ: „опричь татьбы, разбоя и душегубства".

§ 27. *Высшія сеньеріи. Удѣльные князья и княжата.*

Надъ низшимъ слоемъ неполноправныхъ сеньерій мы находимъ на западѣ въ феодальную эпоху высшій слой сеньерій, съ истинно государственными верховными правами, принадлежащихъ титулованнымъ сеньерамъ: герцогамъ, князьямъ, графамъ, вице-графамъ, маркизамъ и т. д. И у насъ въ Удѣльной Руси надъ низшимъ слоемъ боярщинъ, пользующихся только сеньеріальными правами, лежалъ высшій слой княжествъ, имѣвшихъ въ неравной степени права истинно государственнаго, верховнаго порядка.

Эти княжества, удѣлы, точно также какъ владѣнія западныхъ титулованныхъ сеньеровъ высшаго рязряда, дюковъ-князей, графовъ и т. д., по своему устройству были очень близки ко всѣмъ другимъ сеньеріямъ, потому что основою ихъ было то же частное землевладѣніе типа сеньеріи-боярщины. Наши князья и княжата были прежде всего землевладѣльцами, вотчинниками такъ же, какъ западные дюки и графы. Хозяйство и управленіе даже великихъ княжествъ, гдѣ оно болѣе всего имѣло государственный характеръ, построено было всецѣло по типу частнаго хозяйства боярина. Эта основа нашего княжескаго удѣла, какъ я уже говорилъ (§ 10), выяснена В. О. Ключевскимъ, и я радъ, что въ этомъ важномъ пунктѣ могу опереться на трудъ авторитетнаго нашего историка. Ключевскій говоритъ, „что удѣльное управленіе" сѣвернаго княжества было „довольно точною копіей устройства древнерусской боярской вотчины", что „княжеская власть усвоила себѣ юридическій характеръ частной вотчины привилегированнаго землевладѣльца".

Удѣльныя княжества, также какъ на западѣ титулованныя княжескія и графскія сеньеріи, не были государствами въ точномъ смыслѣ термина; онѣ по существу устройства были ближе къ частному, вотчинному, боярскому землевладѣнію, чѣмъ къ государству, возникающему послѣ феодальнаго періода. Однако, все-таки онѣ отличаются отъ низшаго слоя рядовыхъ сеньерій присущими имъ и постепенно усиливающимися государственными чертами. По такимъ ихъ государственнымъ чертамъ онѣ дѣлятся на тѣ же два разряда, указанные выше, какъ и западныя титулованныя сеньеріи. Первый, высшій разрядъ—это два-три десятка великихъ княжествъ и крупнѣйшихъ княжествъ удѣльныхъ, обладающихъ правами государственнаго территоріальнаго характера. Владѣльцы ихъ, также какъ западные титулованные сеньеры, обладаютъ

властью не только въ отношеніи собственныхъ своихъ частныхъ владѣній-доменовъ или земель дворцовыхъ, но и въ отношеніи какъ свободныхъ общинъ (позднѣйшихъ черныхъ земель), такъ и боярскихъ земель, сохраняя за собою право высшаго суда и чрезвычайной дани. При этомъ у насъ, какъ и на западѣ, эти государственныя права имѣютъ не только немногія великія княжества, соотвѣтствующія такимъ французскимъ княжествамъ и графствамъ, территоріямъ, какъ Нормандія, Бретань, Фландрія, Бургундія, но и нѣкоторые мелкіе удѣлы. Такъ, напримѣръ, правомъ чеканки монеты пользовались у насъ въ удѣльное время не только великіе князья, Московскій, Тверской, Рязанскій, но и нѣкоторые, зависѣвшіе отъ нихъ удѣльные князьки. Въ музеѣ тверской архивной комиссіи хранятся монеты, серебряныя и мѣдныя, битыя мелкими Городенскими или Старицкими удѣльными князьями тверского великаго княжества. И послѣ подчиненія Москвѣ этого тверского великаго княжества Иванъ III, дѣйствующій уже какъ настоящій государь, воспрещаетъ „деньги дѣлать... по удѣломъ въ Московской землѣ и въ Тверской“, какъ видно изъ его завѣщанія 1504 года.

Мелкіе удѣльные князьки, какъ, напримѣръ, Бохтюжскій или Карголомскій, въ XV вѣкѣ, несмотря на незначительность своихъ владѣній, сохраняютъ черты владѣтельныхъ государей. Ихъ управители называются волостелями и тіунами, хотя они больше похожи на боярскихъ приказчиковъ и посельскихъ. Одинъ изъ князьковъ Кубенскихъ (на озерѣ Кубенскомъ), владѣвшій волостью Бохтюгой, даетъ жалованную, льготную и несудимую грамоту Глушицкому монастырю и пишетъ ее по формулѣ грамотъ великокняжескихъ: „Се язъ князь Юрій Ивановичъ пожаловалъ есмь“, но выдавая свое принизившееся значеніе мелкаго вотчинника, въ концѣ грамоты выговариваетъ себѣ отъ игумена „кормъ“: „на Рождество Христово полоть мяса да десяторо хлѣбовъ“, „а на Петровъ день — десяторо хлѣбовъ да боранъ“.

Подъ высшимъ слоемъ княжествъ великихъ и удѣльныхъ, съ государственными правами, находимъ болѣе многочисленныя, мелкія удѣльныя княжества, пользующіяся уже весьма ограниченными государственными правами. Незначительность владѣній такихъ княжатъ не позволяла имъ осуществлять свои наслѣдственныя владѣтельныя княжескія права, и этотъ наслѣдственный характеръ ихъ власти проявлялся почти исключительно въ полной независимости ихъ суда и управленія въ отношеніи ихъ доменовъ. Эти княжескія владѣнія, расположенныя по берегамъ какой-нибудь одной маленькой рѣчки или небольшого озерка, ограничивавшіяся нерѣдко даже только частью маленькаго рѣчного бассейна, и по размѣрамъ и по характеру управленія не отличаются отъ владѣній бояръ. Эти княжескіе удѣлы—тѣ же боярщины. Однако, независимость отъ велико-княжескихъ властей, болѣе или менѣе ограниченная въ боярщинахъ, въ этихъ княжескихъ боярщинахъ-удѣлахъ, въ силу наслѣдственныхъ владѣтельныхъ правъ, проявлялась полнѣе. Маленькому князьку

принадлежалъ обыкновенно въ полномъ объемѣ и судъ, до высшей юстиціи, и право обложенія подвластнаго ему населенія.

Въ предѣлахъ московскаго великаго княжества, то-есть въ собственныхъ непосредственныхъ владѣніяхъ московскаго княжескаго дома, въ треугольникѣ, образуемомъ рѣками Москвою и Окою, удѣльное дробленіе не привело къ раздѣленію княжества на независимыя части — удѣлы. Но на всемъ остальномъ пространствѣ центральной территоріи Удѣльной Руси, исключая Новгородъ и крайній Сѣверъ, то-есть между рѣками Клязьмой и Волгой и къ сѣверу, по рѣкамъ Мологѣ, Шекснѣ и до Бѣлозерскаго и Кубенскаго озеръ, всюду въ XV вѣкѣ явилось множество мелкихъ удѣловъ описаннаго, чисто-феодальнаго типа. Дробленіе земли на мелкіе удѣлы-сеньеріи шло очень быстро, начиная съ XIV вѣка и особенно въ XV и XVI вѣкахъ. Рядомъ съ удѣльными князьями является множество князьковъ, которые позднѣе назывались *княжатами*. По родственнымъ отношеніямъ и совпадающимъ съ ними отношеніямъ территоріальнымъ, ихъ дѣлятъ на 8 гнѣздъ: князей Тверскихъ, Рязанскихъ, Суздальско-Нижегородскихъ, Ярославскихъ, Углицкихъ, Бѣлозерскихъ, Стародубскихъ, Галицкихъ. Къ этимъ сѣверо-восточнымъ князьямъ и княжатамъ присоединились позднѣе князья южной Черниговской области, нѣкоторое время зависѣвшіе отъ Литвы, князья Оболенскіе, Одоевскіе, Новосильскіе и другіе.

Мелкіе князья и княжата служили своимъ великимъ князьямъ, а затѣмъ подъ давленіемъ рано получившаго перевѣсъ надъ другими московскаго великаго князя, волей-неволей вступали въ служебную зависимость отъ него. Наравнѣ съ московскими боярами, княжата служатъ „воеводами“: военными начальниками и городскими намѣстниками. Но эти новые московскіе воеводы остаются князьями-государями въ предѣлахъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній. „Слуга“ московскаго великаго князя остается у себя дома княземъ-сеньеромъ.

Эта яркая сторона феодальныхъ порядковъ на русской почвѣ точно выясняется нашими памятниками. Меня могутъ заподозрить, что я сгустилъ краски; но здѣсь это подозрѣніе можетъ быть разсѣяно легче, чѣмъ по нѣкоторымъ другимъ пунктамъ моего изслѣдованія. Рисуя положеніе княжатъ, я не прибавляю ни одной черты къ тому, что выяснено В. О. Ключевскимъ, а вслѣдъ за нимъ недавно С. Ѳ. Платоновымъ. Этотъ послѣдній ученый, славящійся осторожностью своихъ выводовъ, говоритъ слѣдующее: „Приходя на службу московскимъ государямъ съ своими вотчинами, въ которыхъ они пользовались державными правами, удѣльные князья и ихъ потомство обыкновенно не теряли этихъ вотчинъ и на московской службѣ. Они только переставали быть самостоятельными политическими владѣтелями, но оставались господами своихъ земель и людей со всею полнотою прежней власти. По отношенію къ московскому государю они становились слугами, а по отношенію къ населенію своихъ вотчинъ были попрежнему государями“. Что же это такое, какъ не феодализмъ, и

притомъ въ основной чертѣ классическаго французскаго феодализма — крайнемъ раздробленіи верховной власти и сліяніи ея съ землевладѣніемъ?

Политическое значеніе такихъ княжатъ-феодаловъ выясняется въ борьбѣ съ ними Ивана Грознаго. Выросшее изъ удѣльнаго порядка московское государство постепенно принижаетъ княжатъ, но окончательно сокрушаетъ ихъ силу и ихъ „гордыню", по выраженію Грознаго, только тогда, когда отнимаетъ у нихъ наслѣдственныя удѣльныя владѣнія. Эта грандіозная конфискація наслѣдственныхъ „удѣловъ" у княжатъ произведена была Грознымъ, его знаменитой „опричниной". Въ „опричное" управленіе царя, какъ выяснилъ С. Ѳ. Платоновъ, взяты были всѣ тѣ мѣста, гдѣ было больше всего этихъ мелкихъ княжескихъ „государствъ въ государствѣ". Взамѣнъ отнятыхъ наслѣдственныхъ земель, княжатамъ, по вѣрному разсказу Флетчера, даны были „другія земли въ видѣ помѣстій, которыми они владѣютъ, пока угодно царю, въ областяхъ столь отдаленныхъ, что тамъ они не имѣютъ ни любви народной, ни вліянія, ибо они не тамъ родились и не были тамъ извѣстны". Опричнина — говоритъ Платоновъ, — „сокрушила землевладѣніе знати въ томъ видѣ, какъ оно существовало изстарины. Посредствомъ принудительной и систематически произведенной мѣны земель она уничтожила старыя связи удѣльныхъ княжатъ съ ихъ родовыми вотчинами вездѣ, гдѣ считала это необходимымъ, и раскинула подозрительныхъ въ глазахъ Грознаго княжатъ по разнымъ мѣстамъ государства, преимущественно по его окраинамъ, гдѣ они превратились въ рядовыхъ служилыхъ землевладѣльцевъ".

§ 28. *Процессъ раздробленія верховной власти.*

Удѣлы мелкихъ князей и княжатъ безусловно представляютъ собою учрежденіе, тождественное по своей природѣ съ сеньеріями феодальныхъ князей разныхъ ранговъ. Въ нихъ выражается основное начало феодализма—раздробленіе верховной власти. Настаивая на такомъ тожествѣ основныхъ началъ удѣльнаго и феодальнаго строя, я, однако, вполнѣ признаю различія въ процессѣ ихъ образованія. Но это два разныхъ вопроса, и различіе происхожденія не можетъ ослабить факта тожества двухъ учрежденій. Усилія нѣкоторыхъ нашихъ историковъ свести сходство двухъ порядковъ къ случайному сходству „моментовъ" развитія—напрасны.

Историческій процессъ раздробленія верховной власти оказывается по внѣшности, дѣйствительно, совершенно различнымъ у насъ и на западѣ. На западѣ, какъ извѣстно, верховная власть, въ моментъ крайняго ея ослабленія, была узурпирована, главнымъ образомъ, королевскими чиновниками, графами, а также нѣкоторыми крупнѣйшими землевладѣльцами, баронами, опиравшимися на свою сеньеріальную независимость (иммунитетъ). У насъ никакой узурпаціи не было. У насъ всѣ государственныя права княжатъ—наслѣдственнаго княжескаго происхожденія; у насъ всѣ эти мелкія княжества возникли путемъ раздѣловъ. На западѣ

чиновники и землевладѣльцы стали государями; у насъ всѣ удѣльные государи, большіе и малые, одного княжескаго рода рюриковичей; ни одинъ бояринъ, какъ и ни одинъ намѣстникъ, не сдѣлался у насъ княземъ.

Такова разница въ процессѣ феодализаціи у насъ и на западѣ, столь рѣзко противоположная, не съ точки зрѣнія основъ или движущихъ силъ развитія, но по внѣшнему виду историческихъ событій. Возьмемъ сначала это противоположеніе такъ, какъ оно только-что формулировано: въ противоположность западу, у насъ ни одинъ намѣстникъ и ни одинъ бояринъ не сдѣлался княземъ. Разрушаетъ ли это, столь рѣзкое на первый взглядъ, различіе выясняемое мною тожество удѣльнаго порядка съ феодальнымъ? Не разрушаетъ по многимъ соображеніямъ, и прежде всего по тому, что захватъ власти графами и баронами отнюдь не представляетъ собою основного момента феодализаціи и феодализма. Достаточно напомнить, что такого захвата не было въ Англіи. Историки англійскаго феодальнаго строя, сравнивая его съ французскимъ, выясняютъ только, что „процессъ феодализаціи англо-саксонскаго общества и государства“ долженъ былъ „привести къ тѣмъ же по существу результатамъ, какіе намъ извѣстны изъ исторіи континентальной Европы“, т.-е. „раздробить Англію на рядъ самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ, лишь слабо связанныхъ чисто внѣшними узами договорныхъ отношеній“; но—говоритъ Д. М. Петрушевскій—„этого не случилось“; англо-саксонская Англія, вслѣдствіе норманскаго завоеванія, „уже въ XI вѣкѣ превратилась въ самое сильное, самое централизованное государство тогдашней Европы“.

Въ Англіи не только не было момента узурпаціи верховной власти, но не было и вообще въ ея феодальномъ порядкѣ того раздробленія суверенитета, которое считается характернѣйшею чертою классическаго французскаго феодализма. У насъ же хотя не было историческаго момента узурпаціи, но другими путями создалось удѣльное раздробленіе верховной власти. При наличности всѣхъ другихъ основъ феодальнаго строя, изъ коихъ главное—сеньеріальное право, боярщина-сеньерія, это раздробленіе верховной власти, эти мелкіе удѣлы и вотчины княжатъ, даютъ полное основаніе опредѣлять нашъ удѣльный порядокъ, не взирая на различіе историческаго процесса, какъ строй одной природы, одного типа, одного рода съ порядкомъ феодальнымъ.

Историческій процессъ раздробленія верховной власти въ Удѣльной Руси, какъ сказано, существенно отличался отъ того же процесса во Франціи и въ Германіи, но только процессъ историческій, во всей своеобразности историческихъ событій: княжескихъ раздѣловъ, съ одной стороны и захвата власти графами, съ другой. Процессъ же эволюціонный былъ весьма сходенъ у насъ и во Франціи, будучи слѣдствіемъ одинаковыхъ матеріальныхъ условій развитія. При сравнительномъ изученіи эволюціи, перехода отъ одного строя къ другому, узелъ вопроса завязанъ въ условіяхъ, вызвавшихъ перерожденіе стараго порядка въ новый, а не въ историческихъ событіяхъ его перерожденія.

Весь вопросъ въ томъ, какъ созрѣлъ плодъ новаго строя во чревѣ стараго, а не въ томъ, какъ протекли роды.

Въ Англіи политическое раздробленіе верховной власти назрѣвало въ англо-саксонскую эпоху; изученіе процесса феодализаціи приводитъ историковъ къ убѣжденію, что этотъ процессъ несомнѣнно привелъ бы „къ тѣмъ же по существу результатамъ, какіе намъ извѣстны изъ исторіи континентальной Европы", но что распадъ власти былъ предупрежденъ новой внѣшней силой, укрѣпившей центральную власть—норманскимъ завоеваніемъ 1066 года. У насъ политическое раздробленіе тоже назрѣвало, какъ и въ Англіи, потому что у насъ были тѣ же феодальные порядки, съ главнымъ изъ нихъ, сеньоріальнымъ правомъ, которое послужило опорой баронамъ для узурпаціи власти, и потому, что у насъ были тѣ же первобытные вотчинные порядки управленія, которые парализуютъ централизацію обширныхъ областей.

Неважность различія въ историческомъ процессѣ раздробленія власти у насъ и на западѣ становится еще болѣе очевидной, съ сравнительной точки зрѣнія, если мы примемъ во вниманіе, что тотъ крайній распадъ власти, какой наблюдается во Франціи, и менѣе въ Германіи, не былъ результатомъ естественнаго развитія предшествующихъ началъ, такъ сказать, органическимъ результатомъ феодализаціи. Иммунитетъ не развился самъ собою въ суверенитетъ, онъ только послужилъ опорой для узурпаціи суверенитета при извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Иммунитетъ игралъ даже при этомъ второстепенную роль, такъ какъ осколки верховной власти были захвачены, главнымъ образомъ, королевскими намѣстниками-графами и только отчасти—баронами-землевладѣльцами.

Однимъ изъ постороннихъ обстоятельствъ, вызвавшихъ грандіозное крушеніе каролингской монархіи и узурпацію власти графами и баронами, были личныя качества „лѣнивыхъ" и „толстыхъ" королей, недостойныхъ преемниковъ Карла Великаго. На этомъ особенно настаивали старые историки, историки событій и лицъ. Но эти личныя качества королей могли только ускорить процессъ разложенія монархіи, и не въ нихъ заключалась главная его причина. Причиною крушенія каролингской монархіи было несоотвѣтствіе обширнаго государства матеріальнымъ условіямъ времени. „Постепенность культурнаго роста,—говоритъ Виноградовъ,—не допускаетъ быстраго появленія обширныхъ и сложныхъ государственныхъ системъ у молодыхъ, не воспитанныхъ исторіею, народовъ". Обширное централизованное государство не соотвѣтствовало эпохѣ натуральнаго хозяйства, которое препятствовало централизаціи, связности частей, разрывая области на множество самодовлѣющихъ хозяйственныхъ мірковъ. Необходимую для обширнаго централизованнаго государства связность частей даетъ гораздо позже денежное хозяйство, связывающее части страны въ одно цѣлое торговымъ обмѣномъ, обусловливающее культурное объединеніе, нивелировку племенъ, наконецъ, накопляющее въ одномъ изъ

пунктовъ средоточія власти капиталы, необходимые для прочнаго господства центра надъ окраинами. Обширная каролингская монархія возникла слишкомъ рано, когда господствовало всецѣло натуральное хозяйство, которое не связывало, а наоборотъ, разобщало отдѣльные раіоны страны, какъ самодовлѣющіе хозяйственные мірки. Отсутствіе экономической связности частей, отсутствіе культурнаго единства, недостатокъ денежныхъ средствъ и географическая разрозненность различныхъ мѣстностей вслѣдствіе недостатка путей сообщенія совершенно обезсиливали централизованное государственное управленіе. Слабость же этого управленія, недостатокъ государственной защиты вызывали частные союзы защиты, господскій и мірской самосудъ; политическая власть разъединялась соотвѣтственно разъединенію хозяйственному.

Централизованная каролингская монархія пала прежде всего вслѣдствіе ея несоотвѣтствія экономической и географической разрозненности эпохи натуральнаго хозяйства. Это несоотвѣтствіе обнаружилось особенно послѣ Карла Великаго, когда начали населяться и развиваться окраины обширной имперіи; центральной власти стало тогда совсѣмъ не подъ силу держать въ подчиненіи обособленныя экономически и географически, все усиливавшіяся, части страны. Поэтому-то всѣ обособленные мірки, получивъ самостоятельность при паденіи центральной власти, и удержали ее за собою на нѣсколько столѣтій. Поэтому-то новое и уже прочное государственное объединеніе территорій явилось только тогда, когда кончилось полное господство натуральнаго хозяйства и развилось хозяйство денежное, создавшее необходимую для централизованнаго управленія связность частей территоріи.

Въ Удѣльной Руси мы находимъ тѣ же самыя основныя условія раздробленія государственной власти, что и на западѣ. Мы находимъ: 1) географическую разрозненность: населенность рѣдкими оазисами среди дебрей лѣсовъ и топи болотъ и недостатокъ путей сообщенія; 2) хозяйственную разрозненность этихъ оазисовъ, обусловленную господствомъ натуральнаго хозяйства.

Въ эту пору, при первой колонизаціи сѣверо-восточной Руси, населеніе занимало прежде всего—какъ говоритъ Ключевскій—„нагорные берега рѣкъ и сухія рамена по окраинамъ вѣковыхъ непроходимыхъ лѣсовъ. Такъ вытягивались жилыя полосы, обитаемые острова среди дремучихъ, теперь исчезнувшихъ, лѣсовъ и заросшихъ или зарастающихъ болотъ". Многія, вновь населявшіяся, мѣста были „ограждены отовсюду, яко оградою", по выраженію житій, „великими и страшными дебри, и многими лѣсы, и зыбучими мхами, и непроходимыми блаты". Въ глухихъ болотистыхъ углахъ нашего сѣвера и до недавняго времени встрѣчались деревни, въ которыя можно было проѣхать только зимою, когда замерзали болота. „Этими болотами и этою грязью—писалъ Герценъ въ 1840-хъ годахъ—защищались новгородцы нѣкогда отъ великокняжескаго и великоханскаго ига, теперь защищаются отъ великополицейскаго".

Эта-то обособленность отдѣльныхъ населенныхъ округовъ, большихъ и малыхъ, эта географическая и экономическая разрозненность страны и была у насъ, также какъ на западѣ, главною причиною раздробленія власти. Географическое и экономическое разъединеніе неизбѣжно обусловливало разъединеніе политическое или государственное. Обособленные округа, самостоятельные экономически въ условіяхъ натуральнаго хозяйства, отрѣзанные географически отъ другихъ, у насъ — „страшными дебри и непроходимыми блаты", или на западѣ въ многихъ мѣстахъ—горами, въ другихъ—также лѣсами и болотами*) обособлялись и политически. Князь или его намѣстникъ, при разрозненности, при раскиданности его владѣній, не могъ обезпечить необходимой защиты населенію; приходилось „защищаться" или управляться самимъ, или міромъ, или довѣряясь господинубоярину; обособленные мірки всюду, какъ они сами кормились, такъ сами и судились. Этотъ „самосудъ", въ видѣ какъ древнѣйшаго мірского самоуправленія, такъ и самостоятельнаго боярскаго господства, былъ всецѣло обусловленъ географической и экономической разрозненностью, обезсиливавшей государственную центральную власть.

Раздробленіе власти выражается не только въ этомъ мірскомъ и боярскомъ „самосудѣ", не только въ нѣкоторыхъ государственныхъ правахъ мелкихъ мірковъ: волостныхъ общинъ и боярщинъ, но и въ болѣе полной государственной самостоятельности крупнѣйшихъ округовъ: княжескихъ владѣній, удѣловъ. Раздѣленіе верховной власти между удѣльными князьями, быстрое дробленіе страны на удѣлы съ владѣтельными суверенными правами произрастаетъ на той же почвѣ, какъ и мірской и боярскій самосудъ, на почвѣ экономической и географической разрозненности.

Процессъ историческій этого дробленія власти былъ, какъ я говорилъ выше, неодинаковъ у насъ и на западѣ. Событія были у насъ непохожи на западныя. На западѣ имперія Карла, раздѣленная на три части Людовикомъ Благочестивымъ и снова соединившаяся въ рукахъ Карла Толстого, сразу упала, когда угасла династія Каролинговъ. Воспользовавшись ослабленіемъ центральной власти, графы-управители и нѣкоторые крупнѣйшіе землевладѣльцы расхитили верховную власть, возвысившись до положенія государей. У насъ же обширная сѣверо-восточная Русь, составлявшая въ XI—XII вв. единое княжество, послѣ раздѣла ея между сыновьями Всеволода Большое Гнѣздо и его сына Ярослава въ первой половинѣ XIII столѣтія, распадается на нѣсколько значительныхъ княжествъ-территорій: Тверское, Ярославское, Ростовское, Бѣлозерское, Московское, и затѣмъ постепенно и непрерывно дѣлится на все болѣе мелкіе княжескіе удѣлы.

Событія были различны: тамъ быстрое крушеніе государства и раз-

*) Нѣкоторыя западныя житія святыхъ, одинаково съ русскими, говорятъ объ основаніи монастырей въ уединенныхъ мѣстахъ среди лѣсовъ и болотъ: «Cartulaire de l'abbaye de Saint Bertin», p. 16—17.

дробленіе власти на основѣ узурпаціи, у насъ — постепенное дробленіе власти на основѣ семейныхъ княжескихъ раздѣловъ. Но существо процесса, съ точки зрѣнія не исторической, а эволюціонной, то же самое: дробленіе власти и сліяніе ея съ землевладѣніемъ. Оно вызвано было тѣми же условіями, что и на западѣ: разрозненностью страны и слабостью централизованнаго управленія, и оно имѣло тѣ же результаты, что и на западѣ: образованіе множества мелкихъ владѣній съ полусуверенными правами.

На западѣ родъ Каролинговъ рано угасъ; у насъ же семья Всеволода Большое Гнѣздо быстро разраслась въ многочисленное княжеское племя. Члены этого княжескаго племени постепенно освоили то главенство надъ мелкими обособленными мірками, которое на западѣ захвачено было графами и баронами. Раздѣлы предупредили у насъ узурпацію. Результаты же этихъ различныхъ „историческихъ" процессовъ были одинаковы, потому что одинаковы были условія „эволюціи". Раздробленіе верховной власти не ограничилось у насъ, какъ и на западѣ, сеньеріальной независимостью боярщинъ, боярскимъ „самосудомъ", но проявилось также въ разсѣяніи верховныхъ правъ по множеству княжескихъ вотчинныхъ удѣловъ. Ни одинъ бояринъ не сталъ у насъ княземъ-государемъ, но, повинуясь велѣньямъ эволюціи, племя великаго князя, приблизившись въ лицѣ княжатъ къ боярамъ, сохранило только тѣ полусуверенныя права, какія имѣли на западѣ бояре-бароны, узурпировавшіе частицы суверенитета.

Мнѣ могутъ сказать, что, какъ бы ни были похожи наши княжата на западныхъ полусуверенныхъ сеньеровъ, они отличаются тѣмъ, что права ихъ опираются всецѣло на наслѣдственное преемство власти. Но это отличіе мнимое. Западные князья и графы феодальной эпохи точно такъ же, какъ наши княжата, основываютъ свои права на наслѣдственности, хотя и не на родствѣ съ Каролингами, какъ наши князья — на родствѣ съ Рюрикомъ. Они опираются на наслѣдственность княжескихъ и графскихъ правъ; источникомъ же этихъ правъ является также власть государственная, королевская, потому что феодальные графы связываютъ свои права съ правами, делегированными королемъ ихъ предкамъ, графамъ-управителямъ. И, дѣйствительно, государственная власть крупнѣйшихъ территоріальныхъ княжествъ и графствъ развилась въ феодальную эпоху на основѣ древней графской власти на территоріальные округа. Наши княжата XIV—XVI вѣковъ и въ этомъ отношеніи похожи на западныхъ князей: дюковъ, герцоговъ и графовъ эпохи расцвѣта феодализма, какъ родные братья или какъ близкіе родственники.

III. Вассальная іерархія.

§ 29. *Вассальство и бенефицій въ феодальномъ договорѣ.*

На ряду съ раздробленіемъ верховной власти, проявляющимся какъ въ боярскомъ „самосудѣ" или въ сеньеріальномъ правѣ бояръ, такъ и въ полусуверенной власти, свойственной удѣльнымъ князьямъ и княжатамъ, мы находимъ въ Удѣльной Руси второе основное начало феодализма: объединеніе земледѣльцевъ-сеньеровъ договорными вассальными связями или вассальную іерархію.

Феодальный договоръ, какъ хорошо извѣстно, возникъ изъ тѣснаго соединенія вассальства съ бенефиціемъ. Соединеніе это было очень тѣсно въ теоріи; договоръ заключался не иначе, какъ при условіи пожалованія земли; вассалъ объявлялъ себя человѣкомъ сеньера за такой-то феодъ. Но, какъ ни тѣсно соединились въ этой формулѣ вассальство и бенефицій, они, однако, не слились, не переродились въ совершенно новый институтъ. Соединеніе вассальства съ бенефиціемъ въ феодѣ не было такимъ химическимъ сплавомъ двухъ элементовъ, который даетъ новое вещество съ совершенно новымъ свойствомъ, но такимъ механическимъ составомъ, въ которомъ оба смѣшанныхъ вещества легко разъединяются. Въ феодальномъ договорѣ и вассальство и бенефицій сохраняютъ свои свойства, остаются, какъ два элемента, не слитые, не перерожденные, но только соединенные. Эти два элемента легко разъединяются при анализѣ феодальнаго договора и даже въ феодальное время обозначаются каждый особо старыми терминами. Историки, даже строго придерживающіеся старой теоріи феодализма, называютъ феодаловъ вассалами и говорятъ о ихъ вассальныхъ обязанностяхъ. Въ феодальную эпоху бенефицій сохранилъ свое самостоятельное значеніе рядомъ съ вассальствомъ, не только по существу, но и въ терминологіи, потому что feodum первоначально означало не что иное, какъ beneficium (одно слово, beneficium—латинское, другое—латинизированное, германскаго корня), и по актамъ очень трудно опредѣлить, когда же собственно терминъ феодъ начинаетъ обозначать не пожизненное, легко отъемлемое пожалованіе-бенефицій, а наслѣдственное, хотя и также условное, но болѣе прочное владѣніе, феодъ, въ спеціальномъ позднѣйшемъ смыслѣ слова. Вассальство не переродилось, соединившись съ бенефиціемъ; оно сохранилось всецѣло въ феодальномъ договорѣ, слагающемся изъ двухъ особыхъ актовъ: акта вступленія въ вассальную службу и акта пожалованія земли. Разница только въ томъ, что теперь вассальство по самой формѣ договора закрѣплялось пожалованіемъ земли, хотя, однако, fief-terre нерѣдко замѣнялся fief-office и fief-argent. Старые термины (beneficium, vassus, senior) замѣнились новыми (feodum, homo,

dominus), но—замѣчаетъ Люшеръ—„отношенія, по существу, остались тѣми же самыми, той же природы“ *).

Феодальный договоръ легко разлагается на два его элемента по раздѣльнымъ актамъ, входящимъ въ его составъ: 1) оммажъ и вѣрности (hominium или homagium и fidelitas), скрѣпляющіе вассальныя обязанности и 2) актъ инвеституры или ввода во владѣніе,—пожалованіе бенефиція, феода. Оммажъ (hominium) представлялъ собою основной актъ признанія себя человѣкомъ (homo) господина, признанія частной личной зависимости, коренящійся въ древнѣйшемъ мундебурѣ. Это признаніе себя человѣкомъ господина закрѣплялось вторымъ актомъ: клятвой вѣрности (fidelitas, foi); эта клятва первоначально состояла въ торжественномъ обрядовомъ заявленіи вѣрности; позднѣе, подъ вліяніемъ христіанства, къ ней прибавленъ былъ христіанскій обрядъ клятвы надъ мощами святыхъ или надъ евангеліемъ. Такимъ признаніемъ себя человѣкомъ господина и клятвою вѣрности лицо принимало на себя, также какъ въ старину, обязанность вассальной службы, опредѣляемую двумя словами: „совѣтъ и помощь“ (consilium et auxilium). Затѣмъ, раздѣльно отъ этого заключенія стараго вассальнаго договора, слѣдуетъ инвеститура, символическая обрядность ввода во владѣніе. „Затѣмъ, графъ, читаемъ въ современной записи, палкою, которую онъ держалъ въ рукѣ, далъ инвеституру всѣмъ тѣмъ, кто описаннымъ образомъ обязался вѣрностью, оммажемъ и клятвою“.

Въ феодальномъ договорѣ вассальныя обязательства тѣсно соединяются съ пожалованіемъ земли (бенефиція-феода), и обрядность инвеституры непремѣнно слѣдуетъ, для полноты договора, за оммажемъ и клятвою вѣрности; они соединяются формально въ нѣчто цѣлое, въ договоръ собственно феодальный. Но по существу вассальство и бенефицій сохраняютъ каждый свое самостоятельное значеніе; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ выяснено выше (§ 24), реально перевѣшиваетъ пожалованіе земли, въ старой формѣ службы, всецѣло обусловленной пожалованіемъ бенефиція, въ другихъ случаяхъ—такое пожалованіе земли оказывается совершенной фикціей, какъ, напримѣръ, въ феодальныхъ договорахъ между крупными сеньерами, и реальное значеніе имѣетъ единственно обязательство службы, признаніе зависимости, то-есть договоръ вассальный, оммажа и вѣрности. Въ позднѣйшій періодъ феодальной эпохи центръ тяжести феодальнаго договора все болѣе переносится на его бенефиціальный элементъ, на пожалованіе земли; феодальный договоръ все болѣе „пускаетъ корни въ землю“; но чѣмъ болѣе углубляются историки въ изученіе сложныхъ феодальныхъ отношеній, тѣмъ къ болѣе позднему времени относятъ они тотъ моментъ, когда земля становится „религіей феодализма“.

Два начала дѣйствуютъ въ феодальную эпоху: древнѣйшая, чисто личная служба, оммажа и вѣрности, служба дружинная и вассальная, и, съ другой стороны, зависимость по землѣ, служба, строго обусловленная земле-

*) Les relations, au fond, sont restées de même nature. A. Luchaire, «Manuel,» c. 185.

владѣніемъ. Эти начала соединяются въ феодальномъ договорѣ, но не сливаются, такъ какъ въ различныхъ категоріяхъ такихъ договоровъ имѣетъ перевѣсъ то одно начало, то другое. Второе начало, службы съ земли въ строгомъ соотвѣтствіи съ пожалованной землею-феодомъ, торжествуетъ къ концу средневѣковья и, окончательно скрѣпляя личныя связи поземельными, служитъ опорою для усиленія и затѣмъ торжества новаго территоріальнаго государственнаго порядка.

Феодальный договоръ въ старой теоріи феодализма схематически прикрываетъ собою различныя реальныя отношенія и различныя начала порядка. Сравнительное же изученіе можетъ быть плодотворнымъ только тогда, когда оно опирается не на схему, а на дѣйствительность, когда основныя начала двухъ порядковъ сравниваются по ихъ не схематическому, а реальному значенію.

§ 30. *Боярская служба и служба вассальная.*

Основныя начала вассальной службы, одного изъ двухъ элементовъ феодальнаго договора, легко выясняются въ боярской службѣ удѣльнаго времени. Эта боярская служба представляетъ собою безусловно учрежденіе, тожественное по своей природѣ съ вассальствомъ феодальной эпохи.

Вассальство, какъ это доказано изслѣдованіями Бруннера, очень тѣсно связано преемственно съ древнѣйшей дружиной. Вассалъ точно такъ же, какъ древнѣйшій дружинникъ, прежде всего—вольный военный слуга своего господина. Также какъ дружинникъ, вассалъ—не подданный и не наемникъ, онъ свободный человѣкъ, обязавшійся вѣрно служить господину на полѣ брани. Отношенія вассаловъ, также какъ дружинниковъ, къ князю-господину опредѣляются одинаковымъ свободнымъ договоромъ военной службы и вѣрности. Но отношенія ихъ къ князю, одинаковыя по юридическому существу договора, въ то же время значительно различаются въ зависимости отъ различнаго хозяйственнаго положенія дружинниковъ и вассаловъ. Дружинники тѣсно связаны съ своимъ княземъ, потому что они связаны съ нимъ не только нравственно, клятвою вѣрности и службы, но и матеріально, хозяйственнымъ сожительствомъ съ княземъ. Тѣ и другіе—люди, близкіе къ князю, его люди (homines), люди его дома, его очага, его мундебура. Но дружинники принадлежатъ къ его дому, къ его очагу не только отвлеченно, но и реально; они, дѣйствительно, живутъ въ оградѣ его дома и грѣются и питаются у его очага. Они,—говоритъ Бруннеръ,—„ѣдятъ, пируютъ и спятъ въ палатахъ господина". Вассалы, наоборотъ, живутъ въ отдаленіи отъ господина, на своихъ земляхъ, пожалованныхъ или собственныхъ, и ведутъ свое самостоятельное хозяйство. Дружина превращается въ вассальство, когда дружинники изъ перехожихъ воиновъ становятся осѣдлыми землевладѣльцами, оставаясь воинами, и, уже только нравственно, людьми дома, очага-огнища своего господина.

Наша боярская служба, совершенно также какъ вассальство, находится въ тѣснѣйшей преемственной связи съ службой дружинной. Мнѣ нѣтъ надобности особенно настаивать на этомъ положеніи, потому что наши изслѣдователи согласно признаютъ близкое сходство русской дружины съ германской и, такъ же согласно, признаютъ, что въ позднѣйшей боярской службѣ удѣльнаго періода сохраняются основныя начала дружины. Нѣкоторые изслѣдователи, въ томъ числѣ, какъ мы видѣли выше, Соловьевъ, даже полагаютъ, что „бояре и слуги" сѣверныхъ князей не отличаются отъ дружинниковъ, что они сохраняютъ прежній характеръ товарищей, подвижныхъ спутниковъ князя, не пріобрѣтя той земельной осѣдлости, какою вассальство феодальной эпохи отличается отъ подвижной бродячей дружины. Другіе же историки замѣтили слѣды развитія на сѣверѣ частнаго землевладѣнія дружины, и нѣкоторые правильно полагали, что осѣдлость князей на сѣверѣ связана была съ осѣдлостью дружины. Извѣстный намъ изъ писцовыхъ книгъ фактъ широкаго развитія крупнаго землевладѣнія въ концѣ XV вѣка до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ боярщина всецѣло торжествовала надъ общиной, по французскому правилу nulle terre sans seigneur, даетъ, въ связи съ другими соображеніями, твердое основаніе полагать, что и въ болѣе раннее время въ Удѣльной Руси крупное боярское землевладѣніе уже имѣло большое значеніе, и что „бояре и слуги" удѣльныхъ князей имѣли земельную осѣдлость, подобно вассаламъ, и одинаково съ ними такою осѣдлостью отличались отъ дружинниковъ (см. §§ 5, 10, 20, 21).

Точно такъ, какъ вассалъ, и какъ древнѣйшій дружинникъ, нашъ удѣльный бояринъ—прежде всего военный слуга своего князя. Въ „военно-служебной обязанности вассала — говоритъ Бруннеръ—лежитъ столько же историко-юридическій, сколько и политическій центръ тяжести вассалитета". Этотъ центральный пунктъ вассальной службы выясняется вполнѣ въ нашей боярской службѣ многочисленными договорными грамотами князей, XIV—XV столѣтій. Эти грамоты свидѣтельствуютъ о непремѣнной обязанности бояръ слѣдовать за княземъ, когда онъ „садится на конь", то-есть выступаетъ въ военный походъ. Такъ, напримѣръ, великій князь Дмитрій Донской въ договорѣ 1388 года обязываетъ князя Владиміра Андреевича: „а коли ми будетъ самому всѣсти на конь, а тобѣ со мною, или тя куды пошлю, и твои бояре съ тобою". Эта боярская военная служба имѣла важное значеніе потому, что бояре не только лично выступали на войну, а всегда въ сопровожденіи болѣе или менѣе значительныхъ отрядовъ своихъ слугъ и людей.

Военная служба боярина, какъ и вассала, коренным образомъ отличается отъ военной повинности, связанной съ государственнымъ территоріальнымъ подданствомъ. Боярская служба, какъ и вассальство, основаны не на территоріальномъ подчиненіи, а на свободномъ договорѣ слуги съ господиномъ. Эта вторая основная черта вассальства выясняется также вполнѣ изъ тѣхъ же междукняжескихъ договоровъ удѣльнаго вре-

мени. Нѣкоторые изъ этихъ договоровъ рѣзко подчеркиваютъ независимость боярской службы отъ территоріальной подвластности: „а кто которому князю служитъ, гдѣ бы ни жилъ, тому съ тѣмъ княземъ и ѣхати, кому служитъ“ (1390), или: „а кто кому служитъ, тотъ съ своимъ осподаремъ и ѣдетъ“ (1434).

Связанный служебнымъ договоромъ съ княземъ, бояринъ былъ его вольнымъ слугою, потому что этотъ договоръ не связывалъ его неразрывно на всю жизнь, потому что бояринъ сохранялъ за собою право открыто порвать свою зависимость. Въ договорныя грамоты постоянно включалась извѣстная статья, обезпечивавшая свободу службы бояръ: „а боярамъ и слугамъ межи насъ (князей) вольнымъ воля“. Великіе и удѣльные князья при этомъ не только подтверждали боярское право отъѣзда, но и взаимно обязывались „не держать нелюбья“ на отъѣхавшихъ слугъ.

Эта статья междукняжескихъ договоровъ является главною опорою распространеннаго среди нашихъ историковъ мнѣнія о сохраненіи въ удѣльное время всецѣло древнихъ дружинныхъ отношеній, о крайней подвижности бояръ, о ихъ постоянныхъ „странствованіяхъ“ отъ одного князя къ другому, и отсюда о коренной противоположности между подвижностью Удѣльной Руси и устойчивой твердостью феодальнаго запада (§§ 5, 7). Такъ, Чичеринъ, сравнивая служебные договоры нашихъ бояръ съ вассальными, противополагалъ „временный“ характеръ нашихъ договоровъ „постоянному, наслѣдственному“ характеру западныхъ и отсюда дѣлалъ широкій выводъ о „прочности и крѣпости гражданскихъ отношеній на западѣ“ и о „совершенной шаткости“ ихъ у насъ.

Но всѣ соображенія этого рода основаны единственно на ошибочномъ представленіи о соотвѣтствующихъ отношеніяхъ запада и прежде всего на ошибочномъ пониманіи существа вассальной службы. Чичеринъ, въ частности, былъ введенъ въ заблужденіе въ свое время Вайцемъ, который, дѣйствительно, настаивалъ на неразрывности вассальнаго договора въ феодальную эпоху. Вайцъ полагалъ, что установленная капитуляріемъ Карла Великаго 813 года неразрывность вассальства, кромѣ четырехъ, строго опредѣленныхъ, случаевъ, удержалась въ послѣдующее время. Но по отношенію къ германскимъ порядкамъ ошибка Вайца въ послѣднее время исправлена Бруннеромъ, который доказываетъ, что „нѣмецкое и лангобардское ленное право не даетъ указаній на неразрывность вассалитета“. „То и другое право — говоритъ онъ — въ этомъ пунктѣ вернулось къ основоположеніямъ германскаго дружиннаго быта; а именно считалось, что вассалъ правоспособенъ, при условіи возвращенія лена, разорвать служебное отношеніе“.

То же начало сохранилось, по мнѣнію многихъ французскихъ историковъ, и во Франціи, несмотря на всѣ старанія феодальныхъ сюзереновъ закрѣпить за собою своихъ вассаловъ. По общему правилу, вассалъ и здѣсь свободенъ былъ „отказаться“ отъ своего сюзерена (se désavouer),

подъ условіемъ возвращенія ему своего бенефиція или феода. О помянутомъ капитуляріи 813 года, ограничивавшемъ свободу вассаловъ, Гизо говоритъ, что Карлъ Великій „не достигъ всего, что онъ хотѣлъ" и что „еще долгое время спустя чрезвычайная подвижность (une extrême mobilité) господствовала въ этой области отношеній". „Эта возможность разлучаться, порывать соціальную связь", несмотря на усилія законодательства ее ограничить или оформить,—говоритъ Гизо—„оставалась первоначальнымъ и господствующимъ принципомъ феодализма".

Вайцъ, настаивавшій на неразрывности вассальнаго договора въ теоріи, тѣмъ не менѣе, самъ признаетъ, что въ жизни она не существовала. „Памятники XI столѣтія – говоритъ онъ—наполнены отзвуками жалобъ на то, что присяга, данная князьями королю и вассалами своимъ господамъ, мало почитается, часто нарушается единственно изъ погони за выгодой, чтобы отъ другихъ получить бóльшія преимущества, новые лены". Во время частыхъ междоусобій князей соперниковъ—продолжаетъ Вайцъ—„вассалы присоединялись то къ одной сторонѣ, то къ другой, оставляли старыхъ господъ, чтобы отъ новыхъ получить большую выгоду... Здѣсь властвовала сила обстоятельствъ и давала просторъ произволу". И новый французскій историкъ феодализма, Люшеръ, говоритъ то же самое о Франціи; онъ говоритъ, что „феодальная независимость" здѣсь была „доведена до крайнихъ предѣловъ", что „связь вассальства и вѣрности безпрестанно разрывалась".

Итакъ, вассальный договоръ и на западѣ былъ такимъ же временнымъ, столь же непрочнымъ, какъ и у насъ. Западные вассалы были такими же вольными слугами, какъ и наши бояре. И все это позволяетъ сблизить боярскую службу съ вассальствомъ до признанія тожества ихъ, какъ правовыхъ учрежденій.

Кромѣ военной службы (servitium, auxilium), вассалы обязаны были также служить господину своимъ совѣтомъ (consilium). Они засѣдали въ совѣтѣ-куріи сюзерена и обязаны были являться къ его двору по его требованію. О нашихъ боярахъ-слугахъ удѣльнаго времени мы знаемъ также, что они служили своимъ князьямъ не только какъ воины, но и какъ совѣтчики, въ боярской думѣ. „Боярскій совѣтъ при князѣ удѣльнаго времени—говоритъ Ключевскій—не имѣлъ постояннаго состава... Иныя дѣла князь рѣшалъ, „сгадавъ" съ довольно значительнымъ числомъ совѣтниковъ; при рѣшеніи другихъ, повидимому, столь же важныхъ или столь же неважныхъ дѣлъ, присутствовало всего два-три боярина, даже при такихъ дворахъ, гдѣ ихъ всегда можно было собрать гораздо больше". Ту же неопредѣленность состава, какъ и устройства, отмѣчаетъ Люшеръ въ совѣтѣ-куріи высшихъ сюзереновъ XIII вѣка. „Этотъ совѣтъ—говоритъ онъ—по своему составу, по своей компетенціи, какъ и по условіямъ, въ которыхъ онъ проявляетъ свое дѣйствіе, не представляетъ ничего твердаго, постояннаго, окончательно установленнаго. Все въ немъ измѣнчиво и эластично, потому что онъ,

собственно говоря, состоитъ изъ приближенныхъ сеньора и потому, какъ по числу, такъ и по значенію этихъ приближенныхъ, можетъ сильно измѣняться со дня на день".

Служебный вассальный договоръ закрѣплялся у насъ и на западѣ сходными обрядностями. Закрѣплявшая вассальный договоръ въ феодальное время обрядность оммажа, также какъ древнѣйшая обрядность коммендаціи, врученія, состояла въ томъ, что вассалъ, въ знакъ своей покорности господину, становился предъ нимъ на колѣни и клалъ свои, сложенныя вмѣстѣ, руки въ руки сеньора; иногда, въ знакъ еще большей покорности, вассалъ, стоя на колѣняхъ, клалъ свои руки подъ ноги сеньора. У насъ находимъ вполнѣ соотвѣтствующую этой обрядности обрядность челобитья. Бояринъ у насъ билъ челомъ въ землю предъ княземъ, въ знакъ своего подчиненія. Въ позднѣйшее время выраженіе: „бить челомъ" употреблялось въ иносказательномъ смыслѣ униженной просьбы. Но въ удѣльное время это выраженіе обозначало дѣйствительное челобитье, поклонъ въ землю, какъ видно, изъ обычнаго обозначенія вступленія въ службу словами: „бить челомъ въ службу". Какъ на западѣ обрядность коммендаціи (врученія) совершалась не только при вступленіи въ вассальную службу, но и при защитномъ подчиненіи, точно такъ и у насъ, рядомъ съ выраженіемъ „бить челомъ въ службу", мы находимъ выраженіе „бить челомъ для береженья", относящееся къ зависимости защитной. Во второй половинѣ удѣльнаго періода одна обрядность челобитья считалась уже недостаточной для закрѣпленія служебнаго договора, и къ этой обрядности присоединяется церковный обрядъ, цѣлованье креста. Такая же церковная присяга, клятва на евангеліи, на мощахъ или крестѣ совершалась и на западѣ, для закрѣпленія феодальнаго договора, въ дополненіе къ старой обрядности коммендаціи или оммажа.

Какъ вступленіе въ вассальную зависимость совершалось открыто, публично, съ торжественной присягой, точно такъ и для разрыва вассальнаго договора требовалось, какъ непремѣнное условіе, открытое заявленіе объ отказѣ вассала отъ своего обѣщанія вѣрности. Измѣнникомъ считался только тотъ вассалъ, который оставлялъ своего сеньора, не заявивъ ему открыто о своемъ отреченіи отъ договора, о своемъ отказѣ—désaveu. Вольность вассала, какъ и дружинника, состояла именно въ этомъ правѣ открыто взять назадъ свою клятву вѣрности. Существо вассальнаго обязательства состояло именно въ обѣщаніи служить вѣрно, доколѣ это обѣщаніе не будетъ взято назадъ, доколѣ вассалъ не заявитъ открыто, что онъ больше не признаетъ себя слугою, человѣкомъ (homo) своего господина. „Я сохраню вѣрность, какъ тебѣ обѣщалъ,—говорилъ вассалъ сюзерену,—доколѣ буду твоимъ, и буду держать твое имѣніе".

Наши лѣтописи сохранили намъ драгоцѣнное извѣстіе о такомъ же формальномъ отказѣ нашихъ бояръ отъ службы. Когда нижегород-

скіе бояре въ 1392 г. рѣшили оставить своего князя Бориса Константиновича и перейти къ врагу его, московскому князю, то старѣйшій изъ бояръ Василій Румянецъ открыто заявилъ своему князю: „Господине княже, не надѣйся на насъ, уже бо есмы отнынѣ не твои, и нѣсть есмя съ тобою, но на тя есмы". Такъ точно на западѣ вассалъ, отказываясь отъ сеньера, открыто говорилъ ему: „Уже не буду тебѣ вѣрнымъ, не буду служить тебѣ и не буду обязанъ вѣрностью"...

Такое отреченіе отъ сеньера называлось на западѣ спеціальнымъ терминомъ défi и désaveu, отъ se désavouer. Нашъ древній терминъ отказъ, обозначавшій такое же отреченіе отъ господина, точно соотвѣтствуетъ термину désaveu. Отреченіе отъ службы называлось отказомъ, а вступленіе въ боярскую службу—приказомъ: „Били челомъ великому князю въ службу бояре новгородскіе и всѣ дѣти боярскіе и житіи, да приказався вышли отъ него". Наша боярская служба такъ близка къ вассальству, что въ нашей древности мы находимъ даже точно соотвѣтствующіе западнымъ термины: приказаться—avouer, отказаться—se désavouer. И главный терминъ, обозначающій существо отношеній боярина къ князю, терминъ слуга тожественъ не только по значенію, но и по корню слова съ терминомъ вассалъ, потому что вассалъ первоначально значило именно слуга; отношенія вассала къ сеньеру и позднѣе обозначаются терминами служба — servitium, служить—servire. При описаніи удѣльно-феодальнаго порядка въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, мы могли бы даже не пользоваться западными терминами, замѣнивъ ихъ однозначащими русскими. Къ сожалѣнію, спеціальное значеніе нашихъ средневѣковыхъ терминовъ затемняется для насъ инымъ, новымъ смысломъ тѣхъ же словъ. Но если мы хотимъ понять удѣльный порядокъ, то мы должны прежде всего усвоить этотъ особый средневѣковый смыслъ знакомыхъ намъ словъ, мы должны помнить, что слуга того времени не имѣетъ ничего общаго съ слугою, съ домашнимъ служителемъ нашихъ дней, а означаетъ и князя, и виднаго боярина, обязавшагося почетной военной службой своему князю, иначе говоря, означаетъ вассала.

Главныя черты описаннаго договора боярской службы находимъ мы и въ служебныхъ отношеніяхъ къ великимъ князьямъ мелкихъ удѣльныхъ князей. Какъ на западѣ одинъ и тотъ же вассальный договоръ объединялъ не только мелкихъ бенефиціаловъ съ сеньерами, но и высшія титулованныя сеньеріи и цѣлыя государства, такъ и у насъ междукняжескія отношенія, во второй половинѣ средневѣковья, приблизились по существу къ договору боярской службы.

Договорная грамота великаго князя рязанскаго съ великимъ княземъ литовскимъ 1430 года очень далека отъ междукняжескаго договора, какъ междугосударственнаго трактата. Несравненно болѣе слабый въ сравненіи съ литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ, рязанскій удѣльный князь Иванъ Ѳедоровичъ, также наслѣдственно именующійся

великимъ княземъ, признаетъ свое подчиненное служебное положеніе, называя Витовта своимъ осподаремъ, какъ называли всѣ зависимые люди своихъ господъ. Онъ заключаетъ этой грамотой, въ сущности, договоръ о боярской службѣ, во всѣхъ его основныхъ чертахъ. Это не междукняжескій договоръ, а служебный рядъ зависимаго князька съ его господиномъ, великимъ княземъ.

Рязанскій князь бьетъ челомъ своему осподарю Витовту, дается ему на службу и обѣщаетъ ему служить вѣрно и безхитростно: „Господину осподарю моему... добилъ есми челомъ, далъ ся есми ему на службу, и осподарь мой... принялъ меня на службу: служити ми ему вѣрно, безхитростно, и быти ми съ нимъ за одинъ на всякаго". Это не что иное, какъ обязательства службы и вѣрности (servitium и fidelitas), лежащія въ основѣ вассальнаго договора. Закрѣпляется онъ на западѣ обрядомъ врученія и колѣнопреклоненія, у насъ обрядомъ челобитья. Къ обряду оммажа присоединяется на западѣ церковная присяга, и въ разсматриваемой грамотѣ къ челобитью присоединяется крестоцѣлованье: „А на томъ на всемъ язъ... цѣловалъ крестъ своему осподарю". Князь-слуга, какъ и вассалъ, пользуется защитой своего осподаря: Витовтъ обязуется „боронити отъ всякаго" своего слугу, рязанскаго князя.

Неприкосновенность владѣній рязанскаго князя строго охраняется отъ поползновеній на нихъ его осподаря: „а великому князю Витовту въ вотчину мою не вступатися ни въ землю, ни въ воду". Мы знаемъ, что и на западѣ крупнѣйшія сеньеріи и особенно владѣнія-территоріи титулованныхъ сеньеровъ, при вассальномъ подчиненіи, сохраняли полную свою независимость; сюзерены также „не вступались въ ихъ землю и въ воду" и довольствовались номинальной зависимостью ихъ владѣній.

§ 31. *Подвассалы: слуги боярскіе, дѣти боярскіе.*

Вассалъ, служащій королю или крупному сеньеру, обыкновенно на западѣ имѣетъ подвассаловъ (вавассеровъ или arrière-vassaux), служащихъ ему по тому же самому вассальному договору, какимъ онъ самъ связанъ съ своимъ сюзереномъ. Эта-то іерархія или лѣствица зависимыхъ служебныхъ отношеній и составляетъ вторую основную черту феодализма.

Нашъ удѣльный бояринъ, вассальный слуга князя, наравнѣ съ своимъ западнымъ товарищемъ феодаломъ, имѣетъ своихъ слугъ, подчиненныхъ ему на тѣхъ же началахъ военной, вольной, договорной службы. Бояринъ, также какъ западный вассалъ, долженъ былъ имѣть своихъ военныхъ слугъ, потому что онъ исполнялъ вполнѣ свое обязательство службы, только тогда, когда по призыву князя „садился на конь", являлся въ военномъ снаряженіи не одинъ, а въ сопровожденіи болѣе или менѣе многочисленнаго отряда своихъ конныхъ слугъ и пѣшихъ людей.

О предшественникахъ удѣльныхъ бояръ, дружинникахъ мы знаемъ, что виднѣйшіе изъ нихъ имѣли собственныя дружины „отроковъ", не

смѣшивавшіяся съ дружиной княжеской. Дружина Игоря, по начальной лѣтописи, завидовала дружинѣ его боярина Свѣнельда, говоря: „Отроки Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази“ (945 г.). „Русская Правда“ отличаетъ отъ дружины княжеской „боярскую дружину“.

Четыре-пять столѣтій спустя, въ концѣ удѣльнаго періода, мы находимъ не менѣе ясныя свидѣтельства о боярскихъ дворахъ, о служилыхъ людяхъ бояръ, служащихъ имъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ сами бояре служатъ великимъ князьямъ. Послѣ покоренія Великаго Новгорода, по приказанію великаго князя Ивана III, были „распущены изъ княжескихъ дворовъ и изъ боярскихъ служилые люди“, и этимъ боярскимъ служилымъ людямъ московскій государь даетъ помѣстья, переводя ихъ изъ боярской зависимости (mouvance) въ непосредственную зависимость отъ самого себя, изъ „боярскаго двора“ въ „дворъ государевъ“.

Такое же ясное указаніе на боярскихъ слугъ и на вассальный характеръ ихъ службы даетъ тверская писцовая книга 1540 года. Терминъ „служить“ имѣетъ въ этой книгѣ спеціальный смыслъ службы военной, и на ряду со многими дѣтьми боярскими, помѣщиками и вотчинниками, въ ней названо много дѣтей боярскихъ, „служащихъ“ не великому князю, но зависящимъ отъ него князьямъ, боярамъ и тверскому архіепископу. Напримѣръ: „Иванъ служитъ царю и великому князю, а Богданъ служитъ владыкѣ тверскому“; „Огарокъ служитъ князю С. И. Микулинскому, а Шестой служитъ В. П. Борисову“. Число лицъ, служившихъ архіепископу, князьямъ и боярамъ, равняется половинѣ числа лицъ, служившихъ великому князю.

Отъ болѣе древняго времени находимъ указаніе на подвассаловъ въ великокняжеской грамотѣ, написанной около 1400 года. Великій князь Василій Дмитріевичъ такъ говоритъ въ этой грамотѣ о военной, вассальной службѣ бояръ и слугъ митрополиту: „А про войну, коли язъ самъ великій князь сяду на конь, тогда и митрополичимъ бояромъ и слугамъ“. И при этомъ, какъ бы подчеркивая вассальный характеръ службы митрополичьихъ бояръ, великій князь постановляетъ, что они должны идти на войну „подъ стягомъ великаго князя“, но „подъ митрополичьимъ воеводою“. Митрополичьи бояре и слуги составляли, такимъ образомъ, въ походѣ особый отрядъ, подъ начальствомъ своего воеводы, и лишь чрезъ его посредство подчиненный великому князю. Здѣсь даже въ военномъ походномъ распорядкѣ охраняется извѣстный принципъ вассальныхъ отношеній: „вассалъ моего вассала не есть мой вассалъ“, или если перевести эти слова соотвѣтствующими древнерусскими: „слуга моего слуги нѣсть мой слуга“. Феодальный характеръ службы митрополичьихъ и архіерейскихъ бояръ хорошо опредѣляетъ Каптеревъ, подобно многимъ нашимъ историкамъ, не сознающій этого значенія своихъ выводовъ изъ источниковъ или не находящій нужнымъ его отмѣтить. „Архіерейскіе бояре—говоритъ онъ—въ древнѣйшее время ничѣмъ не

разнились отъ бояръ княжескихъ по своему происхожденію и по своему общественному положенію... Они поступали на службу къ архіереямъ точно такъ же и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и къ князьямъ, т.-е. съ обязательствомъ отбывать военную повинность и нести службу при дворѣ архіерея, за что получали отъ него въ пользованіе земли". Бояре служатъ архіереямъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и великимъ князьямъ, то-есть по вассально-служебному договору. На тѣхъ же основаніяхъ, по тому же договору служили боярамъ ихъ слуги, подвассалы. Эти боярскіе слуги назывались въ удѣльное время дѣтьми боярскими.

По распространенному въ наше время взгляду, дѣти боярскіе удѣльнаго времени были обѣднѣвшими сыновьями бояръ. Этотъ, высказанный впервые Рейцемъ, взглядъ на дѣтей боярскихъ, какъ на обѣднѣвшихъ потомковъ бояръ, поддерживаетъ В. И. Сергѣевичъ. Онъ, однако, не приводитъ въ подтвержденіе его никакихъ данныхъ, кромѣ очень простого, буквальнаго толкованія термина: дѣти боярскіе суть дѣти — сыновья бояръ, и отсюда также ихъ внуки и правнуки. Въ наше время мы, дѣйствительно, знаемъ сыновей коллежскихъ регистраторовъ и титулярныхъ совѣтниковъ, но эта полицейская терминологія возникла оттого, что званіе коллежскаго регистратора есть не наслѣдственное сословное званіе, а личный чинъ. Боярство у насъ стало чиномъ очень поздно, съ XVII вѣка, когда московскіе государи начали „сказывать боярство"; въ удѣльное же время терминъ бояринъ обозначалъ сословнаго привилегированнаго землевладѣльца; а сыновья и внуки бояръ, какъ бы они ни обѣднѣли, оставались боярами, какъ въ наши дни попавшіе въ босяки дворяне остаются дворянами.

Карамзинъ давно уже напалъ на вѣрное объясненіе термина „дѣти боярскіе", сблизивъ ихъ съ „боярскими отроками" дружинной эпохи. Это объясненіе, раздѣлявшееся и нѣкоторыми другими изслѣдователями до 50-хъ годовъ, можетъ быть обосновано многими соображеніями, кромѣ приведеннаго выше аргумента о наслѣдственности боярства. Слово „дѣтя", по Срезневскому, въ древности значило не только дитя и сынъ, но и юноша и отрокъ. „Дѣти боярскіе" это только новое названіе „отроковъ боярскихъ", боярской дружины или боярскаго двора. Обѣднѣвшіе, упавшіе потомки бояръ остаются наслѣдственно боярами и иногда называются уничижительно не дѣтьми боярскими, но бояришками, какъ позднѣе мелкіе князья назывались княжатами. Изъ сопоставленія грамотъ XV вѣка выясняется, что терминъ дѣти боярскіе замѣняется въ нихъ словами боярскіе люди и дворяне, то-есть люди, принадлежащіе къ боярскому двору.

При торжествѣ государственнаго порядка надъ порядкомъ удѣльнымъ въ XV—XVI вѣкахъ дѣти боярскіе стали слугами московскаго государя, причемъ заняли второе мѣсто послѣ людей, принадлежавшихъ къ двору великаго князя или его дворянъ. Упомянутое выше извѣстіе о томъ, какъ Иванъ III вывелъ изъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ

боярскихъ слугъ и надѣлилъ ихъ помѣстьями, характеризуетъ процессъ превращенія при Иванѣ III и позже дѣтей боярскихъ, т.-е. слугъ, дворянъ боярскихъ въ слугъ великокняжескихъ. Ломая указанный выше принципъ: „слуга моего слуги нѣсть мой слуга", усилившіеся московскіе государи переводятъ дѣтей боярскихъ изъ боярскихъ дворовъ въ свой дворъ. Въ этомъ государевомъ дворѣ дѣти боярскіе, естественно, заняли второе мѣсто послѣ дворянъ государевыхъ. И въ XVII вѣкѣ „дворяне" составляли первый „чинъ" служилыхъ людей, а „дѣти боярскіе"— второй.

Въ переходѣ дѣтей боярскихъ изъ зависимости боярской въ зависимость великокняжескую мы узнаемъ явленіе, хорошо извѣстное въ исторіи феодализма. На западѣ еще въ эпоху расцвѣта феодализма территоріальные князья всячески старались привести въ непосредственную свою зависимость (mouvance) подвассаловъ, зависѣвшихъ отъ нихъ, по указанному принципу феодальныхъ отношеній, лишь чрезъ посредство вассаловъ. Въ нѣкоторыхъ княжествахъ подвассалы перешли въ непосредственную зависимость отъ территоріальныхъ государей, князей очень рано, въ другихъ—лишь при полномъ торжествѣ государственнаго порядка.

§ 32. *Защита.*

Вассальный договоръ, съ точки зрѣнія обязанностей господина, является однимъ изъ защитныхъ отношеній, широко распространенныхъ въ до-феодальную и въ феодальную эпоху. Въ древнѣйшій дружинный періодъ эта княжеская защита выражалась, между прочимъ, въ повышенной до тройного размѣра вирѣ, охранявшей жизнь и честь дружинниковъ. Въ феодальную эпоху, какъ и раньше, право вассаловъ на особую защиту со стороны ихъ господина проявлялось въ ихъ непосредственной подсудности сеньеру. О такомъ же правѣ нашихъ бояръ свидѣтельствуютъ жалованныя грамоты, которыя обезпечиваютъ боярамъ, какъ и игуменамъ, личный судъ князя, помимо намѣстниковъ: „а кому будетъ чего искать на NN или на ихъ приказчикѣ, ино ихъ сужу язъ самъ, князь великій, или мой бояринъ введеный".

Рядомъ съ защитной служебной зависимостью, въ Удѣльной Руси, какъ и въ другихъ феодальныхъ странахъ мы находимъ и собственно защитную зависимость или патронатъ. Подзащитные люди назывались у насъ людьми заступными, людьми задавшимися и особенно закладнями, отъ глагола закладываться, въ смыслѣ задаваться, укрываться, отдаваться подъ защиту. Изслѣдователи наши, за исключеніемъ Соловьева, видѣли въ „закладняхъ" и „закладчикахъ" людей, отдавшихъ себя въ залогъ по закладному контракту. Но тутъ нашихъ историковъ ввелъ въ заблужденіе, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, старый терминъ „закладываться", который они очень неосторожно объяснили по современному намъ смыслу того же слова. Между тѣмъ слово закладываться

въ древности имѣло особый смыслъ: задаваться, укрываться, защищаться. Это подтверждается большимъ числомъ собранныхъ мною цитатъ изъ памятниковъ. Въ Ипатьевской лѣтописи, напримѣръ, слово заложиться нѣсколько разъ встрѣчается въ значеніи укрыться, заслониться ночью, лѣсомъ, рѣкою: „Есть рѣка у Любча и пришедше сташа, заложившеся ею", или „а еще стоить, заложивъся лѣсомъ". Въ актахъ XV—XVI столѣтій выраженіе „заложиться за кого-нибудь" часто обозначаетъ государственное подчиненіе, съ оттѣнкомъ защиты, обереганія. Такъ, на соборѣ 1566 года духовенство, разсуждая о захватѣ польскимъ королемъ ливонскихъ городовъ, говорило: „а достальные нѣмцы, видя свое неизможеніе, заложилися за короля и со своими городы, и король тѣ городы ливонскіе держитъ за собою въ обереганьѣ неподѣльно". Такъ, напримѣръ, казанскій лѣтописецъ писалъ о черемисахъ: „Нагорняя Черемиса отступиша отъ нихъ (казанцевъ) вся и заложися за московскаго царя". Произведенныя отъ слова „закладываться за кого-нибудь", въ смыслѣ задаваться, слова „закладень" и „закладчикъ" означали задавшагося, подзащитнаго человѣка. Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, статейный списокъ начала XVII вѣка называетъ кавказскихъ „кумыцкихъ князей закладчиками Турскаго царя".

Закладничество означало вступленіе подъ защиту сильнаго человѣка, одинаковое съ западно-европейской коммендаціей. Также какъ на западѣ, мы находимъ въ удѣльное время не только коммендацію личную, но и земельную, коммендацію лица съ землей. Грамоты наши говорятъ о „заложившихся селахъ", о „задавшихся волосткахъ", о „селахъ, зашедшихъ безъ кунъ", то-есть о безденежной, защитной коммендаціи лицъ, вмѣстѣ съ принадлежавшими имъ селами и волостками.

Задавшіеся люди у насъ, какъ и на западѣ, становясь людьми своего господина, освобождались подъ его заступой отъ подчиненія государственной власти даже въ XVII вѣкѣ; посадскіе люди жаловались, что закладчики, „съ промысловъ своихъ и съ вотчинъ государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, а живутъ всегда во льготѣ", и что „воеводы на тѣхъ людей въ ихъ насильствахъ суда не даютъ". Въ XVII вѣкѣ, въ московскомъ государствѣ главною причиною развитія закладничества было стремленіе лицъ освободиться подъ заступой боярина отъ тяжелаго бремени налоговъ; для той же цѣли освобожденія отъ налоговъ и въ римскомъ государствѣ люди бѣжали подъ защиту патроновъ (ad patrocinia confugere). Въ удѣльный же періодъ у насъ, какъ на западѣ въ феодальную эпоху, люди задавались-коммендировались, главнымъ образомъ, для того, чтобы подъ рукою, „подъ державою" господина найти себѣ личную и имущественную безопасность, защиту отъ насилій всякаго рода, оборону „отъ сильныхъ людей насильства".

Ясныя указанія на защитный характеръ закладничества, сохраняющійся въ немъ отчасти очень поздно, даже при московскихъ государственныхъ порядкахъ, даютъ новые, печатаемые мною, акты о за-

кладчикахъ XVII вѣка. Изъ этихъ актовъ видно, что вступленіе въ защитную зависимость закрѣплялось у насъ тою же самою обрядностью челобитья, какъ и боярская служба. Какъ бояре „били челомъ князю въ службу“, такъ закладни „били челомъ боярину для береженья“. На западѣ точно также обрядность коммендаціи: врученія и колѣнопреклоненія примѣнялась одинаково и при заключеніи вассальнаго договора, и при договорѣ защитномъ.

Въ грамотахъ удѣльнаго времени мы находимъ ясныя указанія и на особую княжескую защиту, учрежденіе одной природы съ королевской защитой или мундебуромъ. Слово мундебуръ равнозначуще съ словомъ защита; въ латинскихъ актахъ писали: „быть подъ мундебуромъ и л и подъ защитой“. Взявъ кого-либо подъ свою защиту, король особой грамотой приказывалъ своимъ чиновникамъ оказывать ему всякое покровительство и содѣйствіе, грозя за насиліе, совершенное надъ подзащитнымъ человѣкомъ повышенной пеней. У насъ точно также великій князь Иванъ Калита беретъ подъ особое свое покровительство печерскихъ сокольниковъ, приказывая своему чиновнику: „блюди ихъ, а въ обиду ихъ не выдавай никому“. Въ серединѣ XV вѣка Великій Новгородъ беретъ подъ свою особую защиту купцовъ Троицкаго Сергіева монастыря, приказывая двинскимъ посадникамъ и боярамъ „боронить купчину Сергіева монастыря“: „а вы блюдите монастырскаго купчину и его людей, к а к ъ с в о и х ъ, занежъ весь господинъ Великій Новгородъ ж а л о в а л ъ С е р г і е в ъ м о н а с т ы р ь д е р ж а т ь с в о и м ъ; и вы посадники, и бояре, и ихъ приказники, и всѣ пошлинники сей грамоты новгородскіе не ослышьтеся“.

Если сравнить эти слова новгородской грамоты съ соотвѣтствующими словами защитной грамоты Людовика Благочестиваго, то нетрудно убѣдиться, что въ сильныхъ выраженіяхъ русской грамоты ярче выступаетъ характеръ разсматриваемыхъ отношеній мундебура, чѣмъ въ грамотѣ латинской. Людовикъ Благочестивый говоритъ своимъ чиновникамъ только слѣдующее: „вы должны оказывать имъ (купцамъ) помощь или мундебуръ все время, пока они будутъ заниматься своимъ дѣломъ, чтобы благодаря намъ они возвратились здравы и невредимы“. Новгородская же грамота характернѣе не только по силѣ выраженій, но и по обоснованію защиты. Троицкій Сергіевъ монастырь не былъ подвластенъ Великому Новгороду, но „весь господинъ Великій Новгородъ жаловалъ Сергіевъ монастырь д е р ж а т ь с в о и м ъ“. Въ этомъ признаніи человѣка с в о и м ъ, принадлежащимъ къ дому господина, и выражается основа защиты-мундебура. Источникомъ какъ дружинно-защитныхъ, такъ и другихъ защитныхъ отношеній у насъ, какъ и на западѣ, былъ священный нѣкогда союзъ дома, очага-огнища, союзъ мундебура, ведущій свое начало изъ глубокой древности.

Связанное съ этими отношеніями признаніе человѣка с в о и м ъ — лежитъ въ основѣ не только защитнаго, но и дружинно-вассальнаго

союза. „Я буду тебѣ вѣрнымъ — говоритъ вассалъ, — доколѣ буду твоимъ“ (quandiu tuus fuero). Тѣмъ же самымъ словомъ опредѣляютъ и наши удѣльные слуги въ XV вѣкѣ свои отношенія къ князьямъ-господамъ: „господино государь, твой есмь человѣкъ... а всегда есми твой“.

IV. Служба съ земли.

§ 33. *Бенефицій—жалованье.*

Мы выяснили существованіе въ Удѣльной Руси вассальной іерархіи или лѣствицы лицъ, связанныхъ однимъ и тѣмъ же служебнымъ договоромъ, лѣствицы великихъ князей, княжатъ, бояръ и дѣтей или слугъ боярскихъ. На западѣ эта іерархія была въ феодальную эпоху столько же вассальной, сколь и феодальной, въ тѣсномъ смыслѣ слова; это была іерархія столько же лицъ, сколько и земель, феодовъ, такъ какъ въ феодальномъ договорѣ отношенія личныя, вассальныя соединялись съ отношеніями поземельными, феодальными или ленными. Была ли у насъ вассальная іерархія связана съ поземельной? Была ли у насъ боярская и княжеская служба обусловлена землевладѣніемъ?

Историки наши, уступая неохотно нѣкоторые пункты сходства между удѣльными порядками и феодальными, даютъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Сжившись издавна съ убѣжденіемъ о коренномъ своеобразіи русской древности, они стараются удержать хоть эту позицію, уступивъ другія, и настаиваютъ на несвязанности у насъ службы съ землей, опять-таки, какъ на „основномъ“, „коренномъ“, „глубокомъ“ различіи между русскимъ удѣльнымъ порядкомъ и феодальнымъ. Такъ, В. О. Ключевскій, признавая сходныя „черты“, „моменты“ и „элементы“, какъ онъ разно ихъ называетъ, выдвигаетъ отсутствіе у насъ „основной феодальной особенности“: „соединенія служебныхъ отношеній съ поземельными“. И П. Н. Милюковъ отыскиваетъ „глубокую черту различія между русскимъ феодализмомъ и западнымъ“, въ отсутствіи у насъ „коренной черты западнаго феодализма: зависимости по землѣ“.

Тѣсная обусловленность службы землевладѣніемъ была установлена у насъ какъ всеобщее обязательное правило въ XVI вѣкѣ. Иванъ Грозный повелѣлъ „съ вотчинъ и помѣстій уложенную службу учинити“, установивъ и общія нормы этой службы: „со ста четвертей доброй угожей земли человѣкъ на конѣ въ доспѣхѣ въ полномъ, а въ дальній походъ о дву конь“. Обязанность такой военной службы возложена была какъ на помѣщиковъ, такъ и на вотчинниковъ, на всѣхъ, „кто держитъ землю“. По общему правилу, „земля не должна выходить изъ службы“. „Земля сама по понятіямъ того времени—говоритъ Загоскинъ—служитъ государству; вотчинникъ является только лицомъ, въ которомъ выражается служебная сила земли“.

Указъ Ивана Грознаго объ „уложенной службѣ съ вотчинъ и помѣстій“, какъ и другіе его указы (напримѣръ, о мѣстномъ самоуправленіи), не создаетъ, конечно, новаго права изъ ничего, а тѣсно связывается съ порядками удѣльной эпохи. Въ этой службѣ съ земли нова только ея всеобщая обязательность и ея точно установленные размѣры, ея регламентація по нормѣ: со ста четвертей земли человѣкъ на конѣ въ доспѣхѣ полномъ, а въ дальній походъ на двухъ коняхъ. Эта всеобщая обязательность и регламентація являются слѣдствіемъ укрѣпленія государственной власти. Но начало службы съ земли, конечно, какъ то и подтверждается многими извѣстіями, идетъ изъ старины. Въ удѣльное время, однако, такая служба съ земли не была всеобще обязательной, какъ при Грозномъ, но обусловливалась свободнымъ договоромъ боярина съ княземъ.

Черты такой свободной службы съ земли удѣльнаго времени ясно обрисовываются въ упомянутой выше тверской писцовой книгѣ. Описывая имѣнія мелкихъ вотчинниковъ, дѣтей боярскихъ, писецъ въ этой книгѣ отмѣчалъ, кому они „служатъ“: „Юмранъ служитъ царю и великому князю, а братья его служатъ князю Д. И. Микулинскому, Алабышъ не служитъ никому“. Часть вотчинниковъ служила великому князю; часть служила князьямъ и боярамъ, но многіе заявляли, что они „не служатъ никому“. Это—точь-въ-точь, какъ въ описяхъ феодовъ. „Даже въ XIII столѣтіи—говоритъ Люшеръ—территоріальныя отношенія между феодами далеко еще не опредѣлены въ точности. Въ большей части описей феодовъ или общихъ переписяхъ, устанавливающихъ отношенія большой сеньеріи, часто встрѣчаются отмѣтки въ родѣ слѣдующей: N не знаетъ, отъ кого держитъ феодъ *). Безспорно, что высшій сюзеренъ, по приказанію котораго производится перепись, пользуется этой неопредѣленностью зависимости, чтобы перенести ее на себя. Тѣмъ не менѣе, нельзя не заключить изъ этого, что собственникъ феода могъ (быть-можетъ, въ теченіе многихъ столѣтій) никому не давать оммажа или переносить свой оммажъ отъ одного сеньера къ другому по капризу или изъ выгоды“.

Общій феодальный принципъ службы съ земли, вассальной службы за такой-то феодъ, представляетъ собою, какъ выяснено выше (§ 24), лишь теоретическое обобщеніе глубоко различныхъ по существу отношеній. Одни феодалы служили съ земли, пожалованной имъ сеньеромъ; другіе служили съ собственной своей земли, прочно ими освоенной и лишь номинально переданной въ обладаніе сеньера. Одни, при малѣйшемъ нарушеніи ими условій вассальнаго договора, напримѣръ, когда они, нарушая права сеньера, ловили рыбу въ его прудѣ, лишались пожалованныхъ имъ служебныхъ надѣловъ; другіе же, наоборотъ, иногда по простому капризу, свободно передавались не только лично, но и со своею землею отъ одного сюзерена къ другому, отъ французскаго короля къ англійскому или отъ

*) N nescit, a quo feodum tenet.

одного графа къ другому. Одни феоды, дѣйствительно, были условными владѣніями такъ же, какъ древніе бенефиціи, другіе, наоборотъ, какъ сеньеріи-боярщины, состояли въ безусловномъ, наслѣдственномъ, „вотчинномъ“ владѣніи феодаловъ, и высшая власть (dominium eminens) сюзерена на ихъ земли была совершенною фикціею.

При сравнительномъ изученіи мы, само-собою разумѣется, никакъ не можемъ исходить изъ теоретическихъ обобщеній, но должны искать въ двухъ сравниваемыхъ порядкахъ близости реальныхъ основаній строя *).

Въ удѣльной Руси мы находимъ оба указанныхъ реальныхъ основанія феодальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ слова, порядка; мы находимъ здѣсь боярскую службу съ земли пожалованной, иначе феодъ съ характеромъ бенефиція, и находимъ также боярскую службу съ собственной земли боярина, съ его вотчины, соотвѣтствующую службѣ феодала съ его собственной земли, съ феода-сеньеріи, съ феода-аллода (§ 24).

Владѣніе землею, обусловленное службою, явилось у насъ впервые никакъ не въ XV—XVI вѣкахъ, когда является у насъ извѣстный терминъ помѣстье, обозначающій такое именно условное землевладѣніе, и возникло оно у насъ никакъ не подъ внѣшнимъ византійскимъ вліяніемъ, какъ думаютъ нѣкоторые историки. Помѣстье, какъ обусловленное службой владѣніе, тожественное съ бенефиціемъ, существовало еще въ удѣльное время, и называлось оно тогда другимъ словомъ: жалованье, словомъ, представляющимъ собою какъ бы буквальный переводъ соотвѣтствующаго латинскаго термина beneficium, благодѣяніе, милостыня, пожалованіе. Въ духовной грамотѣ 1462 г. великій князь пишетъ: „А кому буду давалъ своимъ княземъ, и бояромъ, и дѣтемъ боярскимъ свои села въ жалованье“, т.-е. in beneficium. Въ другой грамотѣ упоминаются „деревни—княжеское жалованье“, время пожалованія которыхъ относится къ началу XV вѣка. Въ духовной грамотѣ 1388 года перечисляются „села и слободки за слугами“. Относительно такихъ слугъ, владѣвшихъ жалованьями-бенефиціями, князья не разъ условливаются въ своихъ междукняжескихъ договорахъ: „а кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ,.. инъ земли лишенъ“. Объ одномъ изъ такихъ слугъ, условно владѣвшихъ пожалованнымъ ему селомъ, о Борискѣ Ворковѣ, Иванъ Калита говоритъ въ своей духовной 1328 года: „аже иметь сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ; не иметь-ли служити, село отоимутъ“. Такъ точно въ позднѣйшихъ грамотахъ на пожалованіе помѣстья писали: „А пожаловалъ есми N тою деревнею, доколѣ служитъ N мнѣ и

*) Такъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ, если мы будемъ держаться буквы теоретической характеристики феодализма, какъ такого строя, въ которомъ господствуетъ условность землевладѣнія, начало условной службы съ земли, то мы должны будемъ признать, что царство Ивана Грознаго, когда было твердо установлено общее правило службы съ земли, со всякой земли, какъ съ помѣстій, такъ и съ вотчинъ, было истинно феодальнымъ государствомъ. Но мы придемъ къ иному выводу, если вникнемъ въ существо отношеній. Всеобщая служба съ земли явилась при Иванѣ Грозномъ, какъ обще-обязательное государственное требованіе, и эта общеобязательность исключала основное начало феодализма: свободный договоръ о службѣ.

моимъ дѣтямъ“; это опять какъ бы переводъ соотвѣтствующаго латинскаго текста о пожалованіи бенефиція: „доколѣ будетъ вѣрно служить намъ и любезному нашему сыну“.

Точно такъ же, какъ слободки, села и деревни, жаловались у насъ въ удѣльное время и должности въ соотвѣтствующее земельному владѣнію условное пользованіе или въ кормленіе. Какъ на западѣ такія пожалованныя должности назывались, одинаково съ пожалованными землями,—сначала бенефиціями, а позднѣе феодами (fief-office), такъ и у насъ должности-кормленія называются, одинаково съ селами, равнозначащимъ терминомъ: жалованье (beneficium): „А жалованье за Ощерою Ивановичемъ бояриномъ были Коломна... Руса обѣ половины“. Города, отданные въ управленіе боярину, называются его „жалованьемъ“. Древнѣйшая грамота на пожалованіе волости въ управленіе—кормленіе (кормленіе отъ слова кормить—управлять, какъ кормчій—управитель), относится къ XIV вѣку.

§ 34. *Служба съ вотчины.*

Кромѣ такой боярской службы съ жалованья, то-есть съ пожалованной боярину земли, или съ феода-бенефиція, мы находимъ въ удѣльное время и боярскую службу съ вотчины, съ прочно принадлежащей слугѣ боярщины или съ феода-сеньеріи.

Съ точки зрѣнія феодальной теоріи феодъ-сеньерія есть такое же, строго обусловленное службой, владѣніе, какъ и реально пожалованный участокъ земли, или феодъ-бенефицій. Но, въ дѣйствительности, какъ выяснено выше (§ 24), „феодальный“ характеръ сеньеріи выражается только въ признаніи ея подвластности высшему территоріальному господству сюзерена, подвластности земли, обусловленной личнымъ подчиненіемъ ея собственника, иначе говоря, въ коммендаціи лица съ землею, сеньера вмѣстѣ съ его сеньеріей. По отношенію къ нашей древности вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, существовала ли у насъ эта коммендація лица съ землею, обусловливалъ ли у насъ свободный договоръ боярской службы подвластность боярщины князю, господину?

Коммендація лица съ землей вообще у насъ несомнѣнно существовала; я говорилъ уже выше о закладничествѣ селъ, слободокъ и волостокъ, то есть о коммендаціи владѣльцевъ селъ, слободокъ и волостокъ, вмѣстѣ съ принадлежавшей имъ землей.

Изъ общаго закладничества селъ, конечно, у насъ не исключались и боярскія села, боярскія вотчины или боярщины. Если у насъ даже мелкіе своеземцы, смерды и купчины, какъ видно изъ договорныхъ грамотъ, закладывались или задавались, то-есть коммендировались, вмѣстѣ съ своей землею, то и бояре, собственники крупныхъ боярщинъ, должны были имѣть право челобитья въ службу вмѣстѣ съ своей землей. Крупная боярская вотчина, благодаря сеньеріальному праву или иммунитету,

представляла у насъ, какъ на западѣ сеньорія, своего рода государство въ государствѣ; также какъ сеньорія, она была ограждена отъ въѣзда велико-княжескихъ намѣстниковъ и волостелей; тѣмъ легче могла она отдѣлиться отъ территоріи княжества, порвать непрочную нить, привязывавшую ее къ этой территоріи. И наши источники удѣльнаго времени, несмотря на всю ихъ случайность и скудость, даютъ намъ нѣсколько ясныхъ указаній на то, что договоръ боярской службы влекъ за собою территоріальную подвластность боярской вотчины, что наши бояре переходили отъ одного князя къ другому съ своими землями, иначе говоря, имѣли „право отъѣзда съ вотчинами", что удѣльный бояринъ, какъ и западный сеньеръ, былъ не только вольнымъ слугою, но и вольнымъ вотчинникомъ.

Вслѣдствіе крайней скудости нашихъ источниковъ удѣльнаго времени, намъ не разъ уже приходилось начинать съ извѣстій позднѣйшихъ, эпохи разрушенія удѣльнаго порядка. Такъ и здѣсь мы начнемъ съ духовной грамоты Ивана III, 1504 года, въ которой находимъ опредѣленное указаніе на древній обычай боярской коммендаціи вмѣстѣ съ землею; „а бояромъ и дѣтямъ боярскимъ ярославскимъ—постановляетъ Иванъ III—съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына Василья не отъѣхати никому никуда".

Такія же, не менѣе ясныя указанія на боярскую коммендацію лица съ землей находимъ мы въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ XV вѣка. Такъ, въ 1461 году великій князь Василій Васильевичъ „пожаловалъ" Алексѣя Краснослѣпа пустошью, „его отчиною". Такъ, Иванъ III въ грамотѣ 1487 года „пожаловалъ" Ивашка Глядящаго льготами на его село, „что билъ челомъ... и съ своею вотчиною". Въ этихъ грамотахъ, совершенно какъ въ феодальномъ договорѣ аллодіальнаго собственника, сеньора, великій князь „жалуетъ" своего слугу ему же принадлежащей землей, „его же отчиною". Нашъ бояринъ, „отъѣзжающій съ вотчиной", „бьющій челомъ" великому князю, „съ своею вотчиною" безспорно тотъ же феодалъ, коммендирующійся—„вручающійся" сюзерену со своей сеньеріей или со своимъ аллодомъ. Мы знаемъ, что и во Франціи феодалы очень долго, даже въ XIII столѣтіи (когда, казалось бы, уже вполнѣ торжествовалъ феодальный—ленный порядокъ), вручившись сюзерену съ частью своей земли, другую часть оставляли въ полной своей алодіальной—„вотчинной" собственности и только подъ давленіемъ все усиливающейся территоріально-государственной власти князя-сюзерена, иногда только за денежное вознагражденіе, вручались ему также и съ этими своими вотчинными—алодіальными землями.

Отношенія бояръ къ князьямъ, служебныя и поземельныя, были у насъ, какъ и на западѣ, одинаковы съ отношеніями къ князьямъ духовныхъ владыкъ: митрополита, архіепископовъ и игуменовъ. И какъ бояре били челомъ князьямъ съ своими отчинами, такъ точно и игумены

монастырей переходили изъ подвластности одного князя къ другому, вмѣстѣ со всѣми монастырскими владѣніями. Фактъ такого перехода Волоколамскаго монастыря изъ власти удѣльнаго князя волоцкаго Федора Борисовича подъ власть московскаго великаго князя Василія III, въ 1507 году, извѣстенъ хорошо по разсказу житія, который подтверждается нѣсколькими грамотами. Іосифъ Волоколамскій основалъ свой монастырь въ концѣ XV вѣка на землѣ волоцкаго князя Бориса, въ глухомъ лѣсу, при дѣятельномъ содѣйствіи князя, и быстро увеличилъ свои владѣнія благодаря его земельнымъ вкладамъ и льготнымъ грамотамъ. Князь Борисъ умираетъ, а наслѣдовавшій его княжескій столъ, сынъ его Федоръ, начинаетъ притѣснять обитель. Попытка Іосифа „утѣшити" князя „мздою", иконами работы знаменитаго иконописца Андрея Рублева и Діонисія, а также „платьемъ съ постригшихся" не достигаютъ цѣли. Тогда Іосифъ обратился къ московскому великому князю съ просьбою принять монастырь не только подъ свое покровительство, но и въ свое обладаніе: „да простретъ руку свою и пріиметъ монастырь в ъ п о к р о в ъ и с о б л ю д е н і е с в о е, да не запустѣетъ и до конца не погибнетъ отъ многихъ неправдъ". Великій князь, стягивавшій всякими средствами удѣльныя земли подъ свою власть, не отказалъ игумену въ этой просьбѣ и „взя обитель Пречистыя въ свою державу", „подъ свою царскую руку". Этотъ переходъ игумена съ монастыремъ изъ одного княжества въ другое обозначенъ въ житіи характернымъ для этихъ порядковъ терминомъ: о т к а з ъ—désaveu: Іосифъ „о т к а з а л с я отъ своего государя въ великое государство". Составитель житія замѣчаетъ, что это совершилось по древнему обыкновенію: „яко въ древнихъ лѣтахъ сія быша, отъ обидъ меньшихъ къ большимъ прибѣгали".

Таковы совершенно ясныя, не допускающія двухъ толкованій, свидѣтельства существованія у насъ въ удѣльное время перехода монастырей изъ одного княжества въ другое, отъѣзда бояръ съ вотчинами, ихъ „челобитья князьямъ съ вотчиною", то-есть коммендаціи лица съ землей, этой важнѣйшей черты, какъ выяснено выше, права феодала на его землю-сеньерію. На основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ мы можемъ утверждать, что и у насъ, какъ на западѣ въ феодальномъ договорѣ между сеньерами, служебное подчиненіе боярина князю связывалось съ подвластностью этому князю боярской вотчины.

Такъ же, какъ бояре и монастыри, переходили у насъ отъ одного великаго князя къ другому и служебные князья вмѣстѣ со своими владѣніями, или „отъѣзжали съ вотчиною". Какъ въ западной исторіи широко извѣстны переходы французскихъ вассаловъ со своими владѣніями къ англійскому королю и отъ него обратно къ королю Франціи, такъ и въ нашей исторіи извѣстны переходы мелкихъ служебныхъ князей, владѣвшихъ землями на границѣ между Русью и Литвою въ XV вѣкѣ, къ литовскому великому князю, а затѣмъ отъ него къ великому князю московскому. И тамъ и здѣсь одинаково служебно-вассальный договоръ

влекъ за собою переходъ обширныхъ владѣній изъ одной территоріальной подвластности въ другую, отъ Франціи къ Англіи, отъ Руси къ Литвѣ и обратно.

Въ 1427 году южные князья Одоевскій, Новосильскій, Воротынскій поддались со своими землями литовскому великому князю Витовту. Въ концѣ того же вѣка нѣсколько князей этихъ удѣловъ одинъ за другимъ переходятъ отъ Казиміра, великаго князя литовскаго и короля польскаго, къ московскому великому князю Ивану III. Въ 1489 году Иванъ III заявляетъ чрезъ своего посла королю Казиміру: „что служилъ тобѣ князь Дмитрій Ѳедоровичъ Воротынскій, и онъ нынѣча намъ билъ челомъ служити; и тобѣ бы то вѣдомо было". Князь Воротынскій переходитъ открыто, пославъ своего слугу къ Казиміру, чтобы „цѣлованье сложити королю". Онъ переходитъ съ своею землею, и Иванъ III требуетъ отъ Казиміра: „чтобы нашему слугѣ князю Д. Воротынскому и его отчинѣ обиды не было". Нѣкоторые изъ такихъ князей переходили при этомъ къ московскому великому князю не только съ своими наслѣдственными удѣльными землями, но и съ тѣми землями, которыя были пожалованы имъ литовскими великими князьями. Казиміръ жаловался Ивану III въ 1490 г. на князей Бѣлевскаго и Ивана Воротынскаго: „ты князи, запамятовавши докончаніе и присяги отцовъ своихъ, такежъ и своихъ, били тобѣ челомъ въ службу, и нынѣ тобѣ служатъ съ отчинами своими и съ нашимъ жалованьемъ, съ городы и съ волостьми, что есмо подавали отцомъ ихъ изъ нашей ласки въ службу".

Это не случайность, что наиболѣе видные факты перехода слугъ съ землями относятся у насъ, какъ и во Франціи, къ пограничнымъ областямъ. Свободная коммендація лица съ землей отнюдь не представляла собою у насъ, также какъ на западѣ, прочнаго, общепризнаваемаго права. Съ такой коммендаціей на западѣ рано вступаетъ въ борьбу начало территоріальной подвластности, и феодальное право не признаетъ открыто ухода феодала съ феодомъ; наоборотъ, по феодальному праву феодалъ, собственно, могъ оставить своего сюзерена, только отказавшись отъ пожалованнаго ему феода. Феодалы уходили съ землей только тогда, когда увѣрены были въ силѣ новаго своего сюзерена и могли надѣяться, что онъ охранитъ ихъ и ихъ землю отъ покушеній прежняго ихъ сюзерена, отъ котораго они отказались. И у насъ князь Воротынскій передался Ивану III съ своею землею только потому, что онъ зналъ, что Иванъ III властно скажетъ Казиміру: „чтобы нашему слугѣ и его отчинѣ обиды не было". Въ другихъ же случаяхъ служебные князья, какъ и бояре, при переходѣ къ другому великому князю, должны были быть готовы къ тому, что прежній ихъ господинъ немедленно захватитъ ихъ вотчину и скажетъ рѣшительно: „тѣ села мнѣ, а имъ ненадобѣ", какъ говорилъ въ одной изъ своихъ грамотъ великій князь Дмитрій Донской.

§ 35. *Ограниченія коммендаціи боярина съ вотчиной.*

Переходы служебныхъ князей съ вотчинами ограничиваются въ XV вѣкѣ путемъ взаимныхъ соглашеній великихъ князей. Московскій великій князь налагаетъ на удѣльныхъ князей обязательство: „а князей ти, брате, моихъ служебныхъ съ вотчинами не примати". Но это новое правило соблюдалось только тогда, когда оно поддерживалось силою; и самъ московскій великій князь не считалъ его обязательнымъ для себя и, даже явно нарушая свой договоръ съ Литвою, принималъ съ вотчинами Воротынскихъ и Бѣлевскихъ князей. По новому праву, которое медленно утверждалось договорами, служебные князья, при разрывѣ служебнаго договора, лишались своихъ владѣній; это было ясно выражено въ договорѣ тверского великаго князя съ Витовтомъ 1422 года: „пойдетъ ли который (князь) къ великому князю Витовту, и онъ очины лишенъ, а во очинѣ его воленъ язъ, князь великій Борисъ Александровичъ".

Тѣ же два начала проявляются въ отношеніяхъ князей къ землямъ отъѣзжавшихъ отъ нихъ бояръ. Великій князь Дмитрій Донской въ 1368 году, заключая договоръ съ тверскимъ великимъ княземъ отъ лица Великаго Новгорода, постановилъ, что бояре новгородскіе, при переходѣ на службу къ тверскому князю, лишаются своихъ земель: „а что ихъ села или земли и воды, то вѣдаетъ Великій Новгородъ, а ты боярамъ и слугамъ ненадобѣ". Въ этой же грамотѣ, относительно двухъ московскихъ бояръ, перешедшихъ къ тверскому князю, великій князь также заявилъ, что онъ конфискуетъ ихъ села: „а въ ты села тобѣ (тверскому князю) ся не вступати, а имъ ненадобѣ, тѣ села мнѣ". Точно также, по общему правилу, постоянно встрѣчающемуся въ междукняжескихъ договорахъ, лишались своихъ земель, при переходѣ на службу къ другому князю, мелкіе княжескіе слуги, такъ называемые „слуги подъ дворскимъ", владѣвшіе пожалованными имъ участками, „жалованьями" - бенефиціями: „а кто выйдетъ изъ удѣла, инъ земли лишенъ". Въ этихъ постановленіяхъ, относительно бояръ новгородскихъ и относительно „слугъ подъ дворскимъ", мы встрѣчаемся съ общимъ феодальнымъ правиломъ о свободѣ ухода вассала, подъ условіемъ оставленія имъ своего бенефиція или феода.

Въ качествѣ общаго правила, это начало исключительно личной свободы перехода устанавливалось нашими междукняжескими договорами только въ отношеніи такихъ мелкихъ слугъ, владѣвшихъ „жалованіями". Въ отношеніи же бояръ-вотчинниковъ князья не рѣшились установить того же общаго правила, хотя на практикѣ, конечно, очень часто захватывали ихъ вотчины, въ случаѣ ихъ отъѣзда. Взамѣнъ того, подтверждая договорами (надо замѣтить, составлявшимися при участіи бояръ, членовъ княжеской думы), право отъѣзда бояръ, князья отдѣляютъ личную службу бояръ отъ ихъ территоріальной подвластности. Они взаимно

обязываются „не вступаться" въ отчины отъѣзжающихъ бояръ, то-есть не подчинять ихъ земель своей власти. Бояринъ воленъ служить, кому онъ хочетъ, но, въ качествѣ вотчинника, онъ долженъ подчиняться мѣстному князю; онъ долженъ „судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ".

Эти княжескія соглашенія устанавливаютъ ненормальный, неустойчивый, внутренне-противорѣчивый порядокъ, ненормальность котораго объясняется только его переходнымъ характеромъ отъ старыхъ формъ къ новымъ, борьбою двухъ началъ: старой свободной коммендаціи лица съ землей, отъѣзда бояръ съ вотчинами, и новаго начала государственной княжеской власти, закрѣпляющей за собою территорію. Ненормальность этого порядка станетъ намъ ясна, какъ только мы вспомнимъ, въ чемъ собственно заключалось главное обязательство боярскаго служебнаго договора. Въ качествѣ военнаго, прежде всего, слуги, бояринъ долженъ былъ не только лично нести военную службу, но и приводить съ собою отряды своихъ слугъ и людей, живущихъ въ его вотчинѣ. Такимъ образомъ, сохраняя за собой право собственности на землю въ удѣлѣ оставленнаго имъ князя, бояринъ привлекалъ людей изъ чужого княжества для военной службы своему новому господину. Въ случаѣ, напримѣръ, нерѣдкой тогда войны между тверскимъ княземъ и княземъ московскимъ, тверскіе бояре-вотчинники, служившіе московскому князю, должны были дѣйствовать противъ тверского князя съ отрядами слугъ и людей своей тверской вотчины. Внутренняя противорѣчивость отдѣленія такой военной службы отъ территоріальной подвластности никакъ не позволяетъ видѣть въ соглашеніяхъ князей, устанавливающихъ этотъ порядокъ, господствующее обычное право; въ этомъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, договоры князей не закрѣпляютъ обычное право, а творятъ новое, территоріальное, государственное право. Не имѣя силъ закрѣпить бояръ съ ихъ вотчинами за собою, князья удовлетворяются на первое время компромиссомъ. И, вопреки длинному ряду соглашеній князей, старое право коммендаціи лица съ землей живетъ до начала XVI вѣка; въ духовной грамотѣ Ивана III, 1504 года, мы встрѣчаемъ цитированное выше постановленіе противъ „отъѣзда" бояръ и дѣтей боярскихъ „съ своими вотчинами".

Указанное постановленіе: „судомъ и данью потянути по землѣ и водѣ" никакъ не превращаетъ удѣльнаго боярина въ территоріальнаго подданнаго, въ позднѣйшемъ государственномъ значеніи этихъ словъ. Удѣльный бояринъ остается вольнымъ военнымъ слугою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, остается господиномъ-сеньеромъ своей боярщины. Это ясно опредѣлено въ договорѣ, заключенномъ около 1400 года между московскимъ и тверскимъ великими князьями, въ которомъ мы находимъ слѣдующія три соглашенія подъ рядъ: „1) А боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля; 2) а домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати; 3) а данью и судомъ потянути имъ по землѣ и по водѣ". Бояре вѣдаютъ свои д о м ы, конечно не дома, а свои имѣнія, свои боярщины,

по обычному боярскому праву; то-есть они судятъ судъ межъ своихъ людей и сами собираютъ съ нихъ дань. Если они должны „тянуть судомъ и данью“ къ мѣстному князу, то это означаетъ лишь подчиненіе ихъ высшему суду и чрезвычайной дани, haute justice и taille extraordinaire, которыя и въ феодальной Франціи, во многихъ областяхъ, составляли права территоріальныхъ князей, независимо отъ феодальныхъ договоровъ.

Рѣзкое отдѣленіе по междукняжескимъ договорамъ службы бояръ отъ такой ихъ территоріальной подвластности никакъ не доказываетъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, что служебный договоръ у насъ не былъ связанъ по общему обычному праву съ земельнымъ пожалованіемъ, какъ то было въ феодальномъ договорѣ, никакъ не доказываетъ, что у насъ, въ противоположность, якобы, западу, „служебныя отношенія не были связаны съ поземельными“. Если наши договоры отрываютъ подвластность боярина по его вотчинѣ отъ его служебной зависимости, то это отнюдь не противорѣчитъ основнымъ началамъ феодальнаго строя. Феодальныя начала вполнѣ допускаютъ такое раздвоеніе въ лицѣ феодала: вотчинника, сеньера, съ одной стороны, и вассала—съ другой. Служебное подчиненіе по феодальному договору не обусловливало собою территоріальной подвластности всѣхъ имѣній, принадлежавшихъ феодалу, такъ какъ онъ обязывался служить за такой-то, опредѣленный феодъ. И историкамъ феодализма хорошо извѣстны случаи, когда вассалы, комендируясь съ тѣмъ или другимъ имѣніемъ, оставляли другое имѣніе въ полномъ своемъ, алодіальномъ-вотчинномъ обладаніи, не подчиняя его высшей власти своего сюзерена. Если междукняжескіе договоры лишали нашихъ бояръ права бить челомъ въ службу князю съ своею вотчиною (на западѣ тоже большая часть феодаловъ лишена была этого права), то это не значитъ еще, что челобитье въ службу вообще не связывалось съ „поземельными отношеніями“, то-есть съ земельнымъ или инымъ княжескимъ пожалованіемъ. Тверскіе бояре переходили на службу къ московскимъ князьямъ, подвергая свои вотчины риску захвата ихъ тверскимъ княземъ, конечно, не даромъ, а за богатое пожалованіе. Они били челомъ въ службу московскому князю или за пожалованную имъ землю, или за должность, пожалованную имъ, по тому же бенефиціальному порядку, въ кормленіе (§ 33).

Договоры князей, устанавливающіе раздѣльность боярской службы отъ подвластности боярщины, и долго не могущіе провести въ жизнь этого правила, показываютъ, что наши бояре были сильными вотчинниками, какъ и феодалы-сеньеры. Для феодальной эпохи характерны болѣе всего не мелкіе феодалы, владѣвшіе легко отъемлемыми отъ нихъ феодами-бенефиціями, а болѣе значительные феодалы-сеньеры, сеньеріальная независимость которыхъ простиралась до того, что они свободно со своими землями переходили отъ одного сюзерена къ другому.

Наши бояре были такими же феодалами-сеньерами, если они, одинаково съ княжатами, переходили иногда со своими вотчинами отъ одного князя къ другому и если великіе князья, не смѣя установить хорошо извѣстнаго въ феодальныхъ странахъ правила объ отнятіи земли у отъѣзжающаго слуги, вассала, должны были долгое время мириться съ указаннымъ компромиссомъ, а именно довольствоваться слабымъ территоріальнымъ подчиненіемъ боярщины по высшему суду и чрезвычайной дани, при условіи военной службы другому князю, какъ боярина, такъ и всѣхъ слугъ и людей, жившихъ на его землѣ.

V. Бояре и княжата, феодалы.

§ 36. *Воинственность и независимость бояръ.*

Феодализмъ, который мы разсматривали въ его юридической структурѣ, олицетворяется въ типѣ необузданно-своевольнаго, гордаго феодала. Опираясь на свой неприступный замокъ и на военный отрядъ своихъ вассаловъ, гордый средневѣковый баронъ признаетъ только номинально свою зависимость отъ сюзерена, а на дѣлѣ пользуется полною независимостью, угнетаетъ своихъ крестьянъ, грабитъ сосѣдей и купцовъ, проѣзжающихъ мимо его замка, своего рода разбойничьяго горнаго гнѣзда.

Независимость, воинственность, самоуправство—таковы типичныя черты феодальныхъ бароновъ. Тѣ же черты явственно видны въ обликѣ нашихъ средневѣковыхъ бояръ и княжатъ.

Представленіе о феодалѣ неразлучно съ картиною каменнаго замка на горѣ, съ бойницами, рвами, подъемными мостами. Эта внѣшняя черта, дѣйствительно, очень характерна. Каменные бурги или, вѣрнѣе, природа страны, дававшая возможность феодаламъ укрѣпляться камнемъ на мало доступныхъ горахъ, укрѣпляла и оформливала основныя начала феодализма, усиливая самостоятельность господствующаго сословія.

Въ Удѣльной Руси не было замковъ, потому что здѣсь не было горъ. Но стремленіе огородиться, укрѣпиться проявлялось у насъ въ удѣльную эпоху достаточно сильно, и эта потребность удовлетворялась у насъ всѣми тѣми средствами, какія только давала природа страны, лѣсъ, болото, возвышенныя берега рѣкъ. Каменные замки замѣнялись у насъ укрѣпленными „городками" и кремлями на возвышенныхъ берегахъ рѣкъ. Одинаково съ удѣльными князьками и наши „духовные владыки" возводили укрѣпленія. Монастыри строились одинаково съ княжескими кремлями; тѣ и другіе, какъ замѣчаетъ Н. К. Никольскій, „устраивались обыкновенно при рѣкѣ въ малоприступныхъ мѣстахъ, окружались стѣнами однородной архитектуры, съ башнями, бойницами, воротами". Наши кремли даже и по нѣкоторымъ стратегическимъ деталямъ постройки похожи на западные замки. Подобно князькамъ и монастырямъ, укрѣплялись и бояре въ своихъ боярскихъ дворахъ, обнося ихъ, иной разъ,

„вострымъ тыномъ“ въ двѣ сажени вышиной. Многочисленная вооруженная боярская дворня придавала такимъ дворамъ силу вооруженнаго стана. За отсутствіемъ горъ, наши княжата, монастыри и бояре ограждались возвышенностями, излучинами рѣкъ, озерами, „лѣсными дебрями и непроходимыми блаты“.

Неприступный замокъ на горѣ—это только крайнее, наиболѣе яркое проявленіе независимости феодала. Такихъ замковъ-крѣпостей появилось много во Франціи послѣ XI вѣка; до этого же времени жилище барона имѣло видъ слабо укрѣпленной барской усадьбы. И впослѣдствіи во многихъ французскихъ княжествахъ замки далеко не служили опорой полной независимости бароновъ, потому что они взяты были подъ наблюденіе князей, и сооруженіе новыхъ замковъ безъ разрѣшенія князя строго воспрещалось. Въ Германіи замки имѣли гораздо меньше значенія, тѣмъ болѣе, что здѣсь только на югѣ были горы, необходимыя для ихъ сооруженія.

Основная черта феодала состояла не въ томъ, что онъ имѣлъ замокъ, а въ томъ, что онъ былъ воиномъ. Военная профессія составляла существеннѣйшее свойство феодальнаго барона, отличительную черту его отъ лицъ другихъ сословій. Баронъ долженъ былъ быть воиномъ, потому что въ обязательствѣ военной службы заключалось существо его вассальнаго договора съ сюзереномъ. Онъ долженъ былъ умѣть съ оружіемъ въ рукахъ, предводительствуя отрядомъ своихъ слугъ, защищать свои владѣнія, потому что иначе онъ не былъ бы барономъ; иначе вассалы не стали бы ему служить, и его земли, его сервы и вилланы, въ эту эпоху торжества права сильнаго, стали бы легкой добычей его сосѣдей воинственныхъ бароновъ или его сюзерена.

Феодальный баронъ былъ воиномъ, всадникомъ, рыцаремъ прежде всего. Но такимъ же воиномъ былъ и нашъ бояринъ, хотя онъ и не имѣлъ, подобно многимъ феодаламъ, каменнаго замка. Я говорилъ уже выше о непремѣнной обязанности всѣхъ удѣльныхъ бояръ „садиться на конь“ по первому требованію своего князя. При безпрестанныхъ удѣльныхъ междоусобіяхъ всѣмъ имъ часто приходилось сражаться во главѣ отрядовъ ихъ слугъ и людей. И позднѣйшіе болѣе мирные помѣщики XVI—XVII вѣковъ владѣли помѣстьями не иначе, какъ съ обязательствомъ являться въ полкъ на конѣ, въ шеломѣ, съ саблею, копьемъ, лукомъ и стрѣлами, или съ пищалью, и въ сопровожденіи своихъ слугъ, также на коняхъ и въ полномъ боевомъ вооруженіи. „Мы на коняхъ сидимъ... и съ коня помремъ“—говорили дворяне и дѣти боярскіе на соборѣ 1566 г., заявляя о своей готовности продолжать войну съ Польшей. Конница бояръ и ихъ слугъ составляла главную военную силу удѣльныхъ князей, какъ и первыхъ московскихъ царей XVI вѣка. Эта военная профессія, военная служба князю, и притомъ служба необязательная, а „вольная“, зависящая всецѣло отъ доброй воли слугъ, давала исключительную самостоятельность, независимость, силу удѣльному боярству,

въ той же мѣрѣ, въ какой ихъ обезпечивалъ французскому барону его свободный вассальный договоръ съ сюзереномъ.

Независимость, самостоятельность бояръ, опиравшаяся на воинскую силу военныхъ отрядовъ ихъ слугъ, на ихъ боярщины и на ихъ вольную службу князьямъ, ярко проявлялась въ ихъ отношеніяхъ къ князьямъ, въ „боярской думѣ“ удѣльнаго князя. „Князь не могъ приказывать своимъ вольнымъ слугамъ,—замѣчаетъ Сергѣевичъ—онъ долженъ былъ убѣждать ихъ въ цѣлесообразности своихъ намѣреній“. Если князь дерзалъ дѣйствовать самовластно, бояре, какъ и древніе дружинники, смѣло отказывались слѣдовать за нимъ: „О себѣ, княже, еси замыслилъ, мы того не вѣдали, не ѣдемъ по тебѣ“. Великій князь Дмитрій Донской такъ охарактеризовалъ самостоятельное значеніе своихъ бояръ, сказавъ имъ, умирая: „Съ вами царствовахъ, землю русскую держахъ... и мужествовахъ съ вами на многы страны... подъ вами грады держахъ и великіи власти... вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей“. Такъ говорилъ Дмитрій Донской, одинъ изъ сильнѣйшихъ князей удѣльнаго времени. Феодальный характеръ этихъ удѣльныхъ порядковъ становится яснымъ при разительномъ контрастѣ московскаго времени. Василій III, „переставливающій старые обычаи“, говоритъ въ думѣ неугодному совѣтчику: „пойди смердъ прочь, ненадобенъ ми еси“. Вольныхъ великокняжескихъ слугъ удѣльной эпохи смѣняютъ въ московскомъ государствѣ государевы холопы. Князь Холмскій въ княженіе Ивана III, въ записи о неотъѣздѣ, называетъ себя еще слугою, но со временъ Василія III это наименованіе замѣняется словомъ холопъ.

Та „феодальная независимость, доведенная до крайнихъ предѣловъ“, о которой говорятъ французскіе историки, проявлялась у насъ въ частыхъ отъѣздахъ бояръ. Вассалы на западѣ переходили отъ одного сеньера къ другому въ погонѣ за выгодой. Точно также наши бояре въ погонѣ за выгодой въ большомъ числѣ отъѣзжаютъ отъ удѣльныхъ князей къ великому князю московскому, который лучше другихъ князей вознаграждалъ своихъ слугъ и вѣрнѣе ограждалъ ихъ отъ обидъ и притѣсненій. Тверскіе бояре и дѣти боярскіе въ большомъ числѣ переходятъ въ концѣ XV вѣка къ великому князю московскому. Даже бояре, славившіеся своей долгою и вѣрною службою князю, нерѣдко отъѣзжали отъ него изъ-за какой-нибудь обиды. Такъ, въ 1433 году отказался отъ московскаго великаго князя видный московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, обиженный тѣмъ, что великій князь не сдержалъ своего обѣщанія жениться на его дочери. Такъ, въ началѣ XIV вѣка уѣхалъ изъ Москвы бояринъ Акинфъ Гавриловичъ, не пожелавшій быть меньше новаго слуги московскаго князя, боярина Родіона Нестеровича. Княжескіе договоры часто упоминаютъ объ отъѣхавшихъ боярахъ и слугахъ.

„Вассалы—говоритъ Вайцъ—во время частыхъ междоусобій князей-соперниковъ присоединялись то къ одной сторонѣ, то къ другой, оставляли своихъ старыхъ господъ, чтобы отъ новыхъ получить большія

выгоды". Совершенно также поступаютъ наши бояре. Во время долгой борьбы великаго князя Василія съ Дмитріемъ Шемякою бояре и дѣти боярскіе легко подчиняются Шемякѣ, но при малѣйшей надеждѣ на успѣхъ князя Василія, бьютъ ему челомъ въ службу, отказываясь отъ его соперника.

Господствующія у насъ представленія о рѣзкомъ различіи между древне-русскими и западными порядками зиждутся, съ одной стороны, на маломъ знакомствѣ съ своеобразнымъ удѣльнымъ временемъ, незамѣтно сливающимся въ трудахъ многихъ нашихъ историковъ съ лучше изученными періодами кіевской дружинной Руси и московскаго государства, и, съ другой стороны, на слишкомъ схематическомъ пониманіи западнаго феодализма въ преувеличенно рѣзкихъ чертахъ. Такъ, въ данномъ случаѣ, съ одной стороны, наши бояре были не только кормленщиками и сельскими хозяевами, но и воинами, а съ, другой стороны, западные феодалы были не только воинами-рыцарями, но и хозяевами-землевладѣльцами, и вовсе не были такъ воинственны, какъ часто думаютъ: землевладѣніе значительно ослабило ихъ воинскій духъ. Соловьевъ вѣрно замѣчаетъ, что „войны феодальнаго періода отличаются своею мелкостію и непродолжительностію: вассалы такіе же неохотники надолго отлучаться отъ своихъ домовъ, какъ и наши помѣщики; при большей самостоятельности ихъ положенія у нихъ выговоренъ срокъ, и далѣе этого срока они не останутся въ походѣ".

§ 37. *Насилія и наѣзды.*

Въ отношеніяхъ нашихъ бояръ къ подвластному имъ населенію замѣтны тѣ же черты угнетенія крестьянъ, права сильнаго и безправности слабаго, сословной розни между гордыми боярами и подвластными имъ смердами, людишками, сиротами, тѣ же черты, какія выдвигаются, какъ характернѣйшія черты феодализма. „Воображая себѣ русское общество древнихъ временъ,—писалъ Кирѣевскій,—не видишь ни замковъ, ни подлой черни"; и этой западной сословной розни онъ противополагалъ „согласіе", миръ и любовь, проникавшія, якобы, всѣ отношенія древней Руси (§ 1). Но отношенія „сиротъ" (крестьянъ) къ боярамъ въ удѣльное время, какъ и позднѣе крѣпостныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, были на дѣлѣ очень далеки отъ славянофильской идиллической картины. Баронъ Герберштейнъ, путешествовавшій по Руси въ 1516 и 1526 гг. (задолго до утвержденія крѣпостного права), рѣзко расходится съ Кирѣевскимъ: „Поселяне—говоритъ онъ—работаютъ на своего господина 6 дней въ недѣлю, седьмой же день на себя. Они имѣютъ нѣкоторое количество своихъ полей и луговъ, которые имъ даетъ господинъ, и отъ которыхъ они кормятся. Впрочемъ, положеніе ихъ самое жалкое, потому что ихъ имущества

подвержены грабежу благородныхъ и воиновъ, у которыхъ они называются крестьянами въ презрительномъ смыслѣ, или черными людишками".

Приниженное положеніе крестьянъ въ удѣльное время характеризуется очень низкой платой за безчестье. Дѣтямъ боярскимъ безчестье указано было судебникомъ въ размѣрѣ ихъ дохода или ихъ жалованья; богатымъ купцамъ, „большимъ гостямъ" вознагражденіе за безчестье опредѣлено въ 50 рублей, а крестьянамъ въ 1 рубль, то-есть въ 50 разъ меньше. Честь крестьянина цѣнилась ниже чести не только сына боярскаго или гостя, но и въ 5 разъ ниже чести „боярскаго человѣка добраго", то-есть боярскаго слуги.

Въ одной правой грамотѣ 1531 года находимъ такую живую картинку изъ отношеній господъ къ своимъ крестьянамъ. Крестьяне старожильцы идутъ по спорнымъ межамъ, между землей своего господина Обляза Лодыгина и землей Кержацкаго монастыря. Къ отводчикамъ на межи явился Облязъ Лодыгинъ; въ присутствіи судей и монастырскаго слуги онъ, какъ записано въ грамотѣ, „ударилъ своего старожильца Ондронка Игнатова сына по ушамъ плетью, аркучи: чего, смердѣ, сталъ, подите смерди прямо, не опинайтесь".

Свобода и независимость бояръ у насъ, также какъ на западѣ, вела къ насиліямъ и самоуправству. Великокняжеская власть была еще недостаточно сильна, чтобы обезпечить общественную безопасность. Населеніе терпѣло насилія не только отъ лихихъ людей, отъ разбойниковъ, на которыхъ жалуются житія святыхъ, но и отъ „сильныхъ людей": бояръ и дѣтей боярскихъ. Своевольные и самоуправные бояре, какъ и западные феодалы, часто дѣлали разбойничьи наѣзды.

Въ правой грамотѣ начала XVI вѣка сохранилось любопытное подробное описаніе одного такого разбойничьяго боярскаго набѣга. Князь Иванъ Лапинъ съ своими людьми пріѣхалъ разбоемъ на монастырскій дворъ, угналъ монастырскихъ коней, ограбилъ имущество на 50 р. съ полтиною (однорядку, шубу бѣлью, калиту съ деньгами) и убилъ монастырскаго слугу. На крикъ монастырскихъ людей прискакали великокняжескій псарь и сосѣдніе крестьяне; они поскакали въ погоню за грабителями, захватили одного изъ нихъ, Карпика, и, приведя его въ свою деревню, „къ мертвому Иванкѣ къ ногѣ привязали". Но этимъ дѣло не кончилось. Монастырскіе люди зовутъ пристава, сотскаго и понятыхъ и отправляются съ убитымъ Иванкой и пойманнымъ Карпикомъ къ намѣстнику въ Каширу. Въ это время князь Иванъ Лапинъ нападаетъ на нихъ съ отрядомъ своихъ людей; завязывается новый бой; люди князя Лапина были на коняхъ и въ саадакахъ. Монастырскіе люди такъ разсказывали объ этомъ намѣстнику: „и какъ господине, будемъ проѣзжать противъ села Воскресенскаго... князь Иванъ насъ угонилъ съ своими многими людьми... да насъ, господине, и пристава и его понятыхъ учали бити и стрѣляти и саблями сѣчи, а хотѣлъ, господине, того Карпика у насъ выбити, а мы, г-не, у нихъ отбилися, да на томъ бою у понятого,

у соцкаго, у Ѳилата саблею ногу отсѣкли". Князь Лапинъ потерпѣлъ пораженіе; былъ взятъ въ плѣнъ и второй его слуга Дуленко, „на конѣ и въ саадакѣ". Показаніе потерпѣвшихъ вполнѣ подтвердилось; судъ судилъ самъ великій князь; предсталъ на судъ и главный обвиняемый, князь Лапинъ. И что же? понесъ онъ какую-нибудь строгую кару за двукратный разбой и вооруженное нападеніе на пристава, представителя княжеской власти? Ничуть не бывало. Онъ вмѣстѣ съ своими людьми по приговору обязанъ былъ вернуть ограбленное, въ суммѣ 50 рублей съ полтиною, и уплатить 4 рубля за Ивашкову голову.

Въ грамотахъ первой половины XVI вѣка, конца удѣльнаго періода, мы находимъ нѣсколько описаній такихъ боярскихъ наѣздовъ, въ которыхъ бояре и ихъ слуги бьютъ, грабятъ, соромятъ женъ, избиваютъ княжескихъ судей и расплачиваются за эти преступленія только денежнымъ штрафомъ. Въ древнѣйшее время источники кратко, но столь же краснорѣчиво говорятъ о „наѣздахъ", отличая ихъ отъ „разбоя" и „татьбы".

Эти насилія бояръ у насъ, какъ и на западѣ, не прекращаются послѣ среднихъ вѣковъ, хотя впослѣдствіи они пріобрѣтаютъ уже вполнѣ характеръ разбоя, въ отношеніи котораго слабая еще государственная власть по старому часто оказывается безсильной, тѣмъ болѣе, что и въ эту позднѣйшую эпоху сохраняется еще въ значительной степени сеньеріальный иммунитетъ, недоступность для правительственныхъ чиновниковъ боярской вотчины и особенно боярскаго двора. Въ самой царской столицѣ, въ Москвѣ, въ XVII вѣкѣ — говоритъ И. Е. Забѣлинъ, — „бывали такіе боярскіе дворы, мимо которыхъ, какъ мимо двѣнадцати дубовъ соловья-разбойника, не было обывателямъ ни проѣзду, ни проходу".

Къ разбоямъ, „наѣздамъ" и всякаго рода насиліямъ сильныхъ людей присоединялись въ удѣльное время насилія великокняжескихъ властей. Центральная государственная власть была у насъ въ средніе вѣка, также какъ на западѣ, слишкомъ слаба, чтобы сдерживать произволъ мѣстныхъ властей; господствовавшій у насъ, одинаково съ западомъ, порядокъ пожалованія должностей, какъ доходныхъ статей, во временное пользованіе, ослаблялъ административное подчиненіе; разбросанность административныхъ округовъ и недостатокъ путей сообщенія не давали возможности скораго и строгаго контроля. Неправедный судъ и насилія княжескихъ тіуновъ составляли одну изъ любимыхъ политическихъ темъ древнерусской церковной письменности. „Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора, — писалъ Даніилъ Заточникъ, — не держи села близъ княжа села: тіунъ бо есть яко огнь, трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережися, но отъ искры не можешь устрещися жженія портъ". Та же тема въ „Наказаніи княземъ, иже даютъ волость и судъ небогобойнымъ и лукавымъ мужемъ" и въ „Словѣ о властеляхъ и судіяхъ, емлющихъ мзду и неправду судящихъ".

На описанной почвѣ насилія и самоуправства у насъ, также какъ

на западѣ, широко развиваются частные союзы защиты, процвѣтаютъ учрежденія защиты-закладничества и вассальной службы, которая также представляетъ собою одно изъ отношеній защиты. Одинаковая почва на западѣ и въ Россіи изъ одинаковыхъ зеренъ древнѣйшаго права даетъ одинаковыя произрастанія. „Во все продолженіе древней русской исторіи — говоритъ Соловьевъ — мы видимъ стремленіе менѣе богатыхъ, менѣе значительныхъ людей закладываться за людей болѣе богатыхъ, болѣе значительныхъ, пользующихся особыми правами, чтобы подъ ихъ покровительствомъ найти облегченіе отъ повинностей и безопасность".

Мелкіе своеземцы задавались за бояръ, князей и монастыри, ища у нихъ обороны „отъ сильныхъ людей насильства". Съ другой стороны, бояре и дѣти боярскіе, оставляя слабыхъ князей, часто били челомъ въ службу князьямъ могущественнымъ, ища какъ богатыхъ жалованій, такъ и сильной заступы. Монастыри, убѣгая отъ насилія удѣльныхъ князей, передавались великимъ князьямъ, прося ихъ о „покровѣ и соблюденіи". Чтобы обезопасить своихъ людей и слугъ, великіе князья давали имъ защитныя, береженыя грамоты и привилегіи непосредственной подсудности великому князу или боярину введеному (мундебурдъ). Жалованными грамотами они обезпечивали независимость боярскихъ и монастырскихъ вотчинъ отъ мѣстныхъ властей, отъ въѣзда волостелей, тіуновъ и доводчиковъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.
Государство XVI—XVIII вѣковъ.

I. Московская сословная монархія.

§ 38. Сословія: дворянство и духовенство.

Феодальный порядокъ постепенно падалъ у насъ съ Ивана III, по мѣрѣ приниженія удѣльныхъ княжатъ подъ тяжелой рукой московскихъ государей. Царь Иванъ Грозный, взявъ въ 1565 году въ свою „опричнину" остатки наслѣдственныхъ удѣльныхъ владѣній княжатъ, окончательно обезсиливаетъ ихъ, лишивъ опоры ихъ политическія притязанія (§ 27).

Политическій феодализмъ окончательно палъ у насъ, такимъ образомъ, при Иванѣ Грозномъ, черезъ 100 лѣтъ послѣ того, какъ при Людовикѣ XI онъ палъ во Франціи. Но нѣкоторыя начала феодальнаго порядка, потерявшія политическое значеніе, такъ называемый феодализмъ соціальный, сохранились у насъ, какъ и на западѣ, въ сословной монархіи, выросшей изъ феодальнаго порядка. Московское царство XVII вѣка по своей структурѣ одинаково съ западно-европейской сословной монархіей, и въ началѣ XVIII вѣка эта сословная монархія у насъ, подобно западу, превращается въ монархію абсолютную.

Основнымъ учрежденіемъ соціальнаго строя сословной монархіи, какъ и позднѣйшей абсолютной, было сеньеріальное право крупныхъ землевладѣльцевъ: дворянства и духовенства, унаслѣдованное изъ феодальной эпохи. Сеньеріальная юстиція сохраняется и во Франціи и въ Германіи до перехода къ новому гражданскому строю въ XVIII—XIX вѣкахъ. Господскій судъ, управленіе и обложеніе крестьянъ во Франціи тяжело давитъ крестьянъ, до великой революціи, несмотря на то, что здѣсь большая часть крестьянъ пользуется личной свободой. Въ Германіи тягость сеньеріальнаго права особенно усилилась послѣ того, какъ крестьяне были прикрѣплены къ землѣ въ первой половинѣ XVI вѣка.

Основою соціальнаго строя нашей московской и петербургской монархіи былъ тотъ же сеньеріальный режимъ. Господскій, помѣщичій судъ и управленіе у насъ извѣстны достаточно хорошо изъ очень недавняго прошлаго. Источникомъ его было боярское вотчинное право удѣльной

эпохи; и, также какъ въ Германіи, это право стало у насъ особенно тягостнымъ для крестьянъ въ эпоху сословной монархіи, когда крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, лишившись въ началѣ XVII вѣка стараго права перехода или отказа. Въ этой области наши порядки особенно близки къ германскимъ, не только по существу, но и въ ходѣ ихъ развитія. Въ Германіи крѣпостничество утверждается въ первой половинѣ XVI вѣка вслѣдъ за утвержденіемъ новаго государственнаго порядка; у насъ крестьяне прикрѣпляются къ землѣ, также вслѣдъ за переходомъ удѣльнаго порядка въ государственный, а именно около 1600 года, то-есть лѣтъ на 50 — 60 позже, чѣмъ въ Германіи. Крѣпостное право затѣмъ падаетъ въ Германіи около 1800 года, у насъ же — въ 1861 году, опять-таки на полвѣка съ небольшимъ позже, чѣмъ въ Германіи.

Дворянское сословіе, унаслѣдовавшее отъ феодальной эпохи сеньеріальное право, сохраняетъ въ эпоху сословной монархіи и другую феодальную черту: обязанность военной службы съ земли. Ленная система въ Германіи въ XVI вѣкѣ потеряла свое политическое значеніе, но она сохранилась въ видѣ не столько уже феодальной, сколько государственной обязанности владѣльца лена нести съ него конную, рыцарскую службу (ritter, chevalier—всадникъ). Эта иррегулярная ленная конница теряетъ свое значеніе послѣ тридцатилѣтней войны, когда германскіе князья-государи сосредоточиваютъ всѣ усилія на образованіи постояннаго регулярнаго войска, но она все же сохраняется до конца XVII вѣка, когда окончательно замѣняется регулярными конными полками *).

Съ этой позднѣйшей ленной повинностью одинакова по существу военная, конная, „рыцарская“ служба нашихъ помѣщиковъ второй половины XVI и XVII вѣка, эпохи московскаго сословнаго государства. При Иванѣ Грозномъ старая „служба съ жалованья“ феодальнаго типа, по свободному договору слуги съ княземъ, была приноровлена къ новымъ государственнымъ порядкамъ и превратилась въ организованное „испомѣщеніе“ служилыхъ людей, съ обязательствомъ военной конной службы. Это была та же служба съ земли, какъ и встарь, но это была уже „уложенная“, строго регламентированная служба, и притомъ со всѣхъ земель, съ помѣстій и вотчинъ, независимо отъ какихъ бы то ни было договоровъ. Помѣщики и вотчинники обязаны были являться, по требованію правительства, въ полкъ, сами и со своими людьми, въ полномъ военномъ снаряженіи: „Быти ему (сыну боярскому) на службѣ на конѣ, въ панцырѣ, въ шеломѣ, въ саадакѣ (колчанъ и стрѣлы), въ саблѣ, съ копьемъ; да за нимъ два человѣка на коняхъ, въ панцыряхъ, въ шапкахъ желѣзныхъ, въ саадакахъ, въ сабляхъ“. Такая помѣстная иррегулярная конница составляетъ у насъ до половины XVII вѣка видную

---

*) K. F. Eichgorn. «Deutsche Staats- und Rechtgeschichte», изд. 4-е, 1836, т. IV, § 595, с. 608.

часть войска; затѣмъ, точно также какъ въ Германіи, она быстро оттѣсняется на второй планъ регулярными полками, „рейтарскими“ и „драгунскими“, и совершенно вымираетъ при Петрѣ Великомъ въ началѣ XVIII вѣка, какъ въ концѣ XVII вѣка она исчезла въ Германіи.

Обязанные такою военною, конною службою, наши помѣщики, „дворяне и дѣти боярскіе“ составляли такое же привилегированное наслѣдственно-замкнутое сословіе, какъ и германское ленное дворянство. Точно также какъ въ Германіи, гдѣ право на пожалованіе лена (ленную инвеституру) имѣли только члены дворянскихъ родовъ, у насъ въ XVII вѣкѣ помѣстья давались только „природнымъ“ дѣтямъ боярскимъ. Въ рядѣ наказовъ о раздачѣ помѣстій (о верстаніи „новиковъ“), съ 1601 года мы находимъ строгія предписанія, чтобы окладчики не „верстали“ въ помѣстную службу „поповыхъ и мужичьихъ дѣтей“, монастырскихъ слугъ, посадскихъ людей и т. д., вообще „неслужилыхъ отцовъ дѣтей“, чтобы они верстали только тѣхъ „новиковъ“, у кого „отцы были въ дѣтяхъ боярскихъ“ *).

Изъ среды дворянства у насъ выдѣлялась высшая знать княжескихъ и боярскихъ родовъ, какъ въ Германіи выдѣлялась высшая знать имперскихъ князей, графовъ и господъ, и была также наслѣдственно обособлена отъ низшаго дворянства. Въ составъ высшей знати вошли у насъ потомки древнихъ владѣтельныхъ князей и нѣкоторыхъ древнихъ боярскихъ родовъ. Сословная обособленность этой аристократіи поддерживается въ XVI—XVII вѣкахъ извѣстнымъ мѣстничествомъ, которое охраняло наслѣдственныя права высшихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ на занятіе высшихъ правительственныхъ должностей. По принципу мѣстничества эти должности могли распредѣляться между представителями аристократическихъ родовъ не иначе, какъ въ порядкѣ наслѣдственной знатности этихъ родовъ, не иначе, какъ „по отечеству“. Этотъ аристократическій распорядокъ фамилій составлялъ нѣчто, совершенно независящее отъ воли московскаго государя. При назначеніи воеводъ царь долженъ былъ строго считаться съ взаимнымъ мѣстническимъ родословнымъ старшинствомъ лицъ, назначаемыхъ имъ въ воеводы, потому что при несоблюденіи этого старшинства воеводы рѣшительно отказывались отъ командованія полками. Если же старшинство фамилій не было соблюдено при назначеніи мѣстъ боярамъ за царскимъ столомъ, то ихъ приходилось сажать силою на указанное имъ мѣсто на скамьѣ; они спускались подъ столъ, крича, что они не уступятъ своего мѣстническаго старшинства, даже если царь велитъ отсѣчь имъ голову. „За службу—говорили бояре—жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ“. „Феодальный баронъ—замѣчаетъ объ этихъ словахъ Ключевскій—едва ли сумѣлъ бы аристократичнѣе формулировать одно изъ основныхъ воззрѣній политической аристократіи“.

---

*) См. мою книгу «Государевы служилые люди», 1898, с. 221, 324.

Возбуждая нерѣдко вражду между родами, взаимныя отношенія между которыми еще не установились, мѣстничество, вмѣстѣ съ тѣмъ, объединяло всѣ аристократическія фамиліи въ одно цѣлое, въ классъ лицъ, размѣстившихся между собою по отечеству и не оставившихъ мѣста въ своей средѣ новымъ неродословнымъ людямъ. Пришелецъ, новый неродословный человѣкъ стоялъ такъ низко съ мѣстнической точки зрѣнія, что онъ не могъ заявлять никакихъ притязаній на мѣсто среди старинныхъ фамилій: „неродословнымъ людямъ съ родословными и счету нѣтъ". Устанавливая іерархію родовъ, мѣстничество, такимъ образомъ, закрывало доступъ новымъ родамъ въ среду аристократіи; оно имѣло, главнымъ образомъ, значеніе сословно-оборонительной системы *).

Наравнѣ съ этимъ боярствомъ и дворянствомъ, привилегированное положеніе занимало у насъ, также какъ на западѣ, духовенство. Въ силу господствовавшаго церковнаго міровоззрѣнія эпохи оно пользовалось особымъ почетомъ и занимало первое мѣсто въ ряду сословій. Владѣя, также какъ на западѣ, громадными землями, духовенство имѣло, наравнѣ съ дворянствомъ, свободу отъ податей и, кромѣ того, привилегію неподсудности свѣтскому суду. Другія сословія постоянно жаловались на эти привилегіи духовенства; удовлетворяя ихъ жалобамъ, соборъ 1648 года ограничилъ судебныя привилегіи духовенства и передалъ судъ надъ духовенствомъ по гражданскимъ дѣламъ вновь учрежденному монастырскому приказу, но черезъ три десятилѣтія эти ограниченія были отмѣнены. Соборы 1580 и 1648 г. г. дѣлали строгія постановленія о церковныхъ вотчинахъ, чтобы остановить ихъ дальнѣйшій ростъ, такъ какъ „воинскіе люди" видѣли въ привилегіяхъ церковныхъ вотчинъ причину своего „оскудѣнія", но эти постановленія оставались втуне. Въ Англіи предъ реформаціей, какъ считаютъ обыкновенно, духовенству принадлежало около половины всей территоріи страны. Одинъ изъ иностранныхъ путешественниковъ по Московіи (Коллинсъ) писалъ, что въ московскомъ государствѣ церкви принадлежатъ двѣ трети всей территоріи; это извѣстіе крайне преувеличено, хотя несомнѣнно, что земельныя владѣнія церкви у насъ также были чрезвычайно обширны; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ площадь монастырскихъ имѣній превосходила площадь вотчинъ и помѣстій дворянства **).

§ 39. *Посадскіе люди.*

Отъ двухъ высшихъ сословій, духовенства и дворянства, въ московскомъ государствѣ, также какъ на западѣ, рѣзко отграничивалось третье сословіе горожанъ. По своимъ сословнымъ правамъ и обязанностямъ, наши посадскіе люди очень сходны съ нѣмецкими бюрге-

*) «Государевы служилые люди», с. 79—80 и др. В. О. Ключевскій, «Боярская дума», с. 216—217.

**) Ю. Готье, «Замосковный край въ XVII вѣкѣ», с. 377—378.

рами и съ буржуа французскаго tiers-état. Одинаково съ ними посадскіе люди имѣли весьма важное само по себѣ, по своей доходности, право на занятіе торговлей и промыслами и за это обязаны были платить подати, своей тяжестью обыкновенно очень понижавшія высокую цѣнность ихъ торгово-промышленной привилегіи.

Городское сословіе у насъ, какъ и на западѣ, не было замкнутымъ наслѣдственно, какъ благородное дворянство. Доступъ въ это сословіе былъ открытъ для лицъ другихъ разрядовъ населенія; онъ обусловливался у насъ, какъ и на западѣ, городскою осѣдлостью и занятіемъ промысломъ или торговлей, съ непремѣнной обязанностью платить подати наравнѣ съ другими горожанами; позднѣе на западѣ онъ былъ затрудненъ еще условіемъ вступленія въ одинъ изъ цеховъ, съ согласія членовъ цеховой корпораціи.

Права и обязанности городского сословія у насъ, точно такъ, какъ на западѣ, были тѣснѣйше связаны съ городскимъ общиннымъ самоуправленіемъ. Въ нашихъ городахъ мы находимъ то же мірское самоуправленіе, ту же самую общину, существо которой было одно какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ Россіи и запада. Г. Л. Мауреръ въ своей большой „Исторіи городского устройства въ Германіи“ доказалъ вполнѣ, что городская община была такою же марковой общиной, какъ община сельская. Въ отношеніи русскаго города та же задача исполнена А. С. Лаппо-Данилевскимъ, выяснившимъ тожество по существу устройства „крестьянской общины“ и „общины посадской“, съ ея выборными властями: старостами, сотскими и мірскимъ совѣтомъ. Его выводы недавно были подкрѣплены А. А. Кизеветтеромъ, который показалъ, что и въ позднѣйшей „посадской общинѣ“ XVIII вѣка подъ „верхнимъ этажемъ“ новыхъ бурмистерскихъ палатъ и магистратовъ уцѣлѣлъ древній фундаментъ „мірского посадскаго схода со всѣми его исполнительными органами“ *).

Древняя власть міра сохранялась у насъ въ посадѣ XVII, какъ и XVIII вѣка, вполнѣ, въ отношеніи къ основной, отличительной обязанности посадскаго сословія, обязанности податной, какъ и въ отношеніи къ обусловливающему ее праву на занятіе въ городѣ торговлей и промыслами. Наша посадская община, какъ и община крестьянская, была податнымъ или тяглымъ союзомъ. Она была отвѣтственна за уплату податей, причитавшихся съ ея отдѣльныхъ членовъ, и пользовалась полною самостоятельностью въ дѣлѣ взиманія и раскладки податей. Такимъ же тяглымъ союзомъ, съ тѣми же правами, была и германская городская община. „Взиманіе податей—говоритъ Мауреръ—составляло

*) G. L. Maurer, «Geschichte der Städteverfassung in Deutschland», B. I—IV, 1869—1871. Особенно, т. II: «Die Stadtgemeinde eine Stadtmarkgemeinde; die Stadtbürger sind Stadtmarkgenossen», §§ 226, 227 и слѣд. А. С. Лаппо-Данилевскій, «Организація прямого обложенія въ московскомъ государствѣ», 1890, с. 112, 282 и слѣд.—А. А. Кизеветтеръ, «Посадская община въ Россіи XVIII ст.», 1903, с. 619 и слѣд.

дѣло марковой общины одинаково, какъ въ имперскихъ городахъ, такъ и въ земскихъ городахъ. Относительно взиманія поземельнаго налога, падающаго на марковую общину въ силу принадлежности ей общинной земли, это понятно само собою. Однако, и введенный позднѣе налогъ съ имущества былъ такимъ же образомъ взимаемъ марковой общиной". Подати раскладывались между отдѣльными членами соотвѣтственно принадлежавшимъ имъ долямъ общинной земли, позднѣе также соотвѣтственно имущественной состоятельности каждаго члена городской общины.

На почвѣ этихъ одинаковыхъ порядковъ возникали у насъ и въ Германіи одинаковыя явленія упорной борьбы городскихъ общинъ съ лицами привилегированныхъ сословій, которыя, пріобрѣтая участки городской земли и занимаясь въ городѣ торгово-промышленной дѣятельностью, не участвовали въ податномъ тяглѣ, опираясь на свою сословную привилегію. Городскія общины у насъ, точно такъ, какъ въ Германіи, дозволяли духовенству и дворянству пріобрѣтать земли въ городѣ и заниматься торговлей и промыслами, подъ непремѣннымъ условіемъ платить за это подати наравнѣ съ посадскими людьми, но дворянство и духовенство всегда предпочитали пользоваться прибыльнымъ правомъ горожанъ, не возмѣщая его соотвѣтствующей обязанностью уплаты податей. Возникавшая на этой почвѣ борьба нашихъ „черныхъ" посадскихъ тяглецовъ съ привилегированными „бѣломѣстцами" извѣстна хорошо. „Если бѣломѣстецъ соглашался иногда тянуть тягло съ черныхъ земель,—говоритъ Лаппо-Данилевскій,—то въ большинствѣ случаевъ напротивъ старался обѣлить ихъ... и присоединить къ нимъ новыя земли, отнятыя насильствомъ у тяглой общины". Мауреръ приводитъ множество указаній на такую же борьбу бюргеровъ съ рыцарями и духовенствомъ. Городъ Фрейбургъ, напримѣръ, въ 1392 году рѣшительно предложилъ всѣмъ благороднымъ или платить подати, или покинуть городъ, и затѣмъ далъ имъ десятилѣтнюю отсрочку для того, чтобы они могли сдѣлать окончательный выборъ. „Въ Госфельдѣ въ XVI столѣтіи многіе рыцарскіе роды выселялись изъ города, чтобы сохранить свою свободу отъ податей. А изъ оставшихся однимъ удалось добиться добровольнаго признанія ихъ свободы отъ податей, другіе же вступили въ тянувшійся много лѣтъ споръ съ городомъ... Во многихъ городахъ, однако, благороднымъ и духовенству, какъ и духовнымъ учрежденіямъ, удалось освободиться отъ бюргерскихъ налоговъ и податей".

Такъ какъ привлеченіе въ податной окладъ лицъ другихъ сословій, какъ видно изъ изложеннаго, связано было всегда съ большими затрудненіями, то городскія общины у насъ и на западѣ стараются пресѣчь переходъ городскихъ земель и имуществъ въ ихъ владѣніе. У насъ, по настояніямъ посадскихъ людей, воспрещался закладъ дворовъ бѣломѣстцамъ и ихъ людямъ, и уложеніе 1649 года предписывало боярскимъ людямъ и крестьянамъ, купившимъ или взявшимъ въ закладъ тяглые дворы и лавки, продать ихъ посадскимъ людямъ, грозя отобрать ихъ

безденежно. Въ Германіи точно также во многихъ городахъ общины не разъ требовали отъ рыцарей, и монастырей, и вообще отъ всѣхъ „чужаковъ“ (die Fremden), чтобы они продали или, по крайней мѣрѣ, сдали въ аренду бюргерамъ пріобрѣтенныя ими тѣмъ или инымъ путемъ городскія имущества *).

Такъ какъ столь убыточная для общины податная привилегія высшихъ сословій распространялась нерѣдко и на зависимыхъ людей дворянства и духовенства, то городскія общины у насъ и у нѣмцевъ запрещали своимъ членамъ вступать въ зависимость отъ господъ. У насъ въ XVII вѣкѣ правительство по челобитьямъ посадскихъ общинъ энергично преслѣдовало „закладничество“ посадскихъ людей, то-есть уходъ ихъ подъ защиту сильныхъ людей. Во многихъ нѣмецкихъ городахъ находимъ аналогичныя запрещенія бюргерамъ вступать въ зависимость отъ „чужого господина“ (sich verherren), или поступать на службу къ нему, не испросивъ на то разрѣшенія городского совѣта **).

Упуская изъ виду всѣ указанныя выше, очень ярко выраженныя, сословныя черты нашего духовенства, дворянства и посадскихъ людей московскаго времени, нѣкоторые наши историки, желая опредѣлить ихъ мнимое коренное отличіе отъ сословій западныхъ, утверждаютъ, что они представляютъ собою не сословія, а классы, не имѣющіе правъ, а имѣющіе только обязанности, одни—обязанность службы, другіе—обязанность уплаты податей. Служебную повинность дворянства они при этомъ приравниваютъ къ податному тяглу посадскихъ людей, въ качествѣ своего рода „служилаго тягла“, и на основаніи этого утверждаютъ, что у насъ не было сословій, а были только тяглые классы.

Между тѣмъ это тягло, тягло податное и служебное, въ которомъ историки видятъ характерную особенность нашего строя, не представляетъ собою ничего характернаго, потому что оно обусловлено наслѣдственнымъ сословнымъ правомъ на помѣстья, съ одной стороны, и на торговлю и промыслы—съ другой, а при этомъ условіи тягло есть не что иное, какъ сословная обязанность, обусловленная преимуществомъ, та же обязанность, которая лежала и на западныхъ сословіяхъ и также была

---

*) G. Maurer, «Gesch. der Städteverfassung», т. II, § 377, с. 793, т. III, § 429, т. II, § 376, с. 786—789; § 371, с. 769—771.

**) Какъ наши посадскіе люди обязывались «съ посаду не сойти и ни за кого не заложиться» или «ни въ какія задачи не выйти» (отъ «задаваться», защищаться), «ни за кою д е р ж а в у не заложиться», такъ бюргеры клялись: nicht verherren noch einige andere Herrschaft gebrauchen. G. Maurer, тоже, т. II, с. 828, прим. 12. О привлеченіи въ окладъ господскихъ людей, тамъ же, с. 791, 870. У насъ, по тѣмъ же податнымъ соображеніямъ, посадскіе люди стремились приписывать къ посаду монастырскія и вообще частновладѣльческія пригородныя слободы; то же явленіе въ Германіи—(монастырскіе Vorstädte): Maurer, т. II, § 397.—У насъ, рядомъ съ полноправными членами городской общины, находимъ неполноправныхъ подсусѣдниковъ, подворниковъ, захребетниковъ, платящихъ, между прочимъ, особый небольшой сборъ «казачье». Въ нѣмецкихъ городахъ такіе же неполноправные члены общины назывались сходно съ нашими: Hintersassen, Hintersiedler (захребетники), Haussessen, Hofsessen (подворники), и также платили особый Hintersessen Steuer: Maurer, т. II, §§ 234, 396, с. 873.

обусловлена ихъ привилегіями. На западѣ точно также, по выраженію Маурера, сословныя „обязанности идутъ всегда рука-объ-руку съ правами“. На западѣ точно также въ эпоху сословной монархіи горожане обязаны были податьми (тягломъ), а дворяне военною конною службою. При этомъ тамъ, точно также какъ у насъ, дворянская свобода отъ податей объяснялась именно тѣмъ, что дворяне вмѣсто податей несутъ военную службу. На этомъ основаніи совершенно такъ же, какъ наши историки, приравнивающіе служилое тягло къ податному, германскій историкъ Эйхгорнъ давно уже приравнивалъ конную службу леннаго дворянства, какъ „особую земскую тягость“ (besondere Landeslast), къ податному бремени бюргеровъ, указывая, что основаніемъ ихъ свободы податей считалась въ это время и въ концѣ средневѣковья именно ихъ военная служба. Разсказывая о чрезвычайныхъ налогахъ, которые постановлялись на ландтагахъ германскихъ княжествъ въ XVI вѣкѣ, Эйхгорнъ говоритъ, что эти налоги принимали видъ особо отъ каждаго сословія даруемаго пособія, и при этомъ замѣчаетъ, что „земельная собственность рыцарства нерѣдко оставалась свободной отъ налога или менѣе обложенной, потому что во вниманіе принималась конная служба, какъ особая земская тягость, которую рыцари несли сверхъ того“ *).

§ 40. *Земскій соборъ и западныя сословныя собранія.*

Политическое значеніе нашихъ трехъ сословій: духовенства, дворянства и горожанъ, въ ихъ отношеніяхъ къ власти царя было, равнымъ образомъ, одинаково по существу съ политическимъ значеніемъ сословій Франціи и германскихъ государствъ. Оно проявилось въ земскихъ соборахъ, которые, какъ то достаточно ясно изъ изслѣдованій нашихъ историковъ, представляютъ собою учрежденіе, тожественное по своей природѣ съ французскими генеральными штатами, нѣмецкими ландтагами, испанскими кортесами, шведскимъ риксдагомъ, польскимъ сеймомъ и отчасти съ англійскимъ парламентомъ въ его первоначальномъ видѣ. Послѣ изслѣдованій В. И. Сергѣевича и Н. В. Латкина, установившихъ „многостороннія“, „поразительныя“ сходства между земскими соборами и французскими генеральными штатами, старая мысль о самобытномъ своеобразіи нашихъ соборовъ совершенно потеряла значеніе **).

---

*) Такъ, напримѣръ, рыцарство заявило на ландтагѣ въ Саксонскомъ курфюршествѣ 1552 года: «мы готовы съ каждой единицы оцѣнки (Schock) нашихъ ленныхъ имѣній, однако, за вычетомъ рыцарскихъ службъ... платить два пфенига. Совершенно также у насъ чрезвычайныя пятинныя деньги, взимавшіяся по постановленіямъ земскихъ соборовъ, взимались иногда и съ служилыхъ людей, но только съ тѣхъ, которые не участвовали въ походѣ.—K. Eichgorn, «Deutsche Staats und Rechtsgeschichte», IV, § 547, III изд., с. 393, и III, § 426, с. 268.

**) В. И. Сергѣевичъ, «Лекціи и изслѣдованія», 3-е изд., 1903, стр. 161—234 (изд. 1883 г., стр. 703 и сл.). Н. В. Латкинъ, «Земскіе соборы древней Руси, ихъ исторія и организація сравнительно съ западно-европейскими представительными учрежденіями», 1885. Присоединяясь къ главнымъ выводамъ этихъ изслѣдователей, Н. И. Карѣевъ говоритъ, что наши земскіе соборы должны быть подведены «подъ

Представительство на земскихъ соборахъ было всецѣло представительствомъ сословнымъ, отъ трехъ „чиновъ“: духовенства, дворянства и посадскихъ, и только отчасти отъ свободнаго сельскаго населенія. Сословность отразилась и на самомъ порядкѣ обсужденія дѣлъ на соборѣ; представители каждаго „чина“ совѣщались особо, и заключенія по вопросамъ, поставленнымъ на обсужденіе, давались „порознь“ отъ каждаго чина.

Боярская аристократія занимала особое положеніе: бояре входили въ составъ собора не по выборамъ, какъ представители дворянъ и посадскихъ людей, а какъ члены боярской думы. Во Франціи точно также въ генеральныхъ штатахъ участвовали не по выборамъ, а по должности члены тайнаго королевскаго совѣта и государственнаго. Особое положеніе на земскомъ соборѣ занимало также духовенство, выдѣляясь въ отдѣльный „освященный соборъ“. Земскій соборъ у насъ иногда, какъ, напримѣръ, соборъ 1648 года, дѣлился подобно англійскому парламенту на двѣ палаты; въ одной палатѣ засѣдали духовныя власти и боярская дума изъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей; въ другой, „отвѣтной палатѣ“ собирались всѣ выборные люди, дворяне и посадскіе.

Собраніе представителей этихъ высшихъ сословій называлось соборомъ земскимъ; ихъ заявленія принимались за голосъ всей земли, не взирая на то, что на соборѣ лишена была права голоса, за отсутствіемъ особыхъ выборныхъ, большая часть народа, все подвластное господамъ, безправное крестьянство. Представители крестьянъ, въ ограниченномъ числѣ, являлись на соборъ только изъ тѣхъ немногихъ мѣстъ, гдѣ уцѣлѣли не подпавшія подъ власть господъ свободныя общины. Представители трехъ высшихъ привилегированныхъ сословій у насъ вѣдаютъ „государево и земское дѣло“, говоря отъ имени всей земли. То же — на западѣ, въ англійскомъ парламентѣ, въ французскихъ генеральныхъ штатахъ и въ нѣмецкихъ ландтагахъ. Во Франціи представители трехъ сословій говорятъ отъ имени всего народа. Въ Германіи представители духовенства, рыцарства и бюргеровъ считаютъ себя на ландтагахъ („земскій день“) представителями всей земли. Близость этихъ порядковъ запада и Россіи проявляется и внѣшне, въ близости соотвѣтствующихъ терминовъ. На западѣ находимъ то же слово и то же понятіе „земли“ — Land, и то же слово „чины“ — ordines, états, Stände, что и у насъ. Описывавшій ярославскій соборъ 1612 года, современный наблюдатель, иностранецъ Петрей сразу нашелъ для московскихъ „чиновъ“ точно соотвѣтствующее нѣмецкое слово, назвавъ ихъ „die Musscovitischen Stände“.

Земскіе соборы созывались у насъ не въ силу особаго права сословій на участіе въ законодательствѣ и управленіи, не въ силу „консти-

---

одну категорію учрежденій съ западными сословными сеймами». По поводу нѣкоторыхъ ихъ особыхъ чертъ, Карѣевъ замѣчаетъ, что и на западѣ среди сословныхъ сеймовъ различныхъ странъ «не было единаго образца, и тамъ царило значительное разнообразіе, позволяющее намъ дѣлать лишь общія характеристики» («Помѣстье-государство», 1906, стр. 303—304).

туціи“, а по доброй волѣ государей, въ неопредѣленные сроки, только тогда, когда сама власть въ годы бѣдствій находила нужнымъ обратиться къ землѣ за поддержкой. Выборные люди на соборахъ не проявляли властной самостоятельности, не вступали въ конфликты съ государемъ, не предъявляли ему своихъ ультиматумовъ, а, наоборотъ, признавали авторитетъ его власти, обращались къ нему въ почтительнѣйшей формѣ „челобитій“, а иногда даже уклонялись отъ отвѣта на вопросъ, поставленный на ихъ обсужденіе, заявляя: „а какъ дѣло вершить, то государю вѣдомо“. Въ теченіе ста лѣтъ, съ 1550 до 1653 года, соборы созывались много разъ, причемъ иногда въ смутное время и позже, какъ, напримѣръ, послѣ московскаго бунта 1648 года, выборные являлись господами положенія, но они ни разу не сдѣлали попытки превратить **фактъ** созыва соборовъ и участія сословій въ дѣлахъ законодательства и управленія, въ **право**, обезпечивъ его конституціонными гарантіями, и потому, возникши по волѣ государей, по ихъ же волѣ они и прекратили свое существованіе.

Въ такой полной подчиненности земскаго представительства власти государя нѣкоторые наши историки увидѣли своеобразную черту земскихъ соборовъ и ихъ рѣзкое отличіе отъ представительства западно-европейскаго. Одни, какъ славянофилъ К. Аксаковъ, нашли здѣсь даже самобытность,—спеціально русское единеніе между царемъ и народомъ, особенный „свободный союзъ Земли и Государства“, въ которомъ „правительству принадлежала сила власти, Землѣ—сила мнѣнія“. Другіе, западники Чичеринъ и Костомаровъ, на основаніи „безправности“ нашихъ соборовъ, вынесли имъ суровый обвинительный приговоръ, говоря, что они пали вслѣдствіе собственнаго своего внутренняго ничтожества, и что они не дѣлаютъ чести тогдашнему обществу.

Въ сравненіи съ англійскимъ парламентомъ, который рано завоевалъ конституціонныя права, нашъ земскій соборъ, оставшійся безправнымъ и погибшій безъ борьбы, дѣйствительно, долженъ быть признанъ виновнымъ безъ всякаго снисхожденія. Но какъ только мы возьмемъ для сравненія не позднѣйшія западныя конституціи, а соотвѣтствующіе земскимъ соборамъ московскаго государства французскіе генеральные штаты и нѣмецкіе ландтаги эпохи сословной монархіи, какъ и англійскій парламентъ древнѣйшаго времени, мы должны будемъ признать, что нашъ земскій соборъ, хотя и виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія, потому что генеральные штаты болѣе культурной Франціи, подобно ему, также не сумѣли завоевать конституціонныхъ гарантій.

По своему составу и по отношеніямъ къ верховной власти, по своимъ правамъ, или, вѣрнѣе, безправію, земскій соборъ безусловно представляетъ собою учрежденіе, тожественное западно-европейскимъ представительнымъ собраніямъ среднихъ вѣковъ. Всѣ приведенные выше пункты обвинительнаго акта противъ нашихъ соборовъ, сводящіеся къ одному: къ обвиненію ихъ въ безправности, въ подчиненности верховной власти, всѣ эти

пункты въ равной мѣрѣ могутъ быть выдвинуты и противъ французскихъ штатовъ и другихъ сословныхъ собраній того же типа. „Поразительное“ сходство земскаго собора, какъ учрежденія, въ отношеніи его состава и правъ съ французскими штатами отчетливо выяснено В. И. Сергѣевичемъ. В. Н. Латкинъ продолжилъ его работу, взявъ для сравненія другія представительныя сословныя собранія запада.

По составу своему нашъ земскій соборъ, также какъ западныя палаты, былъ учрежденіемъ сословнымъ, какъ я уже говорилъ; онъ составлялся изъ представителей „чиновъ“, какъ на западѣ изъ представителей ordines, états, Stände. „Что наши соборы—замѣчаетъ Латкинъ—были учрежденіями сословными, объ этомъ свидѣтельствуютъ выборы, происходившіе по сословіямъ. Въ этомъ отношеніи между нашими соборами и европейскими собраніями существуетъ не только аналогія, но даже полнѣйшее тожество. Какъ у насъ, такъ и на западѣ депутаты были сословными представителями, связанными сословными инструкціями и подававшими сословныя петиціи... Сходство усиливается еще тѣмъ, что члены высшихъ сословій (какъ у насъ, такъ и на западѣ) засѣдали поголовно, члены же низшихъ—чрезъ посредство представителей“.

Въ отношеніи правъ, нашъ земскій соборъ былъ столь же безправнымъ, столь же зависящимъ отъ воли государя, какъ и западныя собранія. Для созыва собора, какъ и этихъ собраній, не было установлено сроковъ ни закономъ, ни обычаемъ, и созывъ ихъ, а слѣдовательно и самое ихъ существованіе, зависѣло всецѣло отъ государя. Соборы, какъ и западныя собранія, прекращаютъ свое существованіе у насъ и на западѣ въ XVII вѣкѣ потому, что государи перестаютъ ихъ созывать. Если наши соборы не выработали конституціонныхъ гарантій, то не выработали ихъ и французскіе генеральные штаты и большая часть палатъ въ другихъ странахъ.

Компетенція нашихъ и западныхъ соборовъ была столь же неопредѣленной, сколь неустойчиво было самое ихъ существованіе. Они созываются для обсужденія вопросовъ и законодательства, и суда, и управленія, и внѣшней политики, но постановка того или иного вопроса всецѣло зависитъ отъ воли государя.

Только особые соборы, избирательные, созывавшіеся для выбора государя, дѣйствуютъ, какъ учрежденія властныя, принимая извѣстныя рѣшенія, имѣющія обязательную силу. Соборы же обычнаго типа, созывавшіеся государями, какъ и западныя собранія, имѣли только совѣщательное значеніе; рѣшенія ихъ не были обязательны для верховной власти.

Указывая, что формально наши соборы имѣли только совѣщательное значеніе, В. И. Сергѣевичъ правильно отмѣчаетъ, что на дѣлѣ „значеніе московскихъ соборовъ не исчерпывается понятіемъ совѣщательнаго учрежденія; оно идетъ далѣе, хотя никакой указъ формально и не признавалъ за ними того положенія, какимъ они въ дѣйствительности пользовались“.

Но юридически это значеніе оставалось очень неопредѣленнымъ. „Съ такою же неопредѣленностью юридическаго значенія представительства—говоритъ Сергѣевичъ—встрѣчаемся и въ западной Европѣ. Во Франціи эта неопредѣленность осталась постояннымъ признакомъ дѣятельности генеральныхъ штатовъ". „Въ Россіи и Франціи одинаково,—замѣчаетъ Латкинъ,—собранія, не имѣя юридической основы, не обладали никакой опредѣленной компетенціей; отношенія же ихъ къ государямъ были построены исключительно на фактической почвѣ". По этой неопредѣленности своихъ правъ, нашъ земскій соборъ вполнѣ сходенъ не только съ французскими штатами, на чемъ настаиваютъ Сергѣевичъ и Латкинъ, но и съ сословными палатами другихъ странъ и особенно съ нѣмецкими ландтагами. Ту же юридическую неопредѣленность (Rechtsunsicherheit) въ отношеніяхъ ландтаговъ къ государямъ выдвигаетъ новый изслѣдователь этого вопроса Ф. Тецнеръ. Онъ настаиваетъ на томъ, что въ этихъ отношеніяхъ рѣшающее значеніе имѣли не отвлеченныя правовыя нормы, а отношенія силы (Machtverhältnisse). Если иногда сословіямъ и удавалось установить нѣкоторые порядки, связывающіе власть государя, то эти порядки никогда не пріобрѣтали значенія устойчивыхъ правовыхъ институтовъ: „они возникаютъ и исчезаютъ—говоритъ Тецнеръ—большею частью вмѣстѣ съ тѣми политическими замѣшательствами, которыя ихъ породили". „То, что бывало вынуждено у слабаго, политически неспособнаго, расточительнаго, удрученнаго династическими распрями или военными неудачами государя, исчезаетъ, какъ таетъ снѣгъ на солнцѣ, при преемникѣ такого государя, сильномъ, одаренномъ, имѣющемъ способности автократа или умѣло пользующемся благопріятными политическими обстоятельствами" *).

Все значеніе сословій въ области законодательства сводится, по опредѣленію Тецнера, къ праву петицій, къ праву жалобы. То же единственное формальное право рельефно выдѣляется и въ отношеніяхъ къ государямъ нашихъ чиновъ, какъ и французскихъ штатовъ. Право петицій или право „челобитья" принадлежитъ нашимъ сословіямъ, какъ и западнымъ, и внѣ земскихъ соборовъ. Формально же и на соборахъ вся дѣятельность сословныхъ представителей сводится къ осуществленію этого права заявлять государю о своихъ сословныхъ нуждахъ и пожеланіяхъ. Если у насъ, какъ формулируетъ это право Аксаковъ, землѣ принадлежала „сила мнѣнія", то къ той же силѣ мнѣнія или къ праву петицій сводится и право западныхъ земель (Land), въ лицѣ ихъ чиновъ. На нашихъ соборахъ выборные люди обращались къ государю „въ почтительной, по понятіямъ того времени, формѣ челобитій и съ самостоятельными заявленіями о своихъ нуждахъ... Съ такимъ же обычаемъ—замѣчаетъ Сергѣевичъ—встрѣчаемся и въ западныхъ государствахъ.

---

*) Friedrich Tezner, «Technik und Geist des ständisch-monarchischen Staatrechts»; «Staats und socialwissensch. Forschungen» von G. Schmoller, B. IX, H. 3, 1901, с. 5, 65. Ниже цитата, с. 24.

Въ Англіи представители обращаются къ королямъ съ петиціями. Относительно Франціи мы знаемъ, что обращенія выборныхъ къ королямъ въ формѣ жалобъ (doléances) дѣлались ими съ преклоненіемъ колѣнъ". Тѣ же „петиціи", тѣ же жалобы, тѣ же пожеланія сословій находимъ и въ нѣмецкихъ ландтагахъ. Государь въ концѣ ландтага даетъ отвѣтъ на эти заявленія по пунктамъ. Образуется какъ бы „діалогъ между государемъ и сословіями", замѣчаетъ Тецнеръ: „Однѣмъ петиціямъ онъ даетъ ходъ, съ урѣзывающими ихъ содержаніе измѣненіями, или затемняетъ смыслъ ихъ въ своихъ интересахъ, или, наконецъ, прямо ихъ отклоняетъ".

Среди общей неопредѣленности отношеній между сословіями и государемъ это очень опредѣленное право петицій, принадлежавшее сословіямъ равно у насъ и на западѣ, имѣло большое значеніе. Какъ ни естественно само по себѣ, какъ ни непреходяще казалось бы,—по замѣчанію Блунчли—право жителей государства заявлять свои просьбы, желанія и жалобы, это право далеко не всегда признавалось государями въ новыя времена и нерѣдко даже разсматривалось какъ заслуживающее наказанія новшество. Намъ это хорошо знакомо по недавней русской дѣйствительности. Извѣстная статья Дитятина „О роли челобитій и земскихъ соборовъ", которую онъ началъ цитированными словами Блунчли, представляетъ собою осторожно выраженную въ формѣ исторической справки политическую петицію о возстановленіи того права челобитій, которымъ столь свободно и непререкаемо пользовались чины московскаго государства *).

§ 41. *Мнимое ничтожество земскихъ соборовъ.*

Въ отношеніи состава и правъ нашъ земскій соборъ, такимъ образомъ, представляетъ собою безусловно учрежденіе одного типа или одной природы съ западными сословными собраніями. Но, можетъ-быть, онъ рѣзко отличается отъ этихъ собраній по своему историческому значенію, можетъ-быть, въ русской, столь оригинальной по общему мнѣнію, средѣ это учрежденіе имѣло совершенно оригинальный характеръ?

На такомъ иномъ историческомъ значеніи настаиваетъ особенно Чичеринъ, въ доказательство вообще несходства нашихъ соборовъ съ западными собраніями. Соборы—полагаетъ онъ—у насъ имѣли „несравненно меньшее значеніе, нежели подобныя собранія на западѣ". Они кажутся ему „крайне скудными и безцвѣтными" въ сравненіи даже съ французскими генеральными штатами, которые изъ западно-европейскихъ учрежденій этого рода „имѣли наименьшую силу". „Земскіе соборы—замѣчаетъ Чичеринъ—прекратились въ Россіи въ половинѣ XVII вѣка одновременно съ прекращеніемъ сословнаго представительства во многихъ

*) Н. П. Дитятинъ, «Статьи по исторіи русскаго права», 1896, с. 272.

государствахъ европейскаго материка"... Но у насъ „паденіе совѣщательныхъ собраній совершилось всего легче". „Земскіе соборы исчезли не вслѣдствіе сословной розни или опасеній монарховъ, а просто вслѣдствіе внутренняго ничтожества".

Ошибочность этихъ выводовъ Чичерина безспорна послѣ изслѣдованія С. Ф. Платонова о смутномъ времени, въ которомъ земскіе соборы имѣли столь крупное историческое значеніе, и послѣ его же, недавно появившейся, работы о земскихъ соборахъ. Наши соборы казались Чичерину ничтожными, скудными и безцвѣтными только потому, что онъ не зналъ ихъ богатой внутренней жизни на почвѣ сословной борьбы, раскрытой Платоновымъ. Это еще одинъ примѣръ того, какъ, по мѣрѣ болѣе глубокаго изученія русской древности, она все болѣе и болѣе сближается съ древностью западной.

Земскіе соборы пали у насъ не „вслѣдствіе внутренняго ничтожества", а какъ-разъ обратно тому, что утверждалъ Чичеринъ, именно „вслѣдствіе сословной розни и опасеній монарховъ". Побѣдителями изъ долгой борьбы смутнаго времени вышли два среднія сословія, дворянство и горожане, или средніе „классы" служилыхъ людей и посадскихъ, какъ называетъ ихъ Платоновъ. Эти же сословія восторжествовали и на земскомъ соборѣ 1648 года, имѣвшемъ капитальное значеніе въ исторіи XVII вѣка. „Какъ въ 1612—1613 гг. средніе слои общества возобладали благодаря внутренней солидарности и превосходству силъ, такъ и въ 1648 г. они достигли успѣха, благодаря единству настроенія и дѣйствія и численному преобладанію на соборѣ". Они добились своихъ стремленій, направленныхъ „противъ общественныхъ вершинъ, духовенства и знати, и противъ общественныхъ низовъ: крестьянства и частновладѣльческихъ людей"... „Общественная средина, составлявшая на соборѣ подавляющее большинство, „за себя стала" и своими челобитьями искала возможности провести въ законъ такія „статьи", которыя дѣйствительно охраняли бы до тѣхъ поръ попираемый ея сословный интересъ. За исключеніемъ одного пункта (отобраніе земель, пріобрѣтенныхъ духовенствомъ въ 1584—1648 гг.), всѣ остальныя челобитья были удовлетворены государемъ и обратились въ статьи Уложенія. Такихъ новыхъ статей на 1000 приблизительно статей Уложенія насчитывается около 80-ти" *).

На соборахъ была сословная рознь. Вызывали соборы и опасенія монарховъ. Соборъ 1648 года тѣсно связанъ съ московскимъ революціоннымъ движеніемъ, направленнымъ противъ правившаго всѣми дѣлами царскаго дядьки, боярина Б. И. Морозова и его единомышленниковъ: окольничаго Траханіотова, земскаго судьи Леонтья Плещеева и думскаго дьяка Чистого. 2 іюня 1648 г. въ Москвѣ начался мятежъ

*) Б. Чичеринъ, «О народномъ представительствѣ», изд. «Библ. для самообразованія», 1899, стр. 560, 536.—С. Платоновъ, «Къ ист. земск. собор.,» стр. 56, 57.

противъ этихъ сановниковъ, „домы ихъ міромъ разбили и разграбили,— говоритъ лѣтописецъ,—и самого думнаго дьяка Назарья Чистого у нево въ дому до смерти прибили". На слѣдующій день, „видя государь царь такое въ міру смятеніе, велѣлъ его земскаго судью Левонтья Плещеева всей землѣ выдать головою, и его Левонтья міромъ на пожарѣ прибили ослопьемъ". Царь Алексѣй далъ возмутившемуся народу торжественное обѣщаніе выслать изъ Москвы Траханіотова и Морозова и не поручать имъ впредь никакихъ дѣлъ: „и на томъ государь царь къ Спасову образу прикладывался". Но тутъ въ Москвѣ начался большой пожаръ: народъ обвинилъ въ поджогѣ ненавистнаго Траханіотова, и царю пришлось уступить еще разъ и приказать его „казнить передъ міромъ". Царю удалось уберечь только Морозова: царь „упросилъ у міру", чтобъ его сослать съ Москвы въ Кириловъ монастырь на Бѣлоозеро, „а за то ево не казнить, что онъ государя царя дядька, вскормилъ его государя". Земскій соборъ 1648 года былъ экстренно созванъ вслѣдъ за этимъ мятежемъ, отразившимся народными волненіями и въ другихъ городахъ, въ Устюгѣ, Сольвычегодскѣ, Козловѣ, Томскѣ и позднѣе въ 1650 г. крупнымъ мятежемъ въ Псковѣ *). Патріархъ Никонъ, игравшій затѣмъ роль временщика, всегда рѣзко возставалъ противъ Уложенія, изданнаго по приговору земскаго собора при такихъ обстоятельствахъ, и называлъ его „проклятою" и беззаконною книгою. „И то всѣмъ вѣдомо,—писалъ онъ,— что сборъ (соборъ) былъ не по воли, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради".

После перваго десятилѣтія царствованія Михаила Θеодоровича, когда соборы дѣйствовали въ единеніи съ монархомъ, являясь выразителями интересовъ среднихъ классовъ, „вокругъ государя—говоритъ Платоновъ—постепенно образовалась приказная бюрократическая среда, своего рода средостѣніе между властью и обществомъ. Раздражаемая злоупотребленіями приказныхъ людей, земщина стала мѣнять тонъ на соборахъ; въ 1648—1649 гг. она явно стала противъ „сильныхъ людей", и въ борьбѣ съ ними инстинктивно потянулась къ тому, что называется законодательною иниціативою. Пассивный прежде совѣтникъ теперь становился неудобнымъ для приказно-бюрократическихъ круговъ и потому былъ очень скоро устраненъ" **).

Свои соображенія о совершенно своеобразномъ значеніи нашихъ соборовъ и о ихъ внутреннемъ ничтожествѣ Чичеринъ подкрѣплялъ указаніями на иное ихъ происхожденіе, на коренное несходство съ западомъ той общественной среды, въ которой они возникли. Земскій соборъ—разсуждалъ Чичеринъ, какъ и другіе изслѣдователи—былъ со-

*) С. Ф. Платоновъ, «Статьи по русской исторіи», 1903, стр. 87—90. Матеріалы о мятежахъ 1648 года въ Козловѣ, Устюгѣ, Челнавскомъ острогѣ и Томскѣ изданы А. Н. Зерцаловымъ въ «Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн.», 1896, т. 177, кн. 2.

**) С. Ф. Платоновъ, «Къ исторіи моск. земскихъ соборовъ», 1905, стр. 66—67.

словнымъ представительствомъ; но наши сословія XVII вѣка были совершенно непохожи на западныя, по своему происхожденію и по своему значенію. Западныя сословія были „организованными, самородными силами“, наши же были искусственно созданы правительствомъ, такъ какъ, въ противоположность западу, у насъ-де въ пустынной странѣ съ подвижнымъ населеніемъ „все общественное зданіе воздвигалось рукою власти“ *). Проистекающей отсюда слабостью нашихъ сословій Чичеринъ объяснялъ и мнимо-оригинальную слабость нашихъ соборовъ.

Историки права, Сергѣевичъ и Латкинъ, выяснившіе полное, доходящее до тожества, сходство земскихъ соборовъ съ сословными собраніями, не только по ихъ устройству, но и по ихъ значенію, соглашались съ Чичеринымъ въ вопросѣ о происхожденіи нашихъ соборовъ. Они также признавали, что сословія возникли у насъ совершенно иначе, чѣмъ на западѣ, „искусственнымъ путемъ“, и имѣли иной характеръ: „тяглыхъ классовъ“, а не сословій. Послѣ этого имъ оставалось только крайне изумляться и недоумѣвать, какъ въ результатѣ совершенно иного общественнаго развитія, въ совершенно иной общественной средѣ у насъ возникаетъ земскій соборъ, тожественный по существу съ представительными сословными собраніями запада. Въ такомъ тожествѣ этихъ учрежденій не было бы ничего удивительнаго, если бы его возможно было объяснить заимствованіемъ, если бы всѣ эти собранія создались одинаково по чужому примѣру, подобно современнымъ парламентамъ, которые всѣ заимствованы изъ одного источника. Но самостоятельное возникновеніе земскихъ соборовъ столь несомнѣнно, что никто изъ историковъ не рѣшился воспользоваться для объясненія ихъ сходства съ западными собраніями гипотезой о заимствованіи ихъ съ запада, которою у насъ такъ часто злоупотребляли. Оставалось, какъ я сказалъ, только изумляться, не находя удовлетворительнаго объясненія. Такъ, выяснивъ „несомнѣнныя черты сходства“ между нашими и западными сословными собраніями, В. И. Сергѣевичъ говоритъ: „эти сходства тѣмъ поразительнѣе, что соціальное положеніе разныхъ общественныхъ группъ, на которыя распадалось населеніе Англіи и Франціи, очень различалось отъ соціальнаго положенія нашихъ группъ“ **). Такое возникновеніе двухъ тожествен-

*) В. Чичеринъ, «О народномъ представительствѣ», стр. 528, 532 и др. Я разсмотрѣлъ уже выше эту антитезу въ новѣйшей формулировкѣ П. Н. Милюкова (§ 7).

**) Для объясненія этой «поразительности» Сергѣевичъ (стр. 176) пользуется аналогіей съ современными парламентами, но 1) между сходствомъ различныхъ современныхъ парламентовъ и сходствомъ старыхъ сословныхъ собраній нѣтъ ничего общаго, такъ какъ парламенты всѣ заимствованы изъ одного источника; сословныя же собранія вездѣ возникали самостоятельно, независимо отъ внѣшнихъ вліяній. 2) Даже заимствованные парламенты прививаются только тамъ, гдѣ есть для этого сходная общественная среда на соотвѣтствующей стадіи соціальнаго развитія, и пересаженные въ неподходящую среду, напримѣръ, въ Турцію, гибнутъ. Аналогія эта, такимъ образомъ, ничего не даетъ для объясненія, какъ два тожественныхъ учрежденія сами собою возникаютъ въ совершенно различныхъ соціальныхъ условіяхъ. Н. В. Латкинъ, признавъ, что наши соборы и западныя собранія «ни въ чемъ не отличаются другъ отъ друга и не составляютъ ничего особеннаго одинъ отъ другого», замѣчаетъ: «естественно предположить, что причина подобнаго сходства

ныхъ учрежденій, безъ взаимныхъ вліяній, въ совершенно различной соціальной средѣ было бы не только „поразительнымъ“, но и совершенно непонятнымъ, если бы только наши соборы, дѣйствительно, возникли въ иной соціальной средѣ, чѣмъ западныя собранія. На самомъ же дѣлѣ, какъ выяснено на предыдущихъ страницахъ, среда, въ которой возникли наши и западныя собранія, была одинакова. Наше московское государство съ его земскими соборами было такимъ же сословнымъ государствомъ, какъ западныя сословныя государства, съ ихъ генеральными штатами, ландтагами, кортесами, и т. д. И нашъ государственный порядокъ московской эпохи, XVI—XVII вѣковъ, выросъ, также какъ на западѣ, изъ порядка феодальнаго *). Одинаковое сословное представительство самопроизвольно возникло у насъ, какъ и въ различныхъ странахъ запада, потому что вездѣ одинаково были сословія, имѣвшія важное значеніе и силу, какъ наслѣдіе феодальной эпохи. У насъ, какъ и на западѣ, не окрѣпшая еще государственная власть ищетъ опоры въ этихъ „самородныхъ силахъ“ въ годы кризисовъ. И тамъ, и здѣсь эти силы, легко организуясь, поддерживаютъ часто шатающуюся и падающую власть. И тамъ, и здѣсь, какъ только власть достаточно окрѣпнетъ, она, идя къ абсолютизму, отбрасываетъ ставшую ей ненужной подпору представительныхъ сословныхъ собраній.

§ 42. *Государственное управленіе и законодательство.*

Московское государство чрезвычайно близко къ западнымъ сословнымъ государствамъ той же стадіи развитія не только этою сословною основою строя, но также и порядками государственнаго управленія. У насъ въ XVI вѣкѣ, какъ и въ Германіи съ объединеніемъ территорій въ XV—XVI вѣкахъ, правительственная власть впервые получаетъ истинно-государственный характеръ; она сосредоточивается, крѣпнетъ и воздѣйствуетъ на разнообразныя стороны жизни, такъ какъ уже имѣетъ достаточно силъ для того, чтобы проводить въ жизнь свои велѣнія.

У насъ и въ Германіи съ XVI вѣка впервые дифференцируется центральное управленіе подъ давленіемъ умножившихся и усложнившихся

кроется въ томъ, что условія, при существованіи которыхъ развивались учрежденія, были вполнѣ сходны». Но онъ не выясняетъ этихъ сходныхъ условій развитія, такъ какъ вмѣстѣ съ другими историками признаетъ, что сословія у насъ «созданы искусственнымъ путемъ», и что у насъ собственно сословій не было, а было только «фактическое разграниченіе членовъ общества по роду занятій и службъ» («Земскіе соборы», 1885, стр. 403).

*) Присоединившись къ главнымъ положеніямъ моего изслѣдованія о феодализмѣ, Ѳ. В. Тарановскій сдѣлалъ слѣдующее правильное предположеніе на основаніи изслѣдованій Сергѣевича и Латкина о земскихъ соборахъ: «Въ этихъ изслѣдованіяхъ—говоритъ онъ—наши земскіе соборы конструированы какъ учрежденія сословнаго представительства. Этотъ выводъ можетъ послужить солиднымъ операціоннымъ базисомъ для распространенія сравнительно-историческаго изученія на весь политико-правовой строй Московскаго государства, который, быть-можетъ, свободно уляжется въ рамки сословно-монархическаго государства, въ свое время сложившагося на почвѣ феодализма» («Феодализмъ въ Россіи», критич. очеркъ: «Варш. Унив. Изв.» 1902, и отд. стр. 53).

его задачъ. „Прошли тѣ времена—говоритъ Лампрехтъ, описывая реформы центральнаго управленія XVI вѣка,—прошли тѣ времена, когда одинъ осликъ возилъ всю канцелярію территоріальнаго князя при его постоянныхъ разъѣздахъ по его владѣніямъ, когда даже канцелярія императора слѣдовала за нимъ при его переѣздахъ изъ одной резиденціи въ другую на нѣсколькихъ повозкахъ“. „XVI вѣкъ, замѣчаетъ Лампрехтъ, былъ вѣкомъ дѣятельныхъ экспериментовъ въ сферѣ центральнаго управленія“; это управленіе дифференцируется: возникаютъ зачатки особыхъ органовъ для отдѣльныхъ его отраслей, финансоваго, военнаго и другихъ. Мѣстное управленіе также медленно реформируется; старые амтманы феодальнаго типа постепенно замѣняются лучшимъ „чисто техническимъ управленіемъ“ *).

Переходъ отъ удѣльнаго строя къ государственному выражается у насъ въ XVI вѣкѣ точно также преобразованіемъ центральнаго и мѣстнаго управленія, въ томъ же направленіи. Центральное управленіе дифференцируется съ образованіемъ приказовъ. Посольскаго, напримѣръ, дьяка смѣняетъ посольскій приказъ, какъ организованное учрежденіе. Въ области мѣстнаго управленія намѣстниковъ въ XVI вѣкѣ смѣняютъ воеводы. Въ воеводахъ сохраняются еще старыя черты намѣстниковъ; воеводство сохраняетъ характеръ стараго кормленія, потому что часть собираемыхъ доходовъ идетъ въ пользу воеводы; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, воеводство существенно отличается отъ намѣстничества. Намѣстникъ удѣльнаго времени управлялъ, какъ частный хозяинъ и почти безконтрольный хозяинъ, съ обязательствомъ часть всѣхъ доходовъ, „прибытка“ съ волости и съ города (въ XIV вѣкѣ половину такого прибытка) доставлять князю; воевода же управлялъ подъ строгимъ контролемъ центральной власти, онъ имѣлъ право брать въ свою пользу только нѣкоторые опредѣленные сборы и во всѣхъ доходахъ обязанъ былъ отчетомъ. При назначеніи воеводъ имъ давались подробные „наказы“ и для болѣе дѣйствительнаго контроля воеводы смѣнялись черезъ два года. Если „намѣстники—говоритъ Андреевскій—могли по праву смотрѣть на управляемыхъ, какъ на средство для удовлетворенія своихъ личныхъ цѣлей, то воеводы могли осуществлять въ своемъ управленіи такой взглядъ только по злоупотребленію власти и по неимѣнію у правительства достаточнаго за ними надзора“ **).

Въ московскомъ государствѣ, какъ и въ государствахъ запада, соотвѣтствующей стадіи развитія, впервые выдвигается право-творящая сила власти. Средніе вѣка—эпоха господства обычнаго права. Государство же, возникшее послѣ среднихъ вѣковъ, творитъ новое право закономъ. „Старые земскіе

---

*) К. Лампрехтъ, «Исторія германскаго народа,» перев. П. Николаева, 1896, т. III, стр. 370 и слѣд.

**) И. Андреевскій, «О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ», 1864; положеніе 2-е, и стр. 40, 43.—О приказахъ см. Н. Рожковъ, «Происхожденіе самодержавія въ Россіи», 1906.

уставы конца среднихъ вѣковъ—говоритъ Лампрехтъ—были по большей части простой кодификаціей существующихъ правъ"; въ XVI вѣкѣ появляется „масса указовъ территоріальныхъ князей, указовъ, создававшихъ новое право по просьбѣ и совѣту земскихъ сословій или и безъ ихъ вѣдома". „Появились многотомные земскіе регламенты, имѣвшіе отношеніе ко всѣмъ жизненнымъ отправленіямъ общества, казуистически подробные, отечески обстоятельные и отечески же жестокіе; къ этому присоединялись и спеціальные указы о всевозможныхъ предметахъ, о важномъ и мелочахъ... Они связывали подданныхъ, бюргеровъ, также какъ крестьянъ и дворянство; они связывали судоходство не менѣе, чѣмъ земледѣліе и торговлю; они не оставляли безъ регулированія и новую духовную жизнь націи" *).

Эта реформаторская и полицейская дѣятельность государства особенно развивается въ Германіи и Франціи позднѣе, въ XVII, XVIII вѣкахъ, когда, послѣ упадка генеральныхъ штатовъ и ландтаговъ, монархія, опирающаяся на регулярное постоянное войско, становится монархіей абсолютной. У насъ она съ полной силою развивается также позднѣе въ преобразовательной дѣятельности Петра I и затѣмъ Екатерины II, но она проявляется уже въ XVII вѣкѣ. Право-творящее уложеніе 1649 года замѣтно отличается отъ по преимуществу кодифицирующихъ дѣйствующее право судебниковъ 1497—1550 годовъ **).

Не надо слишкомъ рѣзко по эпохамъ раздѣлять эти два элемента законодательства, кодификацію, съ одной стороны, и созданіе новаго права—съ другой. Несомнѣнно и въ средніе вѣка власть въ лицѣ князей творила новое право: у насъ, напримѣръ, оно создавалось путемъ соглашеній князей. Несомнѣнно, съ другой стороны, что и законодательство XVI—XVIII вѣковъ большею частью не столько творило новое право, сколько закрѣпляло закономъ измѣнившіяся правовыя отношенія, также только кодифицировало, такъ сказать, измѣнившееся уже въ жизни право. Несомнѣнно также, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ новые регламенты слишкомъ самовластно и рѣзко ломали установившіяся право-отношенія, они большею частью оставались мертвою буквою. Но всѣ эти оговорки никакъ не стираютъ указаннаго выше различія между средне-вѣковыми судебниками и законами новаго времени. Въ средніе вѣка, дѣйствительно, господствуетъ обычное право, и право-творящій элементъ власти большею частью безсиленъ. Въ законодательствѣ же новаго времени этотъ элементъ несомнѣнно имѣетъ значеніе, хотя и не столь важное по существу, какъ то можетъ показаться на первый взглядъ по чрезвычайному обилію императивныхъ указовъ и регламентовъ.

---

*) К. Лампрехтъ, «Ист. герм. народа», т. III, стр. 374.

**) Кодифицируя московское право, судебники имѣли еще особое значеніе, дѣлая это право обязательнымъ для всѣхъ недавно подчиненныхъ Москвѣ областей. Такое же значеніе имѣла во Франціи кодификація кутюмъ въ началѣ XVI вѣка (Aug. Thierry, «Essai sur l'histoire du tiers-état», ch. IV, p. 108).

II. Петербургская имперія.

§ 43. *Петровская реформа и абсолютизмъ.*

Наивысшее напряженіе реформаторской власти государства новаго времени у насъ въ эпоху Петра I не измѣнило главныхъ основаній соціальнаго и государственнаго строя. Петровская реформа, какъ доказываютъ новые историки въ рядѣ монографій, отнюдь не имѣла значенія коренного перелома въ нашей исторіи. Сословный строй государства вышелъ изъ эпохи преобразованій безъ существенныхъ перемѣнъ, а крѣпостное право, лежавшее въ основаніи этого строя, только усилилось послѣ Петра.

Реформы Петра въ области центральнаго и мѣстнаго управленія, какъ доказалъ П. Н. Милюковъ, тѣсно связывались съ развитіемъ московской Руси; и онѣ уцѣлѣли только въ той мѣрѣ, въ какой соотвѣтствовали требованіямъ развитія; все же остальное, въ чемъ Петръ, въ увлеченіи мнимою силою своихъ повелѣній, вышелъ за предѣлы дозволеннаго ходомъ развитія, все это было или прямо отмѣнено Меншиковымъ черезъ годъ послѣ его смерти, или же подъ новою скорлупою сохранило старое ядро. Такъ, черезъ годъ послѣ смерти Петра I, отмѣнена была вся новая, оказавшаяся непомѣрно сложной и дорогой для страны, провинціальная администрація: указомъ 1727 года рѣшено было „какъ надворные суды, такъ и всѣхъ лишнихъ управителей, и канцеляріи, и конторы земскихъ комиссаровъ и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставить, и положить всю расправу и судъ попрежному на губернаторовъ и воеводъ“. Такъ, напримѣръ, посадская община, какъ то выяснилъ А. А. Кизеветтеръ, сохранила въ XVIII вѣкѣ вполнѣ архаическій московскій строй, несмотря на всѣ „коренныя реформы“ Петра и Екатерины. При изученіи посада XVIII в. изслѣдователя поражаетъ „глубокая бездна, отдѣлявшая Россію краснорѣчивыхъ регламентовъ, инструкцій, указовъ, изготовлявшихся въ петербургскихъ канцеляріяхъ и изукрашенныхъ цвѣтами модной въ то время политической идеологіи, отъ сѣрой будничной дѣйствительности подлинной Россіи того времени... Изъ-подъ внѣшней оболочки новаго канцелярскаго жаргона на васъ глядитъ старая московская Русь, благополучно переступившая за порогъ XVIII столѣтія и удобно размѣстившаяся въ новыхъ рамкахъ петербургской имперіи“ *).

Въ культурной области реформа Петра не имѣла значенія коренного перелома, потому что она сосредоточилась на заимствованіи техническихъ знаній, непрерывно усваивавшихся и ранѣе московскою Русью. Потокъ

---

*) П. Милюковъ, «Государственное хозяйство Россіи въ 1-й четверти XVIII столѣтія и реформа Петра В.», 1892.—М. Богословскій, «Областная реформа Петра В.», 1902, см. гл. VI.—А. Кизеветтеръ, «Рѣчь передъ диспутомъ» («Р. Мысль», 1904, янв., стр. 160).

этихъ заграничныхъ знаній, издавна шедшій въ Русь, сталъ только болѣе стремительнымъ при Петрѣ Великомъ. Въ области же духовной, науки и искусства, реформа ограничивалась поверхностнымъ заимствованіемъ, внѣшней подражательностью: она была здѣсь только однимъ изъ этаповъ движенія, которое только позже, частью уже при Екатеринѣ II, и особенно въ первой половинѣ XIX вѣка дало осязательные результаты, когда европейская культура усвоена была вполнѣ, хотя еще и очень немногочисленнымъ верхнимъ слоемъ общества.

Наиболѣе важное значеніе съ точки зрѣнія „коренного перелома", разрыва съ прошлымъ имѣетъ только военная реформа Петра и тѣсно связанное съ ней усиленіе центральной власти, утвержденіе абсолютизма.

Военная реформа Петра, образованіе постояннаго регулярнаго войска, была также тѣсно связана съ XVII вѣкомъ, какъ и другія его преобразованія. Задолго до Петра, еще въ 1632 году, у насъ, вслѣдъ за болѣе древними постоянными полками стрѣльцовъ и пушкарей, являются „полки иноземнаго строя", „рейтарскіе" „драгунскіе" и „солдатскіе" съ этими самыми иноземными названіями. Тогда же усердно переводятся съ нѣмецкаго и воинскія книги: „Kriegsbuch" и „Kriegskunst". Одна изъ такихъ книгъ была дважды переведена, по приказанію царя Василія Шуйскаго, вскорѣ послѣ появленія ея въ Германіи; другая была даже напечатана въ Москвѣ, съ рисунками, оттиснутыми за границей *). Затѣмъ въ теченіе XVII вѣка полки иноземнаго строя все увеличиваются, и въ походѣ 1681 года они уже въ пять разъ превосходятъ иррегулярную дворянскую конницу. Петръ дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ по этому пути, улучшая военный строй регулярныхъ полковъ, увеличивая ихъ число и совершенно уничтожая дворянское конное ополченіе. Дворяне и дѣти боярскіе, помѣщики, названные по-новому „шляхетствомъ", избавляются отъ старинной своей обязанности, унаслѣдованной отъ удѣльнаго времени, являться въ полкъ „конны, людны и оружны", избавляются лѣтъ черезъ 30—40 послѣ того, какъ та же обязанность сложена была съ германскихъ ленныхъ владѣльцевъ (§ 38). Взамѣнъ того дворяне обязываются служить государству на новыхъ началахъ общей государственной службы, военной или гражданской, по своему выбору. Это былъ дѣйствительный разрывъ съ прошлымъ, но только съ той стороной прошлаго, которая раньше уже потеряла жизненное значеніе.

Съ образованіемъ сильнаго регулярнаго войска, центральная власть усиливается у насъ, какъ и на западѣ, и московское патріархальное самодержавіе превращается въ императорскій абсолютизмъ. Самодержавіе первыхъ Романовыхъ не было „самовластіемъ"; оно фактически было связано силою сословій и внутренней слабостью впервые организующейся

---

*) А. И. Соболевскій, «Переводная литература Московской Руси», 1903, стр. 105, 106.

центральной власти, а также сильнымъ тогда еще консерватизмомъ обычнаго права. Царь долженъ былъ править по старинѣ въ согласіи съ боярской думою, въ согласіи съ патріархомъ и освященнымъ соборомъ, а въ важнѣйшихъ дѣлахъ „по совѣту всей земли“. По теоріи царской власти, развитой „тишайшимъ царемъ“ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ соотвѣтствіи съ господствовавшими тогда воззрѣніями, царь—не самовластецъ, а только высшій милостивый судья, поборникъ правды, защитникъ сирыхъ и безпомощныхъ; обязанность царя: „разсуждать людей въ правду“ и „безпомощнымъ помогать“ *).

Петръ I, въ противоположность своему отцу и дѣду, ломавшій древній чинъ установленій, замѣнившій боярскую думу—сенатомъ и патріарха — синодомъ, открыто провозгласилъ новое начало абсолютизма: „Его Величество есть самовластный государь, который никому въ свѣтѣ отвѣта давать не долженъ“. Включивъ эту декларацію самовластія въ воинскій уставъ 1716 года, Петръ невольно подчеркнулъ тѣсную связь абсолютизма съ новой регулярной арміей.

III. Заключеніе.

§ 44. Три періода русскаго историческаго развитія.

Научное изученіе русскаго историческаго развитія Соловьевъ началъ съ отрицанія исключительнаго вліянія нормановъ и монголовъ, выяснивъ ходъ развитія, не зависящій отъ внѣшнихъ вліяній. Свергнувъ иго періодовъ норманскаго и монгольскаго, онъ, однако, сохранилъ, третье иноземное иго, петровскую европеизацію Россіи, признавъ въ ней, по старому, явленіе, опредѣляющее характеръ новаго порядка. Идя дальше по пути Соловьева, мы можемъ теперь, на основаніи новыхъ изслѣдованій о петровской реформѣ, установить, что и европеизація, также какъ норманы и монголы, не составляетъ основного явленія нашего историческаго развитія.

Петровская реформа не перестроила заново старое зданіе, а дала ему только новый фасадъ. Исторію нашу никакъ нельзя дѣлить на двѣ эпохи: допетровскую и петровскую, какъ дѣлали прежде. Время Петра Великаго есть только одинъ изъ этаповъ развитія государства новаго времени, которое въ основныхъ своихъ устояхъ сложилось у насъ въ XVI вѣкѣ и просуществовало до половины XIX-го. XVII-е и XVIII-е столѣтія, а частью и XIX-е тѣсно связываются въ одинъ періодъ. Они связываются въ одно цѣлое, какъ сословная и абсолютная монархіи, лежав-

*) «Понятіе абсолютной власти,—говоритъ Сергѣевичъ,—во всей своей теоретической ясности и послѣдовательности, окончательно сложилось у насъ только въ царствованіе Петра. Московская эпоха по отношенію къ этому вопросу являетъ еще переходное состояніе» («Лекціи и изслѣдованія», стр. 204).

шимъ въ основѣ государственнаго порядка сословнымъ строемъ. Ихъ объединяетъ образовавшееся въ началѣ московскаго государства, только усилившееся послѣ Петра и просуществовавшее съ 1600 года (приблизительно) до 1861 года, крѣпостное право. Это—одинъ періодъ сословнаго государства съ монархическою властью, которая постепенно превращается въ абсолютизмъ, получая перевѣсъ надъ стѣснявшею ее раньше силой сословій.

Въ общемъ ходѣ нашего общественнаго и государственнаго развитія выдѣляются, какъ основныя переходныя эпохи, не время петровской реформы, а XVI вѣкъ, вѣкъ образованія московскаго государства, и раньше эпоха перехода къ удѣльному порядку, въ XII—XIII вѣкахъ. Въ этихъ переходныхъ эпохахъ, продолжавшихся по нѣсколько десятилѣтій, такъ какъ въ соціальномъ развитіи центръ тяжести очень медленно перемѣщается съ одного учрежденія на другое, выдѣляются два историческихъ событія, знаменательныхъ соціологически: въ XVI вѣкѣ опричнина Ивана Грознаго, 1565 года, и въ XII вѣкѣ взятіе Кіева Андреемъ Боголюбскимъ въ 1169 году. Это послѣднее, историческое, военное событіе знаменательно, какъ поворотъ стрѣлки вѣсовъ, указывающій на перемѣстившійся центръ тяжести отношеній. Оно свидѣтельствуетъ, что сѣверо-восточная Русь въ это время уже достаточно населилась и развилась экономически, разъ она могла восторжествовать надъ Русью южной, съ богатой столицей Кіевомъ. А тотъ фактъ, что, взявъ Кіевъ, Андрей отдалъ его младшему брату, а самъ остался на сѣверѣ, во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, знаменуетъ начало вотчиннаго порядка, появленіе князей-вотчинниковъ, начало землевладѣльческой осѣдлости князей и дружинъ.

Столь же знаменательнымъ съ общеисторической точки зрѣнія событіемъ является въ позднѣйшее время опричнина 1565 года, грандіозная конфискація наслѣдственныхъ княжескихъ земель, завершившая, вмѣстѣ съ терроромъ Ивана Грознаго, постепенный упадокъ политическаго значенія княжатъ, и знаменующая торжество новаго государственнаго порядка. Какъ въ удѣльномъ періодѣ главной движущей силой развитія является крупное землевладѣніе на основѣ натуральнаго хозяйства, такъ въ образованіи государства основное значеніе имѣетъ ростъ денежнаго народнаго хозяйства, которое обусловливаетъ объединеніе отдѣльныхъ районовъ страны и господство центральной власти надъ обширной территоріей *).

Двѣ переходныя эпохи, съ ихъ поворотными событіями 1169 и 1565 годовъ, дѣлятъ русскую исторію на три періода, глубоко различающіеся по господствующимъ въ каждомъ изъ нихъ началамъ соціальнаго и государственнаго строя.

Въ первомъ періодѣ, отъ доисторической древности до XII вѣка, основнымъ учрежденіемъ является о б щ и н а или м і р ъ, мірское самоуправленіе, начиная съ низшихъ самоуправляющихся вервей до

*) О развитіи денежнаго народнаго хозяйства въ XVI вѣкѣ см. Н. Рожковъ, «Происхожденіе самодержавія въ Россіи». Ср. мою рецензію въ «Вѣстн. Евр.», 1906, ноябрь, стр. 413.—См. выше § 28.

высшаго самоуправляющагося союза: земли, племени, съ полновластнымъ народнымъ собраніемъ, вѣчемъ. Этотъ мірской строй идетъ изъ глубокой древности, связываясь съ древнѣйшими союзами родовыми; онъ сохраняется и въ кіевскую эпоху, когда пришлые князья, съ своими дружинами и съ посадниками, являются элементомъ, наложеннымъ сверху на строй мірского самоуправленія, и вѣче сохраняетъ свою суверенную власть, призывая князей и изгоняя ихъ, „указывая имъ путь".

Во второмъ періодѣ, съ XIII до половины XVI вѣка, основное значеніе имѣетъ крупное землевладѣніе, княжеская и боярская вотчина, или боярщина-сеньерія. Мірское самоуправленіе сохраняется въ ослабленномъ значеніи; оно живетъ и подъ рукою боярина на его землѣ. Но центръ тяжести отношеній переходитъ отъ міра къ боярщинѣ, къ крупному землевладѣнію, и на основѣ его развивается удѣльный феодальный порядокъ.

Наконецъ, въ третьемъ періодѣ, XVI—XVIII и частью XIX вѣковъ, основнымъ учрежденіемъ является сословное государство. Этотъ періодъ распадается на двѣ, тѣсно связанныя между собою, половины: эпоху московской сословной монархіи и петербургскаго абсолютизма, на основѣ того же сословнаго строя.

Въ теченіе этихъ трехъ періодовъ послѣдовательно смѣняютъ одно другое, въ качествѣ основныхъ, преобладающихъ надъ другими, элементовъ порядка, три учрежденія: 1) міръ, 2) боярщина, 3) государство.

Послѣдній государственный періодъ замыкается переходной эпохой разрушенія стараго сословнаго строя и образованія новаго свободнаго гражданскаго порядка. Эта переходная эпоха еще не пережита нами, но въ ней ясно выдѣляется знаменательнѣйшее событіе нашей новой исторіи: освобожденіе крестьянъ 1861 года, разрушившее главный устой стараго сословнаго строя и тѣсно связаннаго съ нимъ абсолютизма.

Содержаніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Теоріи русской исторіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сеньеріальныя основы удѣльнаго порядка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Феодальныя основы удѣльнаго порядка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Государство XVI—XVIII вѣковъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Феодальныя основы удѣльнаго порядка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Государство XVI—XVIII вѣковъ.